

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Кафедра социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА
И ОБРАЗОВАНИЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной памяти профессора Г. П. Давидюка

Минск, 10 ноября 2021 г.

Минск
БГУ
2021

УДК 316(06)+316:378.016(06)
ББК 60.5я431+60.5р30я431
С69

Редакционная коллегия:

член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук,
профессор *А. Н. Данилов* (гл. ред.);
кандидат социологических наук, доцент *А. А. Похомова*;
доктор социологических наук, профессор *А. В. Рубанов*;
кандидат социологических наук, доцент *М. Г. Волнистая*

Рецензенты:

кандидат социологических наук *И. В. Пинчук*;
доктор социологических наук, профессор *Д. К. Безнюк*

Социологическая наука и образование: современные вызовы и
С69 **риски : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти**
проф. Г. П. Давидюка, Минск, 10 нояб. 2021 г. / Беларус. гос. ун-т ;
редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. –
279 с.

ISBN 978-985-881-232-4.

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых по теоретическим и эмпирическим социологическим исследованиям. Показан вклад профессора Г. П. Давидюка (1923–2020) в развитие социологической науки и образования Беларуси, рассмотрены проблемы актуализации современного социологического образования и науки с учетом новых вызовов и рисков, трансформации предметного поля, тематики и содержания социологических исследований.

УДК 316(06)+316:378.016(06)
ББК 60.5я431+60.5р30я431

ISBN 978-985-881-232-4

© БГУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	9
<i>Данилов А.Н.</i> Роль профессора Г.П. Давидюка в возрождении социологии в Беларуси	9
<i>Бобр А.М.</i> Профессор Г.П. Давидюк и развитие философского образования в Белорусском государственном университете	14
<i>Легчилин А.А.</i> Дискуссии о будущем	17
<i>Волнистая М.Г.</i> Современные риски высшей школы в предметном поле социологического исследования	21
Секция 1. СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГОВ	24
<i>Андрос И.А., Яковлева И.А.</i> К вопросу о развитии научно-технического творчества молодежи в Беларуси	24
<i>Баньковская Ю.М.</i> Регулирование сетевых конфликтов как условие нивелирования рисков современного развития общества	30
<i>Блохин В.Н.</i> Обеспечение функционирования системы образования в условиях пандемии	34
<i>Бубнов Ю.М.</i> Взаимосвязь жизненных ценностей учащейся молодежи и рисков интернет-зависимости	39
<i>Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю., Мунхбат Оролмаа.</i> Трудовая миграция из Монголии в Южную Корею: мнения, суждения, оценки	44
<i>Галанзовский А.С.</i> Отзвук и отклик. Таксономия социологии воображения	49
<i>Грибановский С.П.</i> Интернет-зависимость учащейся молодежи: социологический анализ	52
<i>Елсукова Н.А.</i> Компьютерные гаджеты и девайсы в повседневной жизни учащейся молодежи	57
<i>Лебедева Е.В.</i> «Право на город» и локальные сообщества: возможные сценарии развития	61
<i>Кавецкий С.Т., Мицкевич В.В.</i> Некоторые особенности аномических рисков современного социума	65
<i>Кузьмин С.В.</i> Влияние образования на улучшение цифровых компетенций студентов	69
<i>Курилович Н.В.</i> Специфика профессиональной деятельности преподавателей белорусских учреждений высшего образования в современных условиях	74
<i>Орлович А.А.</i> Пандемия коронавируса и её влияние на общественную жизнь	78
<i>Реут Е.В.</i> Проблемное поле социального представления о носителях экзотеризма	81
<i>Рубанов А.В.</i> Концепция вызовов, рисков и ответов как теоретико-методологический принцип социальных исследований	85
<i>Серова Е.С.</i> Социальные интернет-сети и их влияние на процесс социализации молодежи	91
<i>Ставский В.Н.</i> Риски современного общества: возможности преодоления последствий	94

<i>Стаценя Д.А.</i> Экологическое образование как средство формирования экологической культуры.....	98
<i>Сяоцзяо Чэнь.</i> Кризис рождаемости в китайской семье: новые подходы к решению проблемы.....	104
<i>Шурко А.В., Гурина И.С.</i> Социальная значимость здорового образа жизни в контексте повседневной реальности студенческой молодежи.....	109
<i>Щербин В.К.</i> Социология риска и социальная философия риска: проблема взаимодействий и взаимодополнений.....	113
Секция 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ.....	119
<i>Абраев А. И.</i> Социология образования: этапы развития в беларуси и связь с социологическим знанием.....	119
<i>Андреев С. Е.</i> Предпринимательский университет как основа проекта «Университет 3.0».....	122
<i>Гаврилик О. Н.</i> Социологическое образование в Гродненском регионе: актуальное состояние и перспективы развития.....	126
<i>Кечина Е. А.</i> «Виртуальная аудитория» в лекционных занятиях: методический аспект.....	130
<i>Конон М. В., Гананов А. Д.</i> Выбор профессии как «билет в будущее».....	134
<i>Красковская Д. С.</i> Преподавание социологии у студентов непрофильных специальностей.....	136
<i>Купчинова Т. В.</i> Образование в контексте Индустрии 4.0.....	139
<i>Лихачева С. Н.</i> Социально-гуманитарные дисциплины как составляющая подготовки будущих специалистов.....	142
<i>Миронцов И. В.</i> Прикладные социологические исследования в системе мониторинга качества предоставляемых образовательных услуг.....	149
<i>Мороз О. В.</i> Понимание риска в социологии управления.....	154
<i>Карпова У. Д., Стулья С. В.</i> Особенности профориентации старшеклассников: советы первокурсников бгу.....	157
<i>Похомова А. А., Сакович А. Ю.</i> Социологическое образование в Беларуси: проблемы профориентации школьников.....	161
<i>Такушевич П. В.</i> Ценность образования в современном мире.....	165
<i>Филинская Л. В.</i> Конкурентоспособность будущих социологов: проблемы и перспективы.....	167
<i>Шафаренко А. К.</i> Социология в мире животных.....	171
<i>Щелкова Т. В.</i> Социологическое образование: современные технологии и методы обучения.....	173
Секция 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ.....	179
<i>Ананьев В. Л.</i> Инвалиды как объект социологического исследования.....	179
<i>Барановский В. А.</i> Интернет-мемы в контексте культурной модернизации общества.....	185
<i>Бельский А. М.</i> «Give-up-itis» мира новых медиа: психогенная смерть или настоящая жизнь*.....	188

<i>Велько О. А.</i> Методика социологических выводов в ходе исследования удовлетворенности студентов БГУ качеством получаемого образования.....	193
<i>Веренич М. И.</i> Качественные исследования памяти в контексте современных вызовов: международный опыт	198
<i>Корело О. Н.</i> Цифровые технологии в системе оценки эффективности деятельности ученого.....	203
<i>Малишевский Н. Н.</i> Социологический опрос как политтехнологический инструмент формирования сознания.....	208
<i>Мальцева Д. С.</i> Личностная трансформация в условиях виртуального игрового пространства	210
<i>Мартищенко Е. В.</i> Уровень развития социальной инфраструктуры пострадавших от аварии на ЧАЭС районов Беларуси в оценках населения.....	215
<i>Мисун А. А.</i> Социальная реклама как инструмент формирования социальных ценностей	220
<i>Мысливец Н. Л.</i> Разные поколения – единая память (из опыта социологических исследований)	224
<i>Назарова Д. В.</i> Социальные аспекты неионизирующего излучения: постановка проблемы для социологических исследований	230
<i>Нейман К. П.</i> Теоретико-методологический аспект исследования воздействия средств массовой информации на молодежь.....	235
<i>Орлова Н. С.</i> Виды трудовых стратегий лиц старших возрастов в условиях цифровизации труда.....	241
<i>Островский С. Н.</i> Изучение отношения студентов-первокурсников к развитию предпринимательского потенциала белорусской молодежи	246
<i>Титаренко Л. Г.</i> Цифровизация высшего образования: возможности и риски.....	251
<i>Філімонаў М. А.</i> Канцэпцыя інфармацыйнага эгалітарызму ў сацыялагічнай тэорыі.....	256
<i>Чайковская Р. В.</i> Перспективность идеи родовых поместий в контексте устойчивого развития	262
<i>Черняк Ю. Г., Мятникова И. В.</i> Некоторые особенности поведения потребителей табачной продукции (по результатам социологического исследования)	267
<i>Шевчик Д. О.</i> Исследование коммуникативных практик и экономических отношений в условиях цифровизации.....	272
<i>Ярмош Д. А.</i> Урбанистические шумы и качество жизни: особенности и последствия.....	275

ВВЕДЕНИЕ

30 октября 2021 г. Белорусский государственный университет отметил свой вековой юбилей. Институционализация социологии на территории Беларуси началась с открытием БГУ и созданием в нем кафедры «Социологии и первобытной культуры» (С.З. Каценбоген), где студентам читались лекции по генетической социологии, проблемам труда, праву, истории культуры, социологии семьи и брака. После отождествления исторического материализма с социологией преподавание социологических дисциплин было исключено из учебных планов БГУ. Возрождались социология в 1960-е гг. с созданием Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ (ПНИЛСИ БГУ) (первый руководитель – проф. И.Н. Лушицкий). В недрах которой, и сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов (проф. Г.П. Давидюк) были подготовлены кадры и созданы необходимые условия для открытия в 1989 г. отделения социологии и кафедры социологии (первый зав. кафедрой – проф. А.Н. Елсуков).

Профессор Г.П. Давидюк по праву считается родоначальником современной белорусской социологии и создателем белорусской социологической школы. БГУ является одним из ведущих университетов на постсоветском пространстве, располагает всем необходимым для дальнейшего развития социологической науки и образования, здесь идет подготовка высококвалифицированных специалистов-социологов, развивается социологическая научная школа, работают известные специалисты, готовятся высококвалифицированные кадры, способные работать в условиях глобальной нестабильности, готовые достойно ответить на новые вызовы времени.

10 ноября 2021 года в БГУ состоялась международная научно-практическая конференция «Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски», посвященная памяти профессора Г.П. Давидюка. Конференция было организовано кафедрой социологии в честь выдающегося белорусского философа и социолога Георгия Петровича Давидюка (1923-2020). Известный ученый-социолог, подвижник и родоначальник научной школы прикладной социологии, доктор философских наук, профессор Давидюк Георгий Петрович – легенда социологической науки. Во все времена большего результата добиваются ученые, которые наравне с природным талантом, интеллектом и огромным трудолюбием настойчивы и упорны в отстаивании своей научной позиции. Они заражают энергией других, развивают новые научные направления и тем самым ведут к победам своих коллег и учеников. Георгий Петрович

попал в первый призыв социологов. Он в одном ряду с нашими классиками – А.Г. Здравомысловым, Ю.А. Левадой, Г.В. Осиповым, В.А. Ядовым, Б.А. Грушиным, В.Н. Шубкиным, А.Г. Харчевым, другими первопроходцами.

Профессор Г.П. Давидюк многое в жизни делал первым... Первым обратил внимание на огромный потенциал социологической науки, создал сектор, затем отдел социальных исследований в Академии наук БССР, первым организовал подготовку профессиональных социологов в Белорусском государственном университете, написал первые учебные программы и учебники по прикладной социологии, создал первый «Словарь прикладной социологии», при кафедре философии организовал сектор прикладной социологии и первым начал работать с предприятиями и организациями на договорной основе, «прорубил окно в Европу» для белорусских социологов...

Для участников конференции была доступна не только форма очного присутствия, но и возможность дистанционного подключения к zoom-конференции. В аудитории 524 сотруниками Фундаментальной библиотеки БГУ была организована выставка трудов профессора Г.П. Давидюка.

В рамках пленарного заседания был продемонстрирован фильм памяти ученому, подготовленный доцентом кафедры социологии М.Г. Волнистой, прозвучали теплые слова воспоминаний от учеников и коллег Г.П. Давидюка о его роли в становлении социологии в Беларуси, формировании и развитии социологического образования в БГУ, а также личностном и профессиональном становлении многих известных белорусских ученых. Выступили: Д.Г. Ротман, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологических и политических исследований БГУ; С.Н. Бурова, кандидат юридических наук, доцент; С.В. Лапина; доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь; И.Н. Андреева, кандидат философских наук; А.М. Бобр, кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по учебной работе ФФСН БГУ; И.А. Яковлева, кандидат социологических наук, заведующий Центром социального мониторинга УО «Минский государственный дворец детей и молодежи» и др.

На пленарном заседании с докладами выступили также профессор А.Н. Данилов, доцент М.Г. Волнистая, заведующий отделом научно-методического обеспечения инновационного развития ГУ «БелИСА» кандидат социологических наук А.А. Белов. В рамках пленарного заседания состоялась продуктивная дискуссия по острым социальным

проблемам, связанных с развитием системы университетского образования, трансформацией подготовки кадров высшей научной квалификации, специалистов-социологов, воспроизводством научных кадров в Беларуси.

Была высказана рекомендация о проведении к столетию Георгия Петровича в 2023 г. Давидюковских чтений, издания книги о нем в университетской серии «Память и слава» и открытии стенда в Музее истории РИВШ.

Александр Данилов,
заведующий кафедрой социологии,
член-корреспондент НАН Беларуси

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

РОЛЬ ПРОФЕССОРА Г.П. ДАВИДЮКА В ВОЗРОЖДЕНИИ СОЦИОЛОГИИ В БЕЛАРУСИ

А.Н. Данилов

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
a.danilov@tut.by*

В статье утверждается, что институционализация социологии на территории Беларуси началась с открытием в 1921 г. Белорусского государственного университета и созданием в нем кафедры «Социологии и первобытной культуры» (С.З. Каценбоген). После отождествления исторического материализма с социологией преподавание социологических дисциплин было исключено из учебных планов БГУ. Возрождались социология в 1960-е гг. с созданием Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ (ПНИЛСИ БГУ) (первый руководитель – проф. И.Н. Луцицкий). В недрах которой, и сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов (проф. Г.П. Давидюк) были подготовлены кадры и созданы необходимые условия для открытия в 1989 г. отделения социологии и кафедры социологии (первый зав. кафедрой – проф. А.Н. Елсуков). Отмечается большой вклад профессора Г.П. Давидюка (1923-2020) в возрождение социологической науки и образования на территории Беларуси и создание Белорусской социологической школы.

Ключевые слова: *Г.П. Давидюк; социология; Белорусский государственный университет; институционализация социологии; Белорусская социологическая школа; история; этапы развития.*

Социология в СССР вновь понадобилась, когда в мире она уже давно была признана всеми и преподавалась в крупнейших мировых университетах, когда ни одно мало-мальски заметное событие не обходилось без социологических прогнозов. В стране ощущалась потребность в новых знаниях, реально отражающих социальные процессы и противоречия, новые теории прогнозирования и управления обществом.

Символом возрождения социологии в Беларуси стал профессор Г.П. Давидюк. «По моему личному восприятию, здесь очень много сделал проф. Г.П. Давидюк, – писал в обращении к читателю номера журнала «Социологические исследования» посвященного развитию социологии в Беларуси «Беларусь: время надежд» Ж.Т. Тощенко, – еще в 1979 г. в издательстве «Вышэйшая школа», в Минске он выпустил в свет один из первых учебников нового поколения «Прикладная социология». Именно в этом учебнике Г.П. Давидюк сформулировал свое представление о функциях социологии, ее основных категориях, законах, которые были

использованы шедшими за ним более молодыми исследователями. Эта книга примечательна еще двумя чертами: во-первых, в ней была сделана едва ли не первая попытка дать очерк современной советской социологии – ее трудов и их авторов за 60-70-е годы, и во-вторых, сформулированы предложения и размышления, как построить учебный процесс (на примере Белорусского университета)» [1, с. 3]. И далее Ж.Т. Тощенко отмечает: «Опыт обобщения теоретических поисков и прикладных исследований стал основой для еще одного крупного достижения белорусских социологов: под редакцией Г.П. Давидюка (составители А.Н. Елсуков, К.В. Шульга) в 1984 г. вышел в свет «Словарь прикладной социологии» (Минск: Университетское, 1984; повторно он был переиздан в 1991 г.). По сути дела, это был первый советский социологический словарь, вышедший в свет после официального признания социологии. Этот словарь появился раньше аналогичных изданий в Москве и Киеве и был сразу признан социологическим сообществом, стал помощником для тех, кто ориентировался на стезю социологии, пытался реализовать на практике конкретные социологические исследования, создавать первые учебные курсы по социологии» [1, с. 3]. Высокая и заслуженная оценка.

Георгий Петрович первым взял на себе ответственность за организацию подготовки профессиональных социологов. С начала 1974/75 учебного года на философском отделении исторического факультета БГУ по инициативе профессора Г.П. Давидюка была открыта специализация по прикладной социологии. В 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов в области прикладной социологии, которые были распределены на предприятия в качестве социологов. К началу 1980-х гг. в аспирантуре на кафедре философии обучалось около двадцати человек по данной специальности.

За этой лаконичной информацией скрывается неравное противостояние ученых с министерским начальством. Вот как это было. Рассказывает Г.П. Давидюк: «Однако, наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено диктаторским повелением «сверху». В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Белоруссии в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерстве высшего образования СССР заместитель Министра этого Министерства, он же – руководитель делегации Н.И.Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на

философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом, Н.И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: «У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?» Я спокойно ответил, что учебный план для такой подготовки нам утвердил первый заместитель Министра высшего образования СССР Н.Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано «профессия – прикладной социолог». Н.И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ «нагрянула» министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись «профессия – преподаватель общественных наук». Так мы и делали до 1988 г., пока не признали социологию самостоятельной наукой и не открыли 12 социологических факультетов и отделений в университетах СССР, в том числе и отделение в БГУ» [2, с. 96].

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, который был создан Г.П. Давидюком и начал научно-исследовательскую деятельность в 1974 году. «С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В.М.Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хоздоговорных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г.П.Давидюк, заведующим сектором – доцент И.Я.Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук: С.А. Шавель, Д.Г.Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хоздоговорных исследований каждый год возрастало. К 80-м годам сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А.Н. Елсуков, И.Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С.А. Шавель, Г.Н. Соколова, Д.Г. Ротман, А.И. Левко, А.П. Кацева, К.Г. Лапич и др. Полевые исследования на предприятиях проводили 68 человек, в том числе 47 научных сотрудников и 21 преподаватель и аспирант, среди последних были Л.Г. Титаренко и С.В. Лапина, ставшие впоследствии докторами социологических наук, профессорами» [2, с. 97]. В 1960–1970-е годы по примеру БГУ стали создаваться социологические структуры во всех

ведущих вузах республики. Работа сектора прикладной социологии в БГУ дало толчок развитию заводской социологии.

Социологам всегда жилось не просто. Результаты социологических исследований, представленные администрации заводов, опубликованные социологами работы далеко не всем нравились. Администрация некоторых заводов жаловалась в партийные органы на «субъективизм» социологов, отдельные заказчики даже расторгали договор с университетом на проведение исследований. Партийные органы использовали это для «разноса» социологов. Неоднократно на пленумах Минского горкома КПБ имела место «взбучка» в адрес университетских социологов. Г.П. Давидюк вспоминал: «В 1985 г. в Минск прибыла московская комиссия, в составе которой были работники аппарата ЦК КПСС и Министерства высшего образования СССР. Она скрупулезно проштудировала деятельность академических социологов и социологов вузов Минска. Члены комиссии интересовались прежде всего результатами хоздоговорных социологических исследований. «Особое» внимание уделили социологическим службам БГУ и Белорусского политехнического института. В своем заключении комиссия обвиняла минских социологов не только в «извращении» социальной действительности, но и в «финансовом ограблении» заводов, оплачивающих хоздоговорные социологические исследования. Комиссия рекомендовала запретить хоздоговорные социологические исследования. После отъезда комиссии партийные органы стали делать оргвыводы. Заведующий кафедрой научного коммунизма Белорусского политехнического института, при котором функционировала большая хоздоговорная социологическая группа, проводившая исследования на многих заводах г. Минска, профессор В.Н. Семеньков был снят с работы со строгим партийным взысканием. Группе было запрещено проводить хоздоговорные исследования. Секретарь ЦК КПБ А.Т. Кузьмин прислал в партком БГУ за своей подписью письмо, в котором требовал снять профессора Г.П. Давидюка с должности заведующего Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ и «привлечь к ответственности». Несмотря на все попытки нового ректора БГУ, академика Л.И. Киселевского и парткома БГУ защитить Г.П. Давидюка, им пришлось выполнить распоряжение секретаря ЦК КПБ А.Т. Кузьмина. На заседании парткома Белгосуниверситета Г.П. Давидюку второй раз объявили строгий выговор, а ректор отдал приказ об увольнении его с должности заведующего Проблемной социологической лабораторией» [2, с. 98]. Ну, что здесь скажешь, когда «социология просто возрождалась...».

Понимание значения социологии у власти пришло слишком поздно, когда уже ничего не могло спасти развал СССР и советского строя. Однако, может быть в качестве покаяния, при советской власти успели принять решение об открытии социологических факультетов и отделений в ведущих университетах страны. В 1989 г. в БГУ открывается отделение социологии и кафедра социологии (первый зав. кафедрой – профессор А.Н. Елсуков) [3]. За 30 лет работы кафедра социологии располагает высоким научным потенциалом, обеспечивается преемственностью, где работают ведущие специалисты разных поколений, лучшие социологические силы страны.

Менялось время, которое требовало новых форм организации. В этот период «птены из гнезда Г.П. Давидюка» оказались на высоте. Стали активно развиваться международные связи, появились первые негосударственные исследовательские структуры. Здесь следует отметить активность Д.Г. Ротмана, С.Н. Буровой, О.Т. Манаева, А.П. Лимаренко, Ж.М. Грищенко, Л.Г. Титаренко и др. Несмотря на усилия профессора С.Д. Лаптенка и переводом ПНИЛСИ на новый философско-экономический факультет, лаборатория медленно увядала.

На протяжении всей своей 30-летней истории кафедра активно взаимодействует с ведущими академическими социологами, где работают наши выпускники и сотрудники кафедры Д.К. Безнюк, Ю.Г. Черняк, О.В. Кобяк, Е.В. Шкурова и др. Кафедра постоянно пополняется за счет лучших своих выпускников, успешно завершивших учебу в аспирантуре и имеющих опыт научно-исследовательской работы. Университетские социологи стали научно-методологической базой сотрудничества с региональными социологами (Брест, Гродно, Гомель, Могилев, Витебск).

Ощущается всё возрастающая значимость результатов социологических исследований при принятии важнейших управленческих решений. Важным представляется междисциплинарный синтез при подготовке современных научных кадров, не ограничивать учебный план рамками исключительно своей компетенции, ориентироваться исключительно на прикладные, частные вопросы, искусственно насаждать междисциплинарную обособленность и исключительность. «Наука об обществе <...> должна подняться до уровня фундаментального знания» [4, с. 38].

«Традиции, заложенные профессором Г.П. Давидюком, со временем трансформировались, отвечая на новые вызовы времени, но все же оставались своеобразными маяками развития. Время дополняло их новым опытом, обновляло содержание, обогатило и создало условия для преодоления препятствий на историческом пути» [5, с. 11]. Тематика

исследований, широкая философская и методологическая подготовка, междисциплинарность исследований, академичность образовательного процесса, их практико-ориентированный характер, подготовка кадров для нужд всей страны – стали визитной карточкой белорусских социологов.

Библиографические ссылки

1. Тощенко Ж.Т. Беларусь: время надежд // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 3-4.
2. Давидюк Г.П. В муках и страданиях родилась социология // СОЦИС. 2008. № 6. С. 93-99.
3. Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания. – Минск: БГУ. 2014.
4. Симонян Р.Х. Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 29-40.
5. Данилов А.Н. Vivat universitas! 100 лет институционализации социологии в Белорусском государственном университете. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. № 3. 2021. С. 4-12.

ПРОФЕССОР Г.П. ДАВИДЮК И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А.М. Бобр

*Белорусский государственный университет,
Пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Беларусь
amb58@inbox.ru*

Рассматривается роль профессора, доктора философских наук Г.П. Давидюка в формировании кафедры философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета, раскрывается значение его теоретических работ для развития философского образования. Отмечаются основные направления кадровой политики Г.П. Давидюка как первого заведующего кафедрой философии гуманитарных факультетов.

Ключевые слова: *Г.П. Давидюк; Белорусский государственный университет; кафедра философии гуманитарных факультетов, философское образование.*

В 2021 году Белорусскому государственному университету исполнилось 100 лет. За время своего существования университет стал крупнейшим национальным научно-образовательным комплексом, реально соответствующим критериям классического университета. Одними из отличительных признаков классического университета являются гармоничное сочетание естественных и гуманитарных наук, высокий уровень квалификации преподавателей, широкий фронт научных

исследований. В этой связи необходимо отметить, что БГУ всегда отличался высоким уровнем развития социально-гуманитарных наук. Так, например, одним из первых факультетов университета являлся факультет общественных наук, который заложил теоретические и организационные основы подготовки высококвалифицированных кадров в гуманитарной сфере.

Белорусский государственный университет является единственным вузом в республике, где на профессиональной основе готовятся кадры философов. Ни один другой вуз в республике ни раньше, ни теперь не осуществлял обучение студентов по специальности «философия». Значительную роль в организации образовательной, научной и воспитательной деятельности на философском отделении БГУ сыграл доктор философских наук, профессор Давидюк Г.П.. Он пришел в БГУ в довольно решающий и ответственный момент, который связан с реформированием кафедры философии. До 1973 года существовала единая общеуниверситетская кафедра философии, которую возглавлял доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР Степанов В.И. Данная кафедра обеспечивала не только преподавание курса философии на всех факультетах университета, но и являлась выпускающей кафедрой для философского отделения БГУ.

С целью профилизации учебного процесса, при которой учитывалась бы специфика специальностей, было принято решение о ее разделении на две самостоятельные кафедры – кафедра философии естественных факультетов и кафедра философии гуманитарных факультетов. Возглавить последнюю как раз и был призван Давидюк Г. П.

К этому времени он был уже известен как профессионал высокого уровня в сфере социальной философии. Широкой популярностью пользовались его работы, посвященные анализу динамики социальной структуры общества, особенностям формирования массовой культуры, закономерностям массовой коммуникации в обществе. Высокую оценку специалистов, как в нашей стране, так и за рубежом получила его монография, в которой исследовалась теория индустриального общества. Поэтому кандидатура доктора философских наук, профессора Давидюка Г.П. по уровню квалификации и направленности научных исследований вполне соответствовала профилю кафедры философии гуманитарных факультетов БГУ. С 1973 года Давидюк Г.П. стал первым заведующим данной кафедрой.

Как любой вновь создающейся структуре кафедре и соответственно ее заведующему пришлось столкнуться с целым рядом организационно-административных проблем. Уже тот факт, что новая кафедра философии

гуманитарных факультетов территориально была размещена в престижном главном корпусе БГУ, свидетельствует о признании ее роли в образовательном процессе и об авторитете ее заведующего Давидюка Г.П.

Процесс разделения единой кафедры философии на две повлек за собой и изменения в кадровом потенциале. И новому заведующему пришлось решать вопросы, связанные с комплектованием штатного расписания новой кафедры философии гуманитарных факультетов. Давая согласие на назначение на должность, Давидюк Г.П. оговорил условия, что он лично будет отвечать за подбор кадров, учитывая в первую очередь их профессиональные и личностные качества. Это было довольно смелое решение, так как в эти годы кандидатуры на должности преподавателей кафедр общественных наук должны были проходить согласования в партийных и государственных структурах, которые зачастую могли и навязать номенклатурных работников. И только личный авторитет Давидюка Г. П. позволил ему быть относительно свободным в выборе новых преподавателей.

Как заведующий новой выпускающей кафедрой он прекрасно понимал, что ей предстоит завоевать новый имидж сильной профессиональной структуры, которая призвана готовить специалистов в области философии. Из числа преподавателей прежней кафедры в состав новой вошли доценты Петушкова Е.В., Гуцаленко Л.А., Рябков И.А., Панкратов В.Н., преподаватели Овчаренко В.И., Дудко Е.А., Чеснокова Г.И., Игнатенко О.И., Шинкарь Ю.С. Данные преподаватели вели занятия по философии на гуманитарных факультетах БГУ и обеспечивали чтение ряда курсов на философском отделении.

В то же время ощущалась острая потребность в новых кадрах, призванных разработать перспективные направления философской науки. И здесь в полной мере проявился талант Давидюка Г.П. как организатора учебной и научно-исследовательской работы на философском отделении. За первые два-три года своего руководства кафедрой Давидюк Г. П. пригласил на работу в БГУ доцентов Степина В.С., Елсукова А.Н., Изоха В.Г., Писаренко А.И., Зеленкова А.И. Каждый из них внес большой вклад в развитие философской науки и образования БГУ. Особенно велик вклад Степина В.С., как основателя и лидера известной минской методологической школы, Елсукова А. Н. как первого декана философско-экономического факультета, Зеленкова А.И. как декана факультета философии и социальных наук. В более поздние годы Давидюк Г.П. пригласил для работы на кафедре доцента Пашкевич А.Н. как специалиста по методике преподавания философии, доцента Павлову А.Т. как специалиста по социальной философии.

Совместными усилиями обновленного состава кафедры заняла ключевые позиции, как в университете, так и на философском отделении. Ведь ей пришлось отстаивать свои позиции в соперничестве с сильной кафедрой истории философии и логики, которой долгие годы руководил доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР И.Н. Лущицкий. Именно эти две кафедры внесли огромный вклад в подготовку специалистов на философском отделении.

Кафедра философии гуманитарных факультетов стала пользоваться большим авторитетом среди студентов философского отделения. Лучшие студенты специальности «философия» писали курсовые и дипломные работы именно на данной кафедре. Студенческие группы философского отделения неоднократно признавались лучшими учебными группами в университете. Лекции таких ведущих преподавателей кафедры, как В.С. Степин, В.И. Овчаренко, А.Н. Пашкевич, посещали многие студенты других факультетов университета.

Традиционно каждый год проводились студенческие научные конференции, на которых студенты не только философского отделения, но и других факультетов, обсуждали актуальные проблемы философской науки. Авторитет и научный потенциал Г.П. Давидюка позволили ему впервые в республике открыть в рамках философского отделения специализацию по прикладной социологии, что положило начало социологическому образованию в университете.

Педагогический талант Давидюка Г.П. проявился не только в подготовке кадров, но и в отборе лучших выпускников философского отделения для обучения в аспирантуре и дальнейшей работе на кафедре. Профессиональное становление на кафедре, которой руководил Г.П. Давидюк, прошли доктора философских наук Кузнецова Л.Ф., Яскевич Я.С., Румянцева Т.Г., Титаренко Л.Г., доценты Барковская А.В., Яскевич А.В., Гурко Е.Н., Скикевич А.А., Ширшов И.Е. и многие другие.

ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ

А. А. Легчилин

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
liahchylin@bsu.by*

В представленных материалах обращено внимание на философско-теоретические работы профессора Г.П. Давидюка. Показано, что в авторефератах кандидатской и докторской диссертаций, а также в монографии «Критика буржуазной теории «единого индустриального общества» автор, в период идеологического противостояния, дискутируя с западными оппонентами, тем самым знакомил

читателя с основными идеями данных теорий общественного развития. В контексте критики своих западных визави белорусский ученый предлагал авторское видение будущего.

Ключевые слова: Г.П.Давидюк; теории «единого индустриального общества».

Прежде чем начать повествование по заявленной теме, хотелось бы предаться некоторым воспоминаниям, связанным с личностью профессора Г.П.Давидюка. Мне посчастливилось иметь кратковременную возможность созерцать его личность как педагога. Во время учебы в БГУ на философском отделении он нам читал курс социологии. Это было в конце 1960-х начале 70-х годах. Социология только, только начинала свое восхождение в СССР. Ее общепризнанным лидером в Советской Беларуси в то время был Г.П.Давидюк. Естественно, нам студентам было лестно, что именно он читает курс социологии, о которой мы знали только одно название. Это был урок академического профессора, свободно владеющий своей областью знаний. Без единой заготовки, со специфической манерой размышлять по теме лекции и с присущим ему западнобелорусским диалектом, порой с некоторой доверчивой улыбкой на устах, он подробно излагал суть проблемы, как бы завораживая нас. И меня это действительно увлекло. После окончания университета в 1977 году я искал себя, желая приложить полученные знания. Дело в том, что, обучаясь на вечернем отделении, мы не были подвергнуты обязательному распределению. Приходилось трудоустроиваться самостоятельно. А в это время начали создаваться отделы НОТ (научная организация труда), позднее социологические службы на предприятиях. Учитывая, что я закончил автомеханический техникум в г. Минске, работал некоторое время на Минском тракторном заводе в должности технолога, неплохо знал производство и под впечатлением лекций Г.П.Давидюк мне казалось, что именно здесь мое место. Я трудоустроился в отдел НОТ Минского завода им. Вавилова. Именно здесь, мне представлялось, я смогу реализовать теоретические постулаты профессора. Особенно мне импонировала идея Г.П.Давидюка, когда он излагал теорию Э.Мэйо и его знаменитый «Хоторнский эксперимент» о влиянии объективных факторов (освещения, оплаты, перерывов и пр. человеческих аспектов бытия) на производительность труда. Сегодня, из истории социологии мы знаем, что результаты исследования стали отправной точкой методологической революции в понимании феномена труда на производстве и послужили началом «школы человеческих отношений» в менеджменте. Я это поведал своему руководителю в лаборатории НОТ, на что он с определенной долей иронии, в принципе не возразил и пожелал успехов.

В дальнейшем у меня был еще один опыт практического социолога, когда я участвовал в группе социологов под руководством С.А.Шавеля. Мы изучали трудовые отношения на заводе полупроводниковых вентилях в городе Молодечно.

Это небольшое отступление от темы, суть которого, отдать дань уважения и признательности профессору, имевшую определенную частицу в моей личной жизни. В дальнейшем вся моя последующая академическая карьера будет сосредоточена в области истории философии. Именно с этих позиций и сегодняшнего времени я попытаюсь осмыслить его фундаментальные работы, которые в свое время сделали ему имя и признательность в последующем. Это его кандидатская и докторская диссертации и ключевая монография в области социальной мысли своего времени.

Кандидатская диссертация «Основные черты современного ревизионизма» [1] была представлена на соискание ученой степени кандидата философских наук. Защита состоялась, как значится в автореферате, 22 июня 1959 года в Москве на заседании Ученого Совета кафедры диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Скорее всего это произошло в первой половине года, так как в выходных данных записано, что датой подписи к печати в типографии издательства ВПШ и АОН значится дата 29 апреля 1959г. К сожалению, в автореферате не указаны оппоненты, видимо тогда так было не принято. На 15-ти страницах, объемом в 1 п.л., как пишет автор, «исследуются источники и классовая сущность современного ревизионизма» [1, с. 4]. В данном случае нас интересуют слово «источники». И действительно, в автореферате перечисляются многочисленные современные для того времени знаковые персоналии, которые были на авансцене социальной мысли: М.Джилас, Имре Надь, А.Джолитти, П.Эрве, И.Б.Солсберг, Дж.Гейтс, Г.Лукач, Э.Блох, А.Лефевр [1, с. 5-6]. Именно эти фигуры обсуждали будущее капиталистического развития и цивилизационного устройства в целом. И 36-летний молодой ученый Г.П.Давидюк вступает в полемику и предлагает свои пути решения будущего общественного развития в соответствии со своим временем.

В 1968 году Г.П.Давидюк защищает докторскую диссертацию «Критика буржуазной теории “единого индустриального общества”» [2] на соискание ученой степени доктора философских наук. Работа выполнена, как зафиксировано в автореферате, в Институте философии и права Академии наук Белорусской ССР. В качестве официальных оппонентов выступили: член-корреспондент АН СССР, доктор философских наук, профессор Ц.А.Степанян; член-корреспондент АН БССР, доктор философских наук,

профессор В.И.Степанов; доктор философских наук, профессор В.С.Семенов. На внешний отзыв была направлена в Отдел конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Защита состоялась на заседании Совета по присуждению ученых степеней по философским, историческим, юридическим и экономическим наукам Белорусского государственного университета. Защита состоялась в начале года, а уже в конце 1968 года выходит его монография как продолжение и углубление данной проблемы под примерно идентичным названием «Критика теории “единого индустриального общества”» [3]. Автор, ссылаясь на VI Всемирный социологический конгресс (1966) констатирует, что «теория “единого индустриального общества” является основополагающей общесоциологической буржуазной доктриной общественного развития, пытающейся дать объяснение современному общественному прогрессу, предсказать будущее человечества» [2, с. 13]. Но если в автореферате кандидатской диссертации только перечисляются фамилии авторов западных теорий, то в монографии читатель знакомится с их основными идеями, пусть в идеологически критическом тоне. Причем, конкретно, на языке оригинала, указываются работы идейных оппонентов 50-х-60-х годов: Р.Арона, Ф.Перру, Э.Рихерта, Г.Р.Лилиенштерна, В.Стшелевича, Дж.Бернарда, У.Мура, Б.Хозе, А.П.Фельдмана, К. Керра, С.Липсета, А.Инкелеса; коллективные работы американских, английских, немецких социологов и экономистов [3, с.7-8]. Полемизируя в тех условиях жесткого идеологического противостояния, 45-летний белорусский ученый, не только протипоставляет идеологемы друг другу, но футурологически оценивает, как он пишет, «сходные» последствия индустриального развития капитализма и социализма в теории “единого индустриального общества”. Так названа одна из глав монографии, в которой актуализируются ряд проблем свойственных, в том числе и современному общественному развитию. Просто перечислим их вслед за автором, где он об этом рассуждает: «1.Развитие науки и рост квалифицированных кадров; 2.Профессиональные изменения рабочего класса; 3. Урбанизация и ее последствия; 4. Рост жизненного уровня населения» [3., с.229]. Звучит, как видим, вполне в духе нашего времени.

Таким образом, мы вправе с позиций современности заключить, что профессор Г.П.Давидюк достаточно тонко и объективно оценивал настоящее и перспективно рассуждал о будущем общественного развития. Свидетельством тому представлены конспективно его фундаментальные работы, а его имя войдет в пантеон отечественных социальных мыслителей XX века.

Библиографические ссылки

1. Давидюк Г.П. Основные черты современного ревизионизма: автореф. дис... канд. филос. наук / Академия общественных наук при ЦК КПСС. Кафедра диалектического и исторического материализма. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1959. 15с.
2. Давидюк Г.П. Критика буржуазной теории «единого индустриального общества»: автореф. дис... канд. филос. наук / Г.П. Давидюк. Мн.: Наука и техника, 1968. 32с.
3. Давидюк Г.П. Критика теории «единого индустриального общества». Мн.: Наука и техника, 1968. 229с.

СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

М.Г. Волнистая

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
mgv22@mail.ru*

В публикации рассматривается методологический аспект исследования рисков системы высшего образования в эпоху институциональных и глобальных изменений архитектоники высшей школы. Автор обращает внимание на категорию «человекообразность» социальной системы применительно к образованию в контексте социологического измерения и понимания сущности основных проблем трансформации образовательных систем. Автор рассматривает проблему функционирования образовательных систем как социальных в контексте реализации социальных проектов, имеющих эффект благодаря проведению предварительного социологического исследования. Актуализируется видение будущих проектов с участием высшей школы и их экспертиза в предметном поле современных социологических исследований.

Ключевые слова: *высшая школа; человекообразные системы; социальные и экономические риски; образовательные системы; функциональная адаптация; институциональные изменения.*

В современных условиях возрастания напряженности в разных точках глобального мира, развивающихся геополитических конфликтов и социально-экономических потрясений, пандемии, ставших причинами и факторами экономической и социальной нестабильности многие субъекты социально действия и среди них система высшей школы оказались в сложной, слабо прогнозируемой ситуации. Академический мир, руководители и специалисты, профессорско-преподавательский состав высшей школы столкнулись с проблемой отсутствия научного и методологического обеспечения процессов устойчивого развития инфраструктуры высшей школы в меняющихся институциональных условиях. В предметное поле социологических исследований попало такое

важное системообразующее свойство высшей школы как социальной системы, которое академик РАН Степин В.С. назвал «человекоразмерностью». Предметным интересом социологического знания становится механизм функционирования высшей школы как «человекоразмерной» образовательной социальной системы в условиях меняющейся и обновляющейся цифровой среды. При всем огромном разнообразии и многозначности социальных и экономических процессов в настоящее время со стороны правительств и структур гражданского общества к учреждениям высшего образования предъявляются уже новые требования и критерии, отработать которые в системе принятия решений не представляется возможным без хорошо налаженного социологического сопровождения и социологических исследований, позволяющих прежде всего минимизировать риски, более объективно видеть общую картину изменяющихся проблем образовательного поля под влиянием процессов цифровизации, выявлять прямые и обратные связи всех детерминантных внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на образование как социальную систему, а также более точно подбирать методы управления и рассматривать всю совокупность процессов государственно-управленческого влияния на жизнедеятельность и консолидацию общества и образования как социальной системы. Все это способствует достижению состояния динамического равновесия между государством как социальной системой и ее внешним окружением. Система высшей школы является важнейшей компонентой этого окружения. Поскольку она участвует в решении многих стратегических задач общества и государства. Функциональная адаптация социальной системы в реальности формализуется через систему принятия решений на уровне институтов государственного управления инновационными процессами. Высшая школа является обязательным элементом инновационной инфраструктуры как показывает мировая практика и опыт развития и возникновения различных моделей университетского образования и их сотрудничества с государством в рамках различных крупномасштабных проектов. Адаптация социальной системы формализуется так же в практике инновационных процессов через разнообразную инфраструктуру социальных механизмов, создание которых в рамках системы высшей школы, благодаря именно ее «человекоразмерности» является более перспективным и позволяет существенно минимизировать многие экономические и социальные риски, поскольку есть наличие не только такого ресурса как интеллектуальный и коммуникативный капитал, позволяющий многогранно и междисциплинарно исследовать проблемы, но и благодаря возможности отработать на «малых» формах и моделях

рисковые экономические и социальные проекты и концепции, направленные на решение сложных профессиональных задач в секторах будущей цифровой экономики, транспорта, строительства, социальной сферы и науки. В социальной сфере подобные проекты безусловно должны реализовываться на основе социологического сопровождения и актуальных исследований с целью минимизации рисков от неудачного реформирования и устаревших методов модернизации, с целью отработки новых эффективных моделей принятия решений с позиций профессионального подхода. Создавать новое научное обеспечение с применением социологических исследований вполне реально и необходимо в рамках организации преддипломных практик и дипломных проектов. С этой целью необходимо существенно повысить социальную мотивацию самих производств, предприятий и коммерческих кампаний и холдингов приглашать на преддипломную практику будущих выпускников высшей школы. Будущие специалисты и выпускники высшей школы в новых условиях информационного общества и трансформаций глобальной экономики знаний вполне способны в рамках проектной работы уже начать создавать необходимую стране инфраструктуру инновационного социально-культурного пространства XXI в.

Библиографические ссылки

1. Мамедов А.К.О., Волнистая М.Г. Методологический дискурс: предметное поле коммуникативного капитала// Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Материалы научной онлайн-конференции с международным участием. Москва, 2021. С. 7-28.
2. Модернизация систем высшего образования Беларуси и Армении в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: проблемы и перспективы/ Л.Г.Титаренко и др.: под. Общ.ред.Л.Г.Титаренко. Минск: БГУ, 2019. 175 с.
3. Д.И. Гришанков, Ф.А. Жердев, А.А. Ходырев, Три миссии университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/09/29/841592-tri-missii> (дата обращения: 21.09.2021).

Секция 1.
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ:
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГОВ

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ В БЕЛАРУСИ**

И.А. Андрос¹, И.А. Яковлева²

¹ ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»,
Ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь
androsita@tut.by

² УО «Минский государственный дворец детей и молодежи»,
Ул. Старовиленский тракт, 41, 220053, Минск, Беларусь
yakovleva17@gmail.com

В статье осуществлен историко-социологический анализ развития научно-технического творчества молодежи в Беларуси. Показано, что одной из главных характеристик современной системы НТТМ становится конкуренция как между учреждениями дополнительного образования (государственными и частными), так и внутренняя (старого с новым). Если в советской системе НТТМ механизм коммерциализации технических разработок в гражданском секторе народного хозяйства практически отсутствовал, то в настоящее время от юных инноваторов, кроме интеллектуальных эмоций от творчества, ожидают учета коммерческой востребованности изобретения. Коммерциализация НТТМ – главный тренд естественно-научной и технической составляющей отечественного дополнительного образования.

Ключевые слова: научно-техническое творчество молодежи; дополнительное образование; коммерциализация, бизнес.

Научно-техническое творчество молодежи (НТТМ) является одним из эффективных средств ускорения научно-технического прогресса. Своевременное выявление ключевых трендов развития НТТМ, которое входит в систему дополнительного образования, выступает одной из основных задач социологов, занимающихся изучением естественно-научной и технической составляющей дополнительного образования. Ведь дополнительное образование в формате НТТМ в наибольшей степени связано с инновационными научно-технологическими и социально-экономическими процессами.

В последние годы в Беларуси наблюдается настоящий бум в IT-технологиях, особенно среди школьников. Еще в советское время в республике была создана сильная школа математиков, инженеров, программистов. Продолжая традиции, в Беларуси в среднем почти

четверть от общего числа студентов вузов получают образование по STEM-специальностям, в т.ч. примерно по 70 IT-специализациям. Белорусы разных поколений работают во многих успешных мировых IT-компаниях. Можно сказать, что возрождение НТТМ в Беларуси (как и в России) стало набирать обороты с развитием технологического предпринимательства. Современные реалии предлагают молодому поколению новых героев своего времени. Если раньше в кабинетах юных техников и изобретателей висели портреты известных советских конструкторов А. Туполева, С. Королева, то в наши дни их заменили реалистичные 3D-портреты технологических предпринимателей С. Джобса и И. Маска. Эти неординарные личности сумели создать научно-техническую продукцию, не ограниченную рамками одной отрасли и обладающую большим коммерческим потенциалом.

В настоящее время значимость большинства современных разработок в науке и технике оценивается с точки зрения их максимальной коммерциализации. Такая тенденция стала развиваться с середины 1960-х – начала 1970-х гг., когда мировые компании не могли покрыть расходы на НИОКР из-за сложностей сбыта технической продукции и соответственно стал вопрос об изучении рынка потенциальных потребителей [1]. В Советском Союзе система организации изобретательства и рационализации была выстроена по функционально-отраслевому принципу, поэтому в гражданском секторе народного хозяйства механизм коммерциализации научно-технической продукции практически отсутствовал. То есть разработки «гражданских» изобретателей не имели существенного воздействия на развитие общественного производства в целом. Такой подход привел к эмоциональному выгоранию молодых новаторов, а профессионализм в техническом творчестве нивелировался до уровня безобидного хобби, которое обеспечивало наилучшее решение хозяйственно-бытовых вопросов в масштабах домохозяйств.

В современной Беларуси организация системы НТТМ практически не претерпела изменений и продолжает функционировать в классической образовательной колее «школа – институт – дополнительное образование». Но если школьную или университетскую систему образования поменять сложно, то дополнительное образование – гибкое. Государственная система дополнительного образования озвучила нацеленность на реализацию новой модели образования, основанной на проектном методе работы, умении использовать современные технологические среды и механизмы устойчивого развития для подготовки востребованных специалистов будущего, способных решать актуальные

проблемы науки, экономики и общества. Действительно, подрастающее поколение с неохотой берет в руки лобзик. Ребятам намного интереснее работать с компьютерной программой, которая помогает через невероятный дизайн воплощать в чертежах и картинках конструкцию мечты. Уже существует проблема опережения современными технологиями знаний молодежи, которая в большинстве своем продолжает формироваться в рамках узкой специализации, присущей традиционной модели образования.

Очевидно, что обновленная модель стратегического управления дополнительным образованием, включающая аналитическую и прогностическую деятельность, должна учитывать новые веяния, которые связаны с инновационным развитием высокотехнологических обществ. Особую важность приобретает конкурентоспособность самих учреждений дополнительного образования. Здесь уместно вспомнить высказывание российского исследователя проблем качества дополнительного образования детей Л.Г. Логиновой, которая с позиции социального менеджмента выделила конкурентоспособность учреждений дополнительного образования как важный фактор системного развития дополнительного образования: «Конкуренция в дополнительном образовании детей – это не борьба между учреждениями одного типа как соперниками на рынке, а внутренняя борьба старого с новым... Главное – это процесс управления каждым субъектом своими конкурентными преимуществами. Поэтому конкуренция в дополнительном образовании является движущей силой системного развития на всех уровнях его организации, инструментом воспроизведения и улучшения качества услуг и продукции» [2, с. 258]. Сегодня в Беларуси основными популяризаторами НТТМ и повышения престижа инженерных профессий среди детей и молодежи являются Министерство образования Республики Беларусь, начавший в 2021 г. свою работу созданный по Указу Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2019 г. УО «Национальный детский технопарк», Образовательный центр Парка высоких технологий (ОЦ ПВТ), УО «Минский государственный дворец детей и молодежи», учреждения дополнительного образования технического профиля – областные и районные центры технического творчества детей и молодежи.

Однако не стоит сбрасывать со счетов и внешнюю конкуренцию между учреждениями дополнительного образования. Понимая, что НТТМ является стимулирующей основой для получения высокоприбыльных разработок, технологические предприниматели стремятся перехватить инициативу у властей. Коммерческие образовательные предложения составили серьезную конкуренцию государственным образовательным

программам. Белорусские IT-компании давно оценили выгодность дополнительного образования и вложили значительные материальные средства в создание учебных центров для детей и подростков, которые оснастили новейшей техникой (например, школа программирования «Айтиландия», малая компьютерная академия «Шаг»). Причем ОЦ ПВТ организует учебные программы с упором на техномейкерство, робототехнику, изобретательство и 3D-моделирование для школьников начиная с 1-го класса. Чтобы занятия сделать более увлекательными и результативными, частные образовательные центры активно используют массовые образовательные онлайн-курсы, в т.ч. и от ведущих технологических университетов. Акцент в обучении бизнес делает на IT-технологиях, где сейчас можно в кратчайшие сроки коммерциализировать новые разработки. Да и сами желающие освоить новейшие инженерные специальности прагматично подходят к выбору технического направления и подбирают то, в котором преобладают четкие алгоритмы действий (информатика, программирование, компьютерная графика и дизайн, робототехника и т.д.).

На фоне хорошо спонсируемых частных центров, реализующих программы дополнительного образования, государственная система дополнительного образования в области технического профиля находится в запаздывающе–догоняющем продолжении развития советской системы НТТМ. Для воссоздания в новом качестве системы НТТМ в 2017 г. Минским дворцом детей и молодежи был открыт образовательный центр инновационных практик «Технопрорыв» со специализацией в области инженерии, IT, архитектуры и дизайна. На базе центра появилась возможность интегрировать деятельность учреждений дополнительного образования детей и молодежи, общего среднего образования, профессионального образования всех уровней и социальных партнеров из реального сектора экономики, бизнес-сообществ, общественных формирований в единый образовательный кластер «Научно-техническое творчество детей и молодежи» [3, с. 25]. Результаты проведенного в рамках инновационного проекта Министерства образования Республики Беларусь «Внедрение модели образовательного центра «Детский технопарк» как ресурса развития научно-технического творчества детей и молодежи» социологического опроса¹ показали, что у 59,4% учащихся, которые

¹ НИР «Научно-техническое творчество детей и молодежи: мотивация вовлеченности в образовательные практики и формирование установки на достижение творческих результатов» (2020–2021 г.). Опрошено 175 учащихся, которые занимаются в объединениях по интересам, включенных в сферу инновационного проекта, из них: Минский городской дворец детей и молодежи – 85 чел., Гомельский областной центр технического творчества детей и молодежи – 61 чел., Волковысский центр технического творчества детей и молодежи – 28 чел.

занимаются в объединениях по интересам технического профиля, основным мотивом является увлеченность экспериментами, моделированием, конструированием, а также стремление создать что-то новое. Почти треть учащихся (27,4%) выбрали НТТМ, потому что желают работать в сфере, связанной с инженерно-техническим творчеством. Около четверти (23,4%) мотивированы стремлением научиться работать на современном оборудовании. И мотивация у ребят к занятиям научно-техническим творчеством очень высокая – 89,7% (Минск – 89,4%, Гомель – 86,9%, Волковыск – 96,4%) [4, с.12–15].

Учитывая серьезное внимание к НТТМ со стороны бизнеса особый интерес вызывает нацеленность учащихся на коммерциализацию инновационных разработок. На вопрос «Инженер придумывает что-то новое и создает изобретение. Как ты думаешь, почему он это делает?» большинство молодых респондентов (46,3%) ответили, что «Главное – это удовольствие от творчества, а результатом пусть пользуются, если кому-то это нужно». То есть практическое применение полученного результата у занимающихся техническим творчеством ребят остается непродуманным. О дальнейшем социальном значении и применении разработанного продукта задумывается довольно большая доля учащихся (37,1%): «Изобретение обязательно должно стать частью новых технологий, чтобы развивать производство и повышать уровень жизни людей». Лишь 15,4% опрошенных указали на важность коммерциализации изобретения: «Изобретение – это, прежде всего, коммерческий продукт, который надо продать. Изобретатель потратил на это свои знания и силы, время и материалы. Его труд должен быть вознагражден» [4, с.15]. На первый взгляд полученные результаты только подтверждают тезис, выдвинутый Й. Шумпетером, что для инженера целесообразность деятельности предприятия – это чаще всего «удовлетворение, получаемое от технического совершенства производственного аппарата, удовлетворение, которое сродни ощущениям художника» [5, с. 70]. Однако не следует забывать, что социологический опрос проводился в государственных учреждениях дополнительного образования и среди подростков, которые только-только стоят перед выбором профессионального пути. Возможно, что в частных образовательных учреждениях соотношение процентов было бы иным.

Результаты социологического опроса показали, что все-таки вектор коммерциализации технических разработок молодежи уже несколько изменил функционал системы НТТМ. В настоящее время она, сохраняя советские традиции и создавая принципиально новые условия, представляет собой: 1) площадку–«песочницу» для желающих не

отставать в освоении и применении новейших техно-разработок (традиция массовости); 2) технически оснащенную, динамически развивающуюся базу ранней профессиональной подготовки (нацеленность на профессионализм); 3) сферу генерирования инженерных идей с возможностью рыночного тестирования опытных образцов инновационных разработок (перспективы коммерциализации). Продолжающаяся коммерциализация научных разработок увеличивает значимость развития НТТМ. Современные социологические исследования НТТМ в основном затрагивают проблемы мотивации на занятия научно-техническим творчеством для осуществления эффективной профориентации детей в период обучения в учреждениях общего среднего образования. Однако проблемное поле социологов не должно ограничиваться только изучением социальных мотивов. В современных запросах на высококвалифицированные инженерно-технические кадры как в государственном секторе экономики, так и в технологическом бизнесе НТТМ становится социально-профессиональной базой научно-технического прогресса. И здесь особую актуальность приобретает социологическое познание не просто инженерного мышления, а технологического мышления, которое включает в себя поиск различных средств для преобразования объективной реальности, предприимчивости и информации в необходимые для общества продукты/технологии.

Библиографические ссылки

1. Rothwell R. Towards the Fifth-generation Innovation Process // *International Marketing Review*. 1994. Vol. 11, Iss. 1. P. 7–31.
2. Логинова Л.Г. Качество дополнительного образования детей. Менеджмент. М.: Агенство «Мегаполис», 2008. 392 с.
3. Урбан А.П., Яковлева И.А. Научно-техническое творчество детей и молодежи. Инновационный потенциал дополнительного образования // *Выхаванне і дадатковая адукацыя*. 2020. № 6. С. 24–27.
4. Яковлева И.А., Лауто А.А. Системный социальный мониторинг в управлении качеством и проектировании инновационного развития // *Выхаванне і дадатковая адукацыя*. 2021. № 5. С. 9–16.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития: пер. с нем. и англ. М.: Директмедиа Паблшинг, 2008. 435 с.

РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ КОНФЛИКТОВ КАК УСЛОВИЕ НИВЕЛИРОВАНИЯ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ю.Л. Баньковская

*Белорусский государственный аграрный технический университет,
Пр-т Независимости, 99, 220023, Минск, Беларусь
ulia-bank@tut.by*

Развитие информационно-коммуникационных технологий трансформирует социальное пространство функционирования современного общества. Существование множества сетевых конфликтов усиливает рискогенность его развития. Целью работы является выявление специфики конфликтного взаимодействия сетевых структур для прояснения механизмов урегулирования противоречий. Объектом исследования выступают сетевые конфликты. Для реализации цели в статье была раскрыта специфика развертывания противоречий, которую обуславливают такие качественные характеристики сетевых структур как анонимность, децентрализованность, полифункциональность, многоканальность, отсутствие пространственных границ и единой системы ценностей и норм. Необходимость регулирования конфликтов обусловлена деструктивным их воздействием не только на сеть, но и на социальную реальность. Наличие свободного доступа к разной информации, возможность быстрого и оперативного обнаружения проблемы, конструктивного ее обсуждения множеством субъектов обуславливают эффективность сетевого управления. Значимость в поиске аргументов для урегулирования противоречий приобретает рефлексия. Она направлена на изменение конфликтной формы взаимодействия сетевых элементов посредством диалога, направленного на понимание сложившейся ситуации. В основании регулятивного процесса должны быть расположены общие социальные ценности и нормы. Практическая значимость работы заключается в поиске стабилизационных механизмов, необходимых для дальнейшего функционирования сети.

Ключевые слова: *сетевые структуры; конфликт; коммуникация; актор; взаимодействие.*

Современное общество характеризуется развитием и совершенствованием информационно-коммуникативных технологий, формированием новых форм взаимодействия субъектов. С одной стороны, сети содействуют более быстрой трансляции информации, повышению эффективности деятельности и увеличению уровня и качества жизни, созданию новых возможностей, обмену знаниями, творческим идеями и капиталом. С другой стороны, они порождают множество противоречий и проблем. Сферой развертывания конфликтов все чаще становится сетевое пространство. Следовательно, исследование сущности, специфики, проблем и перспектив дальнейшего функционирования социальной системы, особенностей конфликтного взаимодействия акторов становится

особенно актуальным в условиях противоречивого влияния развития сетевого общества на общественные процессы.

Гибкость, динамичность, мобильность сетевых структур, их способность к самоорганизации создают условия для их более быстрого реагирования на процессы дестабилизации. Обладая способностью адаптации к новым условиям, высоким уровнем приспособляемости к изменяемым обстоятельствам, они способствуют нивелированию возникших противоречий. Фактическое уничтожение сетевых структур является практически невозможным, следовательно, возрастает востребованность и актуальность исследования тенденций распространения их влияния не только на сеть, в рамках которой они возникли, но и на внешнюю по отношению к ней среду.

Сложность и многоуровневость сетевого образования, наличие множества связей и отношений позволяет при рассмотрении особенностей его функционирования отвлечься от отдельных личностных проявлений. Элементами сетевой структуры являются акторы, которые характеризуются не в качестве личности, обладающей уникальным мышлением, способом действия, системой ценностей и норм. Они представляют собой универсального действующего субъекта. В качестве акторов выступают не только отдельные личности или социальные группы, но и организации, государства, страны, для которых присуще наличие взаимосвязей и существование возможностей для обмена ресурсами и деятельностью. Дж. Ло указывает на гетерогенный характер акторов, которые «отчасти социальны, отчасти техничны, отчасти текстуальны, отчасти действуют с естественно случающимися ситуациями, объектами и процессами» [1, с. 25]. Б. Латур рассматривал действие в качестве инструмента, содействующего изменению информационного поля. Следовательно, актором становится любой носитель информации (институт, компьютерная программа и т.д.), а не только человек. Он также вводит понятие «актант» для обозначения любого действующего участника, организации и других объектов, оказывающих влияние на функционирование и деятельность сети [2, с. 372–378].

Сети способствуют эффективному управлению социальными процессами. Их действенность реализуется благодаря отсутствию жесткой иерархической структуры и наличию множества узлов, содействующих эффективному руководству. На процесс управления и функционирование социальной системы свое влияние оказывают как сильные, так и слабые связи между акторами. Силу связей можно охарактеризовать как «континуум, в котором на одном конце находятся слабые связи, а на другом – сильные. Движение вдоль данного континуума является

функцией суммы времени, взаимодействия, эмоциональной глубины и взаимности, имеющих место между двумя индивидами» [3, с. 1361]. Наиболее сильные связи присущи узлам, тесно и часто взаимодействующим друг с другом на основании единых интересов, потребностей и ценностей. Узлы с более слабой связью характеризуются низким уровнем частоты взаимодействий и не оказывают значительного воздействия на социальный обмен. Однако они являются важным компонентом функционирования сети, выполняя роль структурного моста, содействующего поддержанию взаимосвязи между всеми элементами сети.

В ситуации сетевого конфликта сложно разобраться в степени воздействия каждого элемента на возможность обострения проблемной ситуации, в реальных причинах ее возникновения, объективно оценить возможности и силы противоборствующих элементов. Часто значимая информация, являющаяся необходимой для принятия соответствующего решения, способствующего разрешению противоречий, оказывается спрятанной под искусственно созданными и недостоверными сообщениями о наличной проблеме. Использование информации как инструмента воздействия на конфликтную ситуацию позволяет противнику нанести ущерб без применения имеющихся у него ресурсов. В то же время сетевые структуры обладают способностью быстро реагировать на изменения, происходящие в обществе, оперативно обнаруживать новые проблемы, предлагать альтернативные варианты к разрешению сложившейся ситуации, план реализации принятых решений.

Сетевая коммуникация является не только формой передачи информации, но и способом установления и поддержания связей с другими людьми, налаживанию взаимоотношений между акторами как внутри данного сетевого образования, так и с внешней средой. Она направлена на формирование нового социального сообщества, его интеграцию, что создает дополнительные возможности для расширения сферы межличностного взаимодействия. Процессы сетевизации общества увеличивают возможности для коммуникативного обмена представителей разных государств. Разделенные географически, сетевые акторы выполняют совместные определенные действия, направленные на реализацию некоторой задачи. Тем самым, упраздняются пространственные барьеры, мешающие реализации коллективного замысла. Следовательно, увеличивается скорость принятия решений благодаря возможности быстрого реагирования на происходящие изменения.

Информационное противоборство становится одним из основных способов воздействия на проблемную ситуацию. Оно содействует

формированию мнения определенных социальных групп о конфликтной ситуации, влияя, тем самым, на алгоритмы принятия решений, социальное управление и регулирование конфликтов. Однако нередко эскалация противоречий приводит к его экспансии на социальную реальность, благодаря чему возможно применение географических, пространственно-временных и иных факторов воздействия на конфликтную ситуацию.

В рамках сетевой коммуникации конфликт может приобретать форму информационного терроризма. Данный феномен заключается в использовании информации в террористических целях, дестабилизирующих социальную систему вследствие угрозы применения насилия, физического или психологического воздействия, запугивания. Дезорганизация, нарушающая общественную безопасность, деструктивно воздействует на стабильность функционирования социальной системы. Выявление специфики взаимодействия сетевых структур является необходимым условием сохранения стабильности и устойчивости развития и функционирования общества и государства.

Возможности нивелирования сетевых конфликтов должны быть основаны, прежде всего, на изменении сознания акторов посредством формирования новой системы ценностей и норм. На процесс создания ценностно-нормативных стандартов непосредственное влияние оказывает рефлексия имеющихся проблем. У. Бек рассматривал рефлексивный механизм в качестве средства осуществления обратной когнитивной связи между акторами, направленного на изменение и реконфигурацию нормативных ориентаций [4, с. 11–19]. В качестве средств регуляции могут выступать принятые акторами в сети социальные нормы и осуществляемый ими контроль над деятельностью друг друга, применение соответствующих санкций при отклонении от установленных моделей поведения.

Специфика современного управления заключается в интенсификации отношений между отдельными субъектами и органами власти посредством координации их сетевого взаимодействия, в повышении значимости процессов самоуправления. Его значение заключается в установлении контроля над конфликтной ситуацией и выработке мер по разрешению противоречий, поиске средств и способов достижения нужного результата и разработке вариантов предотвращения негативного развития проблемы, недопущения эскалации насилия и разрушения сложившихся форм функционирования системы.

Исходя из сказанного можно сделать следующие выводы.

Специфика взаимодействия сетевых структур проявляется в их быстрой адаптации к измененным условиям, универсальностью, предоставляющей

множественные возможности для формирования новых форм взаимосвязи. Умение критически оценивать наличную информацию, эффективно ее использовать, объективно выявлять возможные риски и последствия является необходимым условием сохранения стабильности сетевого образования.

Для сети присуща распределенная форма принятия решений, при которой оно принимается одновременно множеством акторов. При этом на данный процесс могут оказывать непосредственное воздействие субъекты, не принадлежащие к данному сетевому образованию. Они высказывают свое видение проблемной ситуации. Возможность вовлечения в процесс рассмотрения противоречий представителей различных социальных групп содействует всестороннему анализу возникающих вопросов, выработке наиболее оптимальных способов преобразования сложившейся ситуации и ее модификации с целью дальнейшего стабильного функционирования системы.

Библиографические ссылки

1. Law J. A Sociology of Monsters Essays on Power, Technology and Domination London : Routledge, 1991. 289 p.
2. Latour B. The Trouble with Actor Network Theory // Soziale Welt. 1999. 47. P. 369-381.
3. Granovetter M. The Strength of Weak Ties / The American Journal of Sociology. May, 1973. Vol. 78. Issue 6. P. 1360-1380.
4. Beck V. The reinvention of Politics: Rethinking Modernity in the Global Social Order. Cambridge : Polity Press, 1997. 206 p.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В.Н. Блохин

*Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
Ул. Мичурина 5, 213407, Горки, Беларусь
v_blakhin@bk.ru*

Статья посвящена рассмотрению изменений в сфере образования, которые вызвала пандемия коронавируса. Закрытие или ограничение в работе учреждений образования угрожает социально-экономической стабильности в национальных масштабах. Для достижения устойчивого развития необходима трансформация системы образования в плане расширения доступности обучения для наиболее социально уязвимых слоев населения. Дистанционные методы образования стали критически важны, однако требуют дифференцированного использования и учета мнения всех заинтересованных сторон.

Ключевые слова: образование; учащиеся; пандемия; дистанционные средства; Интернет; трансформации; устойчивость.

Современная пандемия кардинально нарушила функционирование систем образования во всем мире. Отмена занятий в обычном формате затронула около 94% учащихся школ и вузов на всех континентах. Возникшие проблемы еще больше усугубляют разрыв между развитыми и развивающимися странами. Потери в сфере образования могут затронуть будущие поколения, что угрожает снижением социально-экономических стандартов жизни, которые достигались десятилетиями.

Разразившийся эпидемический кризис заставил переосмыслить методику преподавания, стал стимулом для стремительного внедрения инноваций в образовательный процесс. В целях обеспечения непрерывного функционирования обучения в большинстве стран мира начали активно применяться дистанционные методы, ставшие возможными благодаря широкому распространению доступа к сети Интернет. Приобрели популярность радио- и телетрансляции образовательных курсов, преподаватели были вынуждены экстренно разрабатывать комплекты материалов для самостоятельного изучения учащимися.

В рамках Глобальной коалиции по вопросам образования под эгидой ЮНЕСКО, при содействии правительств стран мира были разработаны меры реагирования в условиях пандемии, что позволило оперативно разработать решения и рекомендации по организации дистанционного образования. Согласно выработанным подходам, задача предоставления качественного образования должна рассматриваться совместно с необходимостью учета доступности средств обучения для молодежи, находящейся в состоянии бедности, на далеком расстоянии от центров цивилизации. Необходимо учитывать мнение, технические навыки, возможности здоровья преподавательского состава, а также социально-экономическое положение местных сообществ, что определяет возможность организации непрерывного образовательного процесса на основе дистанционных технологий [2].

Для минимизации последствий пандемии и обеспечения качества образовательного процесса международные организации, эксперты рекомендуют реализовывать ряд мер.

1. Сдерживание распространения коронавируса, тщательное планирование работы учреждений образования в новых эпидемических условиях.

Наиболее эффективной мерой для обеспечения стабильности обучения является снижение передачи вируса в национальном масштабе, что возможно при соблюдении строгого масочного режима в местах скопления

людей, минимизация массовых мероприятий, вакцинация населения, усиленные меры по дезинфицированию помещений. Режим функционирования учреждений образования (в традиционном или дистанционном формате) необходимо обсуждать со всеми заинтересованными сторонами, учитывать различные мнения и, по возможности, выработать компромиссные решения. В принятии решений важна согласованность действий с работниками сферы здравоохранения.

2. Обеспечение источников финансирования образования и координация действий для достижения результатов.

Пандемия привела к огромным социально-экономическим потерям, снижению объема экономик стран мира и вообще к падению мирового ВВП. Национальным правительствам нужно защитить источники финансирования образования, что возможно при использовании следующих мер: активизация мобилизации внутренних государственных ресурсов, сохранение приоритетности финансирования образования, повышение эффективности расходования средств, развитие международного сотрудничества в целях решения долговых проблем государств.

3. Формирование жизнеспособных систем образования в целях устойчивого развития.

Повышение устойчивости образовательных систем возможно в случае обеспечения равенства и инклюзивности в плане доступности обучения; совершенствование системы управления рисками на всех уровнях системы образования; развитие механизмов коммуникаций и консультаций.

4. Переосмысление образования и ускорение трансформаций в преподавании и обучении [1].

Трансформации в образовательном процессе могут иметь огромные масштабы и реализовываться в течение короткого времени, что показала пандемия COVID-19. Необходимо использовать возможности, которые предоставляет современный трансформационный процесс, что может способствовать выработке решений имеющихся проблем. Использование дистанционных форм образования может в дальнейшем предотвратить отсев из образования (особенно высшей школы) молодежи из малообеспеченных и маргинальных слоев населения. Появляются дополнительные возможности развития навыков в рамках программ расширения возможностей для трудоустройства, повышение квалификации.

Гарантирование непрерывности обучения в условиях закрытия образовательных учреждений (или ограничения их работы) стало

серьезным вызовом для многих национальных правительств. В соответствии с изданными распоряжениями преподавателей обязали использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательной деятельности. Некоторые методы дистанционного образования применяются в большей степени, чем другие, что обусловлено уровнем образования и варьируется от региона к региону. В странах с ограниченной доступностью Интернета применяются более традиционные способы дистанционного обучения – печатные материалы, записи радио- и телепередач на дисках или usb-носителях [3].

Относительно мало государств практикуют оценку эффективности методов дистанционного обучения. Имеющиеся данные демонстрируют различия стран в степени охвата молодежи образованием с использованием дистанционных методов: в государствах с высоким уровнем дохода дистанционным обучением охвачено до 85% учащихся, в то время как в странах с низким уровнем дохода такую возможность имеют не более 50% детей и молодежи, получающей образование (см. рисунок).

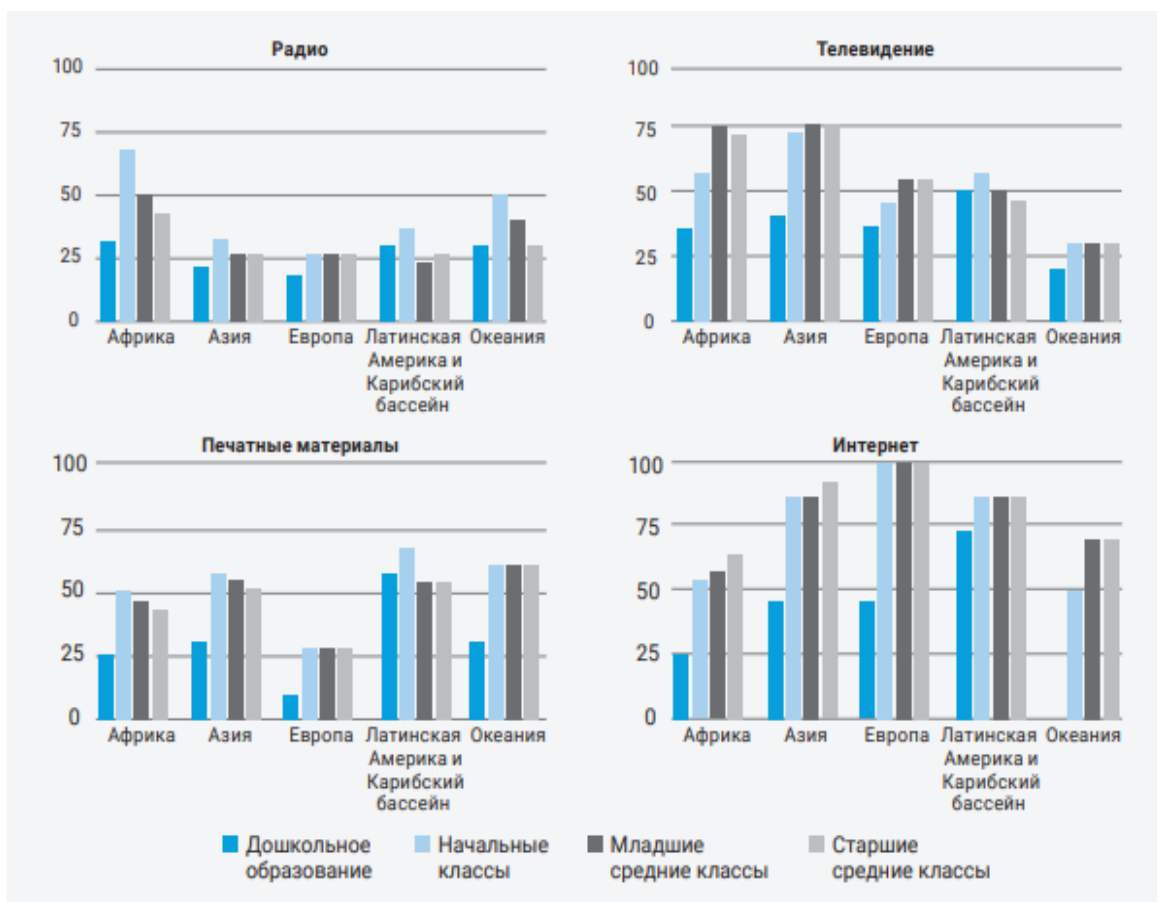

Рис. Выбор страной метода дистанционного обучения на период закрытия школ определялся уровнем обучения и региональной спецификой (в процентах) [1]

Возникшая разница связана с цифровым разрывом и тем, что социально уязвимые группы населения не всегда имеют доступ к таким базовым для современной цивилизации благам как электроснабжение, телефонная связь, техническая и дорожная инфраструктура.

В связи с закрытием учреждений образования возникла необходимость пересмотреть применяемые методы оценки успеваемости учащихся, а иногда и вообще отказаться от них. Во многих государствах экзамены переносились на более поздний срок; в некоторых регионах они были отменены; в ряде стран вместо экзаменов стала проводиться непрерывная аттестация или применяться альтернативные решения, такие как проведение выпускных экзаменов в формате онлайн-тестирования. Инновационным методам непрерывной аттестации уделяется повышенное внимание. За успеваемостью учащихся можно следить посредством проведения опросов с помощью мобильных телефонов, отслеживания статистики использования и эффективности учебных платформ и приложений, а также оперативной учебной аттестации для выявления пробелов в знаниях. Каждое решение сопровождается своими трудностями, главным образом с точки зрения справедливости.

Долгосрочные решения в сфере образования должны внедряться с учетом полученного опыта и на основе широкого использования технологий для обеспечения непрерывности обучения во время пандемии, в том числе для наиболее маргинализированных слоев населения. Сохранение доступа к образованию – критически важная необходимость от которой во многом зависит будущее как отдельных личностей, так и обществ в целом.

Библиографические ссылки

1. Концептуальная записка: образование в эпоху COViD-19 и в последующий период [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf. (дата обращения: 21.10.2021).
2. UNESCO, International Commission on the Futures of Education, “Education in a post COVID-19 world: Nine ideas for action”, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373717/PDF/373717eng.pdf.multi> (date of access: 24.10.2021).
3. Karen Mundy and Susannah Hares, “Equity-Focused Approaches to Learning Loss during COVID-19”, Center for Global Development Blog, 16 April 2020, [Electronic resource]. URL: <https://www.cgdev.org/blog/equity-focused-approaches-learning-loss-during-covid-19>. (date of access: 20.10.2021).

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ И РИСКОВ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Ю. М. Бубнов

*Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Пр. Шмидта, 3, 212027, Могилёв, Беларусь,
bubnov_juri@tut.by*

В статье социологически идентифицирована корреляционная связь между отдельными жизненными ценностями, прокламируемыми представителями учащейся молодёжи Беларуси, с одной стороны, и их риском попасть в зависимость от интернета, - с другой. Эмпирической основой выводов автора стали результаты анонимного анкетного опроса 1560 старшеклассников средних общеобразовательных школ и гимназий, учащихся профессиональных лицеев и техникумов, а также студентов учреждений высшего образования Минска, Гродно, Витебска и Могилёва. Работа выполнена в рамках задания Министерства образования на 2021 год «Разработка научно обоснованной концептуальной модели противодействия зависимому поведению подростков и студенческой молодёжи».

Ключевые слова: *учащаяся молодёжь; жизненные ценности; интернет-зависимость.*

Одной из самых специфических зависимостей начала XXI века смело можно считать зависимость от интернета. Как и всякое достижение цивилизации, компьютерные технологии могут превратиться из блага во зло, стоит только их пользователю выйти за пределы меры. Что побуждает его делать это? Причин превращения интернета из инструмента, средства, облегчающего учёбу и труд человека, в самодовлеющую цель и смысл его существования, можно найти множество. В настоящем материале мы проведём анализ влияния духовно-субъективных факторов в лице смысложизненных приоритетов молодых людей на их риски попасть под разрушительное воздействие интернета.

Сама по себе такая постановка вопроса оправдана уже тем фактом, что индивид, вопреки крайностям объективистско-материалистического подхода, вовсе не является покорной марионеткой внешних обстоятельств. Даже согласно диалектическому материализму Карла Маркса, человек, являясь «ансамблем общественных отношений», тем не менее, одновременно выступает и их творцом, т. е. активным субъектом. Тем более важно учитывать активную роль индивида, когда мы говорим о его смысложизненных приоритетах. Разумеется, сама структура возможных вариантов ценностных ориентиров индивидов задаётся обществом, исходя из общественных интересов и потребностей, поскольку общество функционирует как целостный социальный организм. Конечно же,

необходимо учитывать влияние на человека, особенно в период его взросления, и его непосредственного окружения, в первую очередь, семьи, школы, университета. Однако именно индивид делает окончательный выбор своих жизненных приоритетов из предложенного обществом набора ценностей. В этом смысле каждый человек выступает активным субъектом и, следовательно, ответственен за то, какие ценности он проповедует и каких принципов придерживается в повседневном поведении.

Различные смысложизненные ориентиры индивидов могут по-разному сопрягаться с их риском попасть в зависимость от различных напастей, в том числе и от интернета. Такова была наша гипотеза, которую сейчас настала пора проверить на адекватность. Все исходные данные у нас есть. Предварительно мы выяснили структуру ценностей, в той или иной степени популярных среди нынешней белорусской молодёжи. С помощью социологического инструментария (анонимной анкеты) мы обнаружили юношей и девушек, подверженных риску интернет-зависимости. Используя набор вопросов, в которых были сформулированы 20 индикаторов интернет-зависимости, мы выделили 5,9% юношей и 6,5% девушек, получивших статус «пограничный пользователь интернета». Этот статус означает, что у них зафиксированы некоторые проблемы, обусловленные чрезмерным неконтролируемым пребыванием в сетях интернета. А затем мы определили с помощью детерминационного анализа, какова была доля юношей и девушек с «пограничным» статусом среди сторонников различных жизненных ценностей. И вот что у нас получилось (см. рисунок).

Ранговый порядок представленных на рисунке данных позволяет визуально определить смысложизненные приоритеты юношей и девушек, имеющие более высокую корреляцию с их риском оказаться в зависимости от интернета. В лидеры выбилась ориентация на славу и известность. Среди молодёжи, проповедующей эту жизненную установку, имеют «пограничные» симптомы интернет-зависимости 16% юношей и каждая вторая (50%) девушка. На втором месте по степени риска интернет-зависимости оказались молодые люди, вообще отрицающие наличие смысла в жизни. Такой смысложизненный вакуум провоцирует опасную тягу в виртуальное пространство для каждого десятого (11%) юноши и для более четверти (27%) девушек. Заметное преобладание девушек с симптомами интернет-зависимости среди подростков, стремящихся к славе, а также среди ценностных нигилистов мы объясняем тем, что в возрастном диапазоне ранней юности (до 20 лет) девушки опережают юношей как в физиологическом, так и в психическом и социальном

развитии. А стремление к славе и неверие в смысл жизни, согласитесь, далеко не тривиальные для подросткового сознания мысли.

Рис. Процентные доли юношей и девушек, имеющих статус «пограничный пользователь интернета», среди приверженцев различных жизненных приоритетов

Итак, мы выяснили, что эти два жизненных атрибута в наибольшей степени связаны с интернет-зависимостью. Среди прочих жизненных ценностей, заметно коррелирующих с зависимостью молодых людей от интернета, обратим особое внимание на меркантильную установку, стремление к деньгам и материальному достатку. Среди молодых людей, поклоняющихся золотому тельцу, имеют «пограничный» статус зависимости от интернета, соответственно, 7% юношей и 10% девушек. Для сравнения скажем, что установка-антипод, фамилистская ориентация на семью и детей, вызывает в два раза реже болезненное влечение в виртуальное пространство, соответственно, у 4% юношей и 5% девушек. Низкая степень корреляции интернет-зависимости также зафиксирована с такими жизненными установками, как стремление к карьере, свободе,

здоровью и образованию. Можно предположить, что консервативные ценности имеют больший охранительный потенциал по сравнению с либеральными ценностями.

Пора подводить итоги данному параграфу и делать выводы на основании только что изложенных фактов. Основной вывод состоит в подтверждении нашей гипотезы о наличии связи между смысложизненными приоритетами молодых людей, с одной стороны, и риском оказаться в зависимости от интернета, - с другой.

В ходе проведённого социологического анализа мы выяснили, что наибольшим эффектом, провоцирующим интернет-зависимость молодых людей, являются их стремление к славе, а также их идеологический нигилизм, отрицание смысла жизни вообще. Стремление человека к славе может свидетельствовать о высокой степени его амбициозности на фоне эгоистической модели взаимодействия с людьми. Такая парадигма амбициозного эгоцентризма способна свести к минимуму требования общественного долга и обязательств перед социальным окружением. Мировоззренческий нарциссизм уводит его носителя в сети интернета, поскольку тот обеспечивает максимально широкую аудиторию, чьего внимания и поклонения страстно жаждет амбициозный эгоист. Поэтому для человека с ориентацией на славу и возникает риск чрезмерного пребывания в интернете. Что касается идеологических нигилистов, отрицающих смысл собственной жизни, то морально-нравственная пустота сознания этих людей снимает для них все правовые оковы и моральные ограничения, открывая дорогу порокам и страстям, включая и чрезмерное увлечение виртуальными удовольствиями.

Напротив, оберегающим от рисков интернет-зависимости эффектом обладает, согласно нашим данным, ориентация молодых людей на карьеру, свободу, семью, здоровье и образование. Мы полагаем, что все эти перечисленные ценности, включая, в первую очередь, ориентацию на семью и детей, объединены созидательным импульсом в рамках существующих общественных доминант. Реализация этих жизненных установок (выстраивание карьеры, создание семьи, обеспечение здоровья и получение образования) потребует от индивида больших усилий и временных затрат. Для молодых людей, поставивших перед собой такие задачи, вряд ли останется много времени для излишеств в интернете. В противном случае им придётся распрощаться со своими мечтами.

Каков прагматичный итог всех этих рассуждений и выводов? Он состоит в том, чтобы побудить органы социальной политики, то есть уполномоченных государством от лица общества практиков социального управления всех уровней и отраслей общественной жизни к сознательному

и целенаправленному моделированию такой структуры смысложизненных ценностей, которые бы сводили к минимуму риски деструктивных зависимостей, в том числе и болезненную зависимость от интернета. Такая постановка задачи отнюдь не нова для современного общества. Сегодня существует немало положительных примеров успешной переориентации национального общественного сознания с саморазрушительных привычек на конструктивную модель индивидуального поведения. Так, например, в Швеции и Финляндии именно таким путём (вкуче с другими мерами) справились с алкогольной зависимостью многих своих сограждан. Наличие подобных прецедентов избавления общества от дурных привычек, даже если они со временем уже успели приобрести черты национального характера, должно вдохновить и белорусские власти на применение метода, основанного на социокультурном моделировании массового и индивидуального сознания в необходимом обществе направлении.

Тот факт, что данный проект выполняется по заказу Министерства образования, обязывает нас подчеркнуть особую роль в позитивной переориентации общественного сознания белорусов педагогической системы страны. По большому счёту, именно в создании, поддержании и передаче от поколения поколению определённой структуры ценностей и состоит основная и исчерпывающая цель государственной системы образования. Какая конкретно это должна быть структура ценностей, чтобы она соответствовала требованию времени, - этот вопрос вряд ли может быть исчерпывающим образом обсуждён в данном тексте. Эта задача по силам разве что большому коллективу учёных и практиков из различных сфер обществоведения и человековедения, начиная с философов и кончая психиатрами. Социологи со своими исследовательскими инструментами смогли бы внести свой существенный вклад в такую работу. А то, что делать эту работу надо, - у нас не вызывает сомнения.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ МОНГОЛИИ В ЮЖНУЮ КОРЕЮ: МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ²

А. В. Винокурова¹, А. Ю. Ардальянова², Мунхбат Оролмаа³

¹Дальневосточный федеральный университет,
П. Аякс, 10, 690922, Владивосток, Российская Федерация
vinokurova77@mail.ru

²Дальневосточный федеральный университет,
П. Аякс, 10, 690922, Владивосток, Российская Федерация
ardy2004@mail.ru

³Монгольский государственный университет,
Ул. Университетская, 1, 14200, Улан-Батор, Монголия
munkhbat@num.edu.mn

В представленной работе рассматриваются процессы трудовой миграции из Монголии в Южную Корею. Основная целевая установка исследования – выявление мотивов трудовой миграции жителей Монголии. В качестве объекта исследования нами обозначены монгольские трудовые мигранты, имеющие опыт работы в Республике Корея. Исследование осуществлялось с опорой на количественные (анализ материалов официальной статистики) и качественные методы (неформализованные интервью с трудовыми мигрантами). В целом, главным мотивом трудовой миграции монголов является улучшение своего материального и финансового положения. Препятствуют закреплению трудовых мигрантов из Монголии в Южной Корее административные и культурные барьеры. Именно потому стратегия пребывания монгольских трудовых мигрантов является краткосрочной и, в основном, реализуется молодыми людьми.

Ключевые слова: миграционные процессы; мотивы трудовой миграции; Азиатско-Тихоокеанский регион; Республика Корея; Монголия.

Интенсивная географическая мобильность является одной из характеристик, имманентных монгольскому миру. В основе этого процесса традиционно лежали природные и экономические мотивы: кочевое скотоводство на протяжении веков было не только укладом экономики, но и образом жизни монголов [см. подробнее: 1, с. 10]. В современной Монголии формируется иной тип трансграничных миграций, но, тем не менее, ключевым мотивом для временной смены места жительства остается экономический, который тесно связан с уровнем жизни в стране, а также с условиями и возможностями, которые предлагают страны с

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР»

развитой экономической инфраструктурой и высокотехнологичными отраслями производства. К последним относятся и ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В составе АТР выделяют несколько основных подсистем: океанскую, азиатскую, североамериканскую и южноамериканскую. Мы сосредоточим свое внимание на азиатской подсистеме АТР, куда входят: Россия (в первую очередь, российский Дальний Восток), Восточная Азия (в том числе и Северо-Восточная Азия, включая Монголию), Юго-Восточная Азия.

Говоря об азиатской подсистеме АТР в контексте трудовой миграции следует отметить, что она концентрирует значительную часть международных мигрантов. Так, если в 2019 году страны Восточной и Юго-Восточной Азии являлись территориями назначения для 18 296 631 чел. международных мигрантов, то в 2020 году уже для – 19 591 106 [см. подробнее: 5].

При этом общая среднегодовая численность мигрантов из Монголии в 2020 году составила 82 098 чел., из них в странах АТР – 25 633 чел. Эти данные также представлены Департаментом по социальным и экономическим вопросам ООН. В то же время, например, Министерство иностранных дел Монголии дает несколько другие оценки, по их сведениям, численность монгольских мигрантов странах АТР составляет не менее 72 100 чел. [приводится по: 3].

Следующий момент, на который важно обратить внимание: более двух третей трудовых мигрантов проживают в странах с высоким уровнем дохода. К странам АТР азиатской подсистемы с высоким уровнем доходов относят Японию, Южную Корею и Сингапур. При этом Южная Корея входит в ТОП-10 ведущих стран – отправителей денежных переводов. Доступные данные по Южной Корее показывают, что в период 2005–2015 гг. это государство не являлось ведущей страной – отправителем денежных переводов, но в 2017 году Республика Корея заняла по данному параметру 10 строчку рейтинга. Общая сумма денежных переводов из Южной Кореи в 2017 году составила 12,89 млрд долл. США [см. подробнее: 2, с. 43-44].

Таким образом, Республику Корея следует рассматривать как одно из наиболее привлекательных для трудовых мигрантов государств АТР. В частности, самая большая диаспора монгольских граждан находится именно в Южной Корее. Оценки опять же существенно разнятся. ООН приводит данные о 25 000 монгольских мигрантов, находящихся в Республике Корея. Министерство иностранных дел Монголии отмечает, что там проживает 32 000 монгольских граждан. Статистическое управление Республики Корея приводит данные, согласно которым в 2019

году численность только нелегальных монгольских мигрантов составила 17 510 чел., увеличившись по сравнению с 2018 годом на 1 591 чел. (в 2018 году этот показатель составил 15 919 чел.) [см. подробнее: 6; 7]. По общим оценкам экспертов, численность монгольских мигрантов в Республике Корея достигает 40 000–45 000 чел.

С целью анализа основных мотивов миграции трудоспособного населения Монголии, а также практик адаптации монгольских трудовых мигрантов в Южной Корее нами было проведено исследование с применением качественной методологии. Основной метод сбора информации – неформализованное интервью (n=20). Полевые работы проводились весной 2021 года с привлечением исследователей Монгольского государственного университета, а также стажеров-исследователей Дальневосточного федерального университета, находящихся в настоящее время в Республике Корея. Основным критерием для отбора информантов стал их опыт трудоустройства в Южной Корее.

Описывая свой опыт трудовой миграции в Южной Корее, информанты придерживаются единого мнения о мотивах, которые легли в основу их миграционных стратегий. Как правило, это материальный интерес, связанный с возможностью получения более высокого заработка и относительной простотой трудоустройства на хорошо оплачиваемую работу: *«хорошая оплата труда», «добиться недорого», «на заработанные деньги можно снимать жилье, неплохо жить и еще остается», «достойный заработок за короткий срок времени», «легко устроиться на более высокооплачиваемую работу», «достойная оплата труда»*. Все эти характеристики, отмечаемые нашими респондентами, подтверждаются и официальными статистическими сведениями. Так, по данным Национального статистического комитета Монголии, уровень безработицы в 2019 году составил 10%, увеличившись по сравнению с 2018 годом на 2,2% (в 2018 году этот показатель был равен 7,8%). Также высока доля лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, – 28,4% [8, с. 91, с. 131]. Получается, что практически каждый третий житель Монголии живет за чертой бедности, а если учитывать тот факт, что уровень жизни населения оказывает непосредственное влияние на формирование миграционных настроений [см. подробнее: 4, с. 126], то мотив, связанный с улучшением материального положения и преодолением бедности, является ключевым в принятии решения о миграции.

Часто мигранты из Монголии используют заработок в Южной Корее для погашения существующих кредитов, строительства или приобретения своего жилья: *«... Туда уезжают люди, которые хотят быстро где-то подзаработать, достаточно большие для себя деньги. Это, в основном,*

едут за квартирами, за погашением долгов ...» (И1, жен., 34 года). Подобные высказывания наглядно иллюстрируют, что монгольским трудовым мигрантам присущ рационализм и ориентация на материальный ресурс, большая часть из которого отправляется на родину, либо используется в последующем для улучшения своего благосостояния именно в Монголии.

Несмотря на то, что многие наши информанты называют Южную Корею комфортной и безопасной страной, приводя в описании такие характеристики, как *«приятная страна», «комфортно находиться», «хорошая для жизни страна», «цветущий рай»*, все же монгольских мигрантов в Корее подстерегают определенные трудности. Их достаточно много, это проблемы с оформлением, жильем, знанием языка, взаимодействием с культурной средой, жизненным укладом, в некоторых случаях обман, гендерная дискриминация.

Попадая в трудные жизненные ситуации, связанные со здоровьем, обманом, потерей документов, монгольские трудовые мигранты чаще всего обращаются к близким людям (друзьям, товарищам и «коллегам» по работе), если складываются хорошие отношения с работодателем, то нередко обращаются к нему, но при этом достаточно распространена практика «вычитания» из заработной платы работников тех расходов, которые понесет работодатель (например, за восстановление документов или оказание медицинских услуг): *«... Упал (прим. авторов: о муже) и разбил подбородок и бровь, в больнице выставили счет, и этот счет оплатил наш саджан (прим. авторов: работодатель), но с зарплаты он с мужа все вычел. Получилось, что мы сами все и оплатили. Больше мы к саджану с какими-либо просьбами не обращаемся ...» (И6, жен., 27 лет).*

Ключевой проблемой всех трудовых мигрантов из Монголии в Южной Корее становится язык, многие информанты отмечают факт того, что даже со знанием английского языка работать очень сложно. Знание же корейского языка облегчает не только бытовое общение, но и уменьшает риск быть обманутым недобросовестным работодателем и даже зарабатывать больше, потому такую потребность ощущают практически все наши информанты: *«... Если качественно выполнять свои обязанности и иметь базовые знания языка, работать можно с любым человеком ...» (И7, муж., 28 лет).*

В целом же большинство наших респондентов говорят о том, что планируют вернуться в Монголию, объясняя свой статус в Южной Корее как временный. Несмотря на то, что в этой стране достаточно большая монгольская диаспора, информанты отмечали, что не чувствуют особого расположения со стороны принимающего сообщества.

Таким образом, становится очевидным, что главным мотивом трудовой миграции монголов является улучшение своего материального благополучия, накопление стартового капитала для дальнейшего собственного личностного развития в Монголии. Основным элементом, который препятствует закреплению трудовых мигрантов в Южной Корее, являются административные и культурные барьеры, выстраиваемые в стране государством, на наш взгляд, вполне осознанно. Получение легального статуса является сложной процедурой, а поступление на достойную работу зависит не только и не столько от «ценности» мигранта на рынке труда, а от того, насколько он включен в уклад жизни, культуру и историю Южной Кореи. Именно потому стратегия пребывания монгольских трудовых мигрантов в принимающих странах АТР, в частности в Южной Корее, является краткосрочной и, в основном, реализуется молодыми людьми.

Библиографические ссылки

1. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Монгольский мир: типология и региональная специфика миграций и диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сборник научных статей. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2015. С. 6–27.
2. Доклад о миграции в мире. 2020 (дата публикации: 27.11.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международной организации по миграции (<https://www.iom.int/>). URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 13.10.2021).
3. Миграционные итоги 2016 года: куда уезжают монголы? (дата публикации: 08.02.2017) [Электронный ресурс] // ARD: [портал деловой информации]. URL: <http://asiarussia.ru/news/15137/> (дата обращения: 25.10.2021).
4. Сидорова Н. П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 126–133. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133
5. International Migration. 2020 (publication date: 12 July 2021) [Online] // DESA UN: [website]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights_updated.pdf (Accessed: 13 October 2021).
6. International Migration Statistics in 2018 (publication date: 18 July 2019) [Online] // Statistics Korea: [website]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=377860&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (Accessed: 10 October 2021).
7. International Migration Statistics in 2019 (publication date: 16 July 2020) [Online] // Statistics Korea: [website]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=384167&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (Accessed: 10 October 2021).
8. Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл. 2019 (Монгольский статистический ежегодник. 2019) [Электронный ресурс] // Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национальный статистический комитет Монголии): [веб-сайт]. URL:

ОТЗВУК И ОТКЛИК. ТАКСОНОМИЯ СОЦИОЛОГИИ ВООБРАЖЕНИЯ

А.С. Галанзовский

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Беларусь
mail@grsu.by*

Научный руководитель: Аветян Н.С., кандидат социологических наук, доцент.

Изучая формирования воображения, мы сталкиваемся с необходимостью его таксономии. Если сперва этот феномен может показаться умозрительным, то чем старательнее мы проводим разграничение его атомарных форм, тем сильнее мы утверждаемся в рассмотрении пространственных ориентаций социального действия, понимания и непонимания, отзвука и отклика.

Ключевые слова: *отзвук; отклик; артефакт; образ; феномен; энаромация; воображение.*

Присутствующее и отсутствующее – это два фрагмента речи воображающего. Утверждая присутствие какого-либо явления, мы одновременно устанавливаем разнородные толкования об его отсутствии – от положения в пространстве до временных ориентаций. И это не вопрос на манер: нечто есть, или ничего нет? Напротив, вопрос ставится следующим образом: если нечто есть, почему оно может не быть?

Г. Башляр, изучая поэтические образы пространства в книге «Поэтика пространства», приходит к психологическим двойникам: отзвук и отклик. Отзвуки распространяются в различных аспектах нашей жизни в этом мире, а отклик призывает нас задуматься о глубине нашей внутренней жизни. В отзвуке мы слышим стихотворение, в отклике мы даем ему наш голос, оно становится нашим. Кажется, что бытие поэта стало нашим бытием [2, с. 15]. Стало быть, в феномене воображения (в форме регистрации) мы встречаем: во-первых, отзвук – чистый фрагмент речи, некоторая акция, исходящая от чего-либо от объекта или субъекта; во-вторых, отклик – то, что подменяет одно бытие другим, реакция или фиксация направленной от отзвука информации. Отзвук наделяет нас чистым нарративом (мифологемой, моделью а ргіогі), в отклике мы даем ему собственный голос, рефрен.

Какова судьба Отзвука? Ж. Деррида в своем эссе «Кроме имени» указывает на бинарную композицию мифа о Вавилонской башне, между Вавилоном местом (в качестве со-бытия) и какой-то невещественной

вещью (не подвергнутой деконструкции хоры – анахронизм бытия). Место дающее место Вавилонской башне не должно быть недеконструируемым, но не как конструкция, имеющие прочные основы, а как сама расстановка деконструкции [5, с. 127]. Касательно хоры, нам следует понимать что она единообразна, вещь или событие взятое в чистом виде составляет лишь недоказуемую гипотезу существования, подвергая ее деконструкции (находя Вавилон уже разрушенным) мы сопоставляем это явление с догматикой нахождения, именно с понимания пространственности как отдаленности и близости, начинается обрушение Вавилона и установление за ним места, но уже не как некоторого соучастия в этом онтологическом имперфекте со-бытия, но в качестве трагичной смены (подмены) воображаемого на существующее. Отзвук мы находим и в центральной для социологии воображения работе Ж. Дюрана «Антропологические структуры имажинэра»: чтобы «жить напрямую через образы», воображение должно быть достаточно смиренным, чтобы соблаговолить и создать множество образов. Если человек отказывается от этого первоначального смирения и того, чтобы отдаться феномену образов, то никогда не начнётся – ввиду отсутствия возбуждающего элемента – то «звучание», которое приводит в движение все феноменологические явления [1, с. 29]. Выходит, отзвук – есть некоторый первичный удар, удивление (с этого у Платона начинается философия), это место, что еще не занесено на карту – там обитают драконы (Hic sunt dracones).

В чем основания Отклика? Здесь обратимся к феномену артефакта у М. Вебера, выраженный в работе «О некоторых категориях понимающей социологии». Современный потребитель обычно лишь в самых общих чертах представляет себе технику изготовления повседневно употребляемых им продуктов, а подчас не ведает даже, из какого материала и в какой отрасли промышленности они создаются. Его интересуют лишь практически важные для него аспекты этих артефактов [4, с. 543]. Мы же представим его так: артефакт – это вещь, наделенная свойствами, которые раскрываются индивидууму лишь на основании устоявшейся практики использования, без целокупного понимания всех свойств вещи. Эта повседневная манипуляция с артефактами, может быть действительна лишь при обращении к смыслу применения, механизм будет действителен только лишь исходя из ожидаемого отклика. Феномену смысла артефакта, который далее мы будем называть энаромацией (восхищение, ибо он уже подвергнут отзвуку), можно раскрыть на два типа: во-первых, гомеопатическая энаромация – когда использование одного артефакта раскрывает нам подобие манипуляций с другим, к примеру: нажимая красную кнопку на одном объекте я получаю какое-либо явление, усмотрев

ее на другом, это явление, как мне думается, будет сходным; во-вторых, контагиозная энаромация – используя артефакт, я предполагаю что каждый обнаружит в нем сходное явление и его раскрытие (в качестве суммы явлений, набора свойств) будет единообразным, к примеру: сталкиваясь с картиной (доселе мне неизвестной), я обнаружу в ней набор свойств (от гаммы до сюжета), если на нее посмотрит другой (при равных условиях), он растолкует ее в подобных же формах.

У А. Бергсона же, в его труде «Материя и память», мы сталкиваемся с понятием тела и окружающими его предметами, последние отражают возможное действие тела. Тело мое – предмет, предназначенный для передвижения других предметов, – есть, следовательно, только центр действия; оно не может порождать представления [3, с. 419]. Его мы можем представить, как нечто инструментальное, оно словно срастается с артефактом – находит в нем свое продолжение и смысл (преобразовывать сущее в подручное, в возможное для понимания по отношению к телу). Когда кто-либо задается вопросом о бытии и ничто, он непременно столкнется с тотальным экзистенциализмом, исходящим от его тела-отклика, говоря о ничто его рассудок с несомненной точностью ответит ему замогильным символизмом.

Отклик – неопределенное и непосредственное взаимовлияние, отзвук, деконструируясь, в итоге образует единообразие, в смысле повторяющегося действия отклика. В отклике мы подчинены телу, наделенному возможностью манипуляции с окружающим миром. Таким образом, драконы сделались картографическим знаком береговой линии.

Вернемся к нашему вопросу: если нечто есть, почему оно может не быть? Вообразим себе Вавилонскую башню. Существует ли она? Определенно нет, но способны ли мы толковать башню как феномен или не является ли падение башни воображаемым? Существовала ли история до человека? Когда человек сталкивается с природой – как нерушимым законом – его сражает хронометричность жизни, когда он старательно размышляет над увиденным, то приходит к себе как первооткрывателю – человек обретает воображение и свое тело (тело Вавилона и тело инструмента). Теперь же человек сталкивается лишь с техникой, она зачинатель современного отзвука, не истонченные формы стебля и его обрушение в увядание, но гулкий шум цеховой машины или ритуальный призыв лифта, вызванный откликом тела на отзвук кнопки. Нечто есть лишь потому, что некто (которого уже нет) готов это наблюдать и этим манипулировать.

Библиографические ссылки

1. Durand G. The anthropological structures of the imaginary. Australia: Boombana Publications, 1999. 448 с.
2. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 320 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Деррида Ж. Эссе об имени. М.: Алитейа, 1998. 192 с.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.П. Грибановский

*Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий,
Пр. Шмидта 3, 212027, Могилев, Беларусь
hribanofsky@gmail.com*

Статья посвящена исследованию феномена интернет-зависимости. Рассматривается история возникновения понятия интернет-зависимость, описываются основные черты данной зависимости, масштабы ее распространенности и негативные последствия. На примере оригинального социологического опроса анализируются особенности интернет-зависимости учащейся молодежи Беларуси.

Ключевые слова: Интернет; интернет-зависимость; молодежь; Республика Беларусь

Феномен интернет-зависимости стал предметом научного исследования сравнительно недавно. Впервые сам термин «интернет-зависимость» предложил американский психиатр и психофармаколог Айвен Голдберг в 1995 году. Голдберг описывал интернет-зависимость как дезадаптационный способ применения Интернета, оказывающий пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности человека. Примечательно, что автор данного определения ввел его в научный оборот в качестве своеобразной шутки, взяв за основу реальные критерии американской классификации психических расстройств DSM-IV (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders). Спустя десятилетие, уже в 2006 году Голдберг подтвердил, что по-прежнему не считает интернет-зависимость «настоящей зависимостью» [1, с.57].

Тем не менее, научное сообщество восприняло проблему интернет-зависимости достаточно серьезно. Так в 1995 году американский клинический психолог, профессор Питтсбургского университета Кимберли Янг основала первый в мире центр интернет-зависимости в

Брэдфорде. Научный интерес К. Янг к интернет-зависимости возник по причине быстрого распространения Всемирной паутины на территории США в 1990-ые годы, а также вследствие того, что друг ее мужа начал тратить сотни долларов в месяц на общение в чатах AOL. Для описания интернет-зависимости К. Янг использовала модель патологического влечения к азартным играм. «Если следовать этой модели, - пишет К. Янг, - то привыкание к интернету можно определить как расстройство волевого контроля, не вызванное химическими веществами» [2]. В 1998 году К. Янг разработала специальный психологический тест для выявления симптомов интернет-зависимости. В ходе онлайн-тестирования психолог выяснила, что из 500 участников ее исследования около 400 являются зависимыми от сети (т.е. 80% от числа всех пользователей интернета).

Сегодня ученые приводят различные цифры распространенности интернет-зависимости среди пользователей сети. Ранние исследования, как в случае с К. Янг, указывали на 40-80% зависимых пользователей, более поздние исследования – на 1-10%. Главным образом эта разница связана с тем, что вначале ученые исследовали практически только категорию «постоянных пользователей», а последние исследования указывают на распространенность интернет-зависимости среди всех пользователей» [3, с. 31].

Несмотря на очевидное наличие проблемы, в настоящее время зависимость от интернета не признается самостоятельным заболеванием и определяется исключительно как феномен. Диагностическая категория «интернет-зависимость» не описана в МКБ-11 (Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем 11 пересмотра). Однако ряд ученых полагают, что интернет-зависимость в полной мере соответствует свойствам технологической аддикции. По определению зарубежного психолога М. Гриффитса, технологические зависимости – это нехимические (поведенческие) зависимости, включающие избыточное взаимодействие между человеком и машиной [4]. Таким образом, интернет-зависимость встает в один ряд с такими актуальными разновидностями нехимической аддикции как телевизионная зависимость, гаджет-аддикция, компьютерная игровая зависимость и т.д.

Специфика конкретно интернет-зависимости заключается в том, что она проявляет себя в безграничном виртуальном пространстве, которое само по себе обладает мощным аддиктивным потенциалом, поскольку предоставляет человеку широчайшие возможности общения, поиска информации, развлечений и проч. В связи с этим многообразием активностей в сети российский психиатр А.Ю. Егоров предложил

оригинальную типологию интернет-зависимых пользователей: интернет-гемблеры (зависимые от интернет-игр), интернет-трудоголики (зависимые от работы в сети), интернет-сексоголики (зависимые от порнографического контента интернета), интернет-эроголики (зависимые от виртуальных знакомств), интернет-покупатели (зависимые от покупок в интернет-магазинах) и интернет-аддикты отношений (зависимые от общения с другими пользователями в соцсетях, мессенджерах и проч.) [5, с.7]

Негативные последствия интернет-зависимости многообразны и достаточно подробно описаны в научной литературе. Зарубежный психиатр М. Орзак обращает особое внимание на физические проявления интернет-зависимости, как-то: синдром карпального канала (туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с длительным перенапряжением мышц); сухость в глазах; головные боли по типу мигрени; боли в спине; нерегулярное питание, пропуск приемов пищи; пренебрежение личной гигиеной; расстройства сна, изменение режима сна [6]. Российский психолог А.Е. Войскунский описывает целый комплекс социально-психологических проявлений интернет-зависимости, а именно: неспособность спланировать время окончания сеанса работы в интернете; досада и раздражение при вынужденных отвлечениях от сети; забывание в ходе работы в интернете о домашних делах, учебе или служебных обязанностях, важных личных и деловых встречах; готовность лгать, преуменьшая длительность и частоту работы в интернете; готовность мириться с разрушением семьи, потерей круга общения из-за поглощенности интернетом; избегание физической активности – якобы из-за срочной работы, связанной с интернетом; нежелание принимать критику подобного образа жизни и проч. [7, с.3]

Наиболее подвержены негативному воздействию интернет-зависимости молодые люди, так как они составляют основную аудиторию сети, в том числе и в Республике Беларусь. Согласно данным Национального статистического комитета, в 2020 году доля пользователей услугами сети интернет среди лиц в возрасте 14-30 лет составила 97,9%, при этом 96,6% пользователей данной возрастной категории подключались к интернету ежедневно [8]. Принимая во внимание высокий риск развития интернет-зависимости среди белорусской молодежи и в целом малоизученность данной проблематики в нашей стране, мы поставили цель исследовать феномен интернет-зависимости с помощью социологического инструментария.

В мае 2021 года сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий был осуществлен массовый анкетный опрос белорусской

учащейся молодежи. Всего в ходе исследования нами был опрошен 1261 респондент, среди которых 577 человек были представлены учащимися общеобразовательных школ (10-11 классы), 248 учащимися техникумов и 436 студентами ВУЗов.

В результате опроса мы выяснили, что интернет играет важную роль в повседневной жизни современной белорусской молодежи. Согласно полученным данным, примерно 40,1% учащихся отмечают важную роль интернета в своей жизни, еще 41,6% - скорее важную, чем нет. Только 12,6% опрошенных ответили, что интернет для них скорее не важен и 4,7% признались, что сеть играет для них малозначительную или никакую роль.

Следует отметить, что в большинстве своем молодые люди пользуются интернетом на регулярной основе и с весьма высокой частотой. По данным опроса, 42,1% учащихся посещают интернет каждые 10-20 минут в день и еще 42,6% - каждый час. Пару раз в день заходят в сеть всего 10% юношей и девушек и только 1% респондентов редко посещают интернет (1 раз в день).

Как показал наш опрос, интернет-досуг занимает одно из ведущих мест в структуре свободного времяпровождения молодежи. На вопрос «Как вы обычно проводите свое свободное время?» мы получили следующие ответы: 61,8% проводят время с друзьями; 61,2% проводят время в интернете; 52,6% занимаются любимым делом; 31,6% занимаются саморазвитием и 28,5% гуляют по улицам. При этом только 17,8% учащихся читают книги, газеты и журналы, а 10,8% смотрят телевизор. Таким образом, интернет заметно вытеснил традиционные медиа из перечня досуговых предпочтений молодежи.

В процессе исследования мы также установили, что 44,3% молодых лиц не могут полностью отказаться от пользования интернетом. При этом 31,9% способны сделать это, но только при определенных обстоятельствах. Наконец, всего 14% респондентов могли бы без труда отказаться от интернета. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что интернет стал не просто важной, но неотъемлемой частью жизни белорусской молодежи.

Теперь обратимся непосредственно к теме интернет-зависимости. В ходе опроса мы предложили нашим школьникам и студентам пройти психологический тест К. Янг на определение интернет-зависимости. По результатам тестирования мы обнаружили, что только 0,2% учащихся являются в строгом медицинском смысле интернет-зависимыми и 6,1% находятся в пограничном положении, то есть близки к обретению диагноза интернет-зависимости. Подавляющее число испытуемых (92,9%) оказались здоровыми пользователями сети. Но значит ли это, что проблема интернет-зависимости преувеличена или вовсе не существует? Нет.

Наши дальнейшие изыскания обнаружили поистине парадоксальную ситуацию. На прямой вопрос «Считаете ли вы себя интернет-зависимым пользователем?» ответили утвердительно 15,9% учащихся; 69,9% не признали себя зависимыми, а 13,2% затруднились ответить. Представленные социологические данные существенно идут в разрез с результатами ранее обсуждаемого психологического тестирования молодежи. По нашему твердому убеждению, такая разница обусловлена тем, что интернет-зависимость представляет собой в большей степени не психиатрический, а социокультурный феномен, связанный с практикой наклеивания социальных ярлыков. Особенно ярко это видно при анализе ответов на вопрос «Являются ли интернет-зависимыми люди из вашего ближайшего окружения?» Так, 42,7% респондентов назвали интернет-зависимыми своих одноклассников, еще 39,8% опрошенных указали на интернет-зависимость своих друзей; ровно 20% учащихся уверены, что их ближайшие родственники зависимы от сети.

Несмотря на противоречивый статус интернет-зависимости как медицинского диагноза, мы вынуждены констатировать, что молодые люди претерпевают множество физических и психических затруднений, связанных с чрезмерным использованием интернета. По данным анкетирования, интенсивная интернет-активность приводит к тому, что каждый третий учащийся (34,4%) страдает от нарушения режима сна, почти каждый пятый (19,7%) испытывает головные боли; 15,6% респондентов сталкиваются с неприятной сухостью в глазах и еще 15% мучаются болями в спине. Среди психических симптомов интернет-зависимости преобладают нарушения волевого контроля. Так, например, каждый третий молодой человек (33,1%) признался, что часто проверяет социальные сети, прежде чем заняться важными делами, еще 23,2% респондентов отметили, что часто задерживаются в сети дольше, чем нужно. Всё это свидетельствует о том, что молодежь далеко не всегда способна контролировать свое поведение и время пребывания в сети, вследствие чего возникают разнообразные соматические и психологические проблемы.

Подводя итог, отметим, что феномен интернет-зависимости все еще нуждается в глубокой и всесторонней проработке, как на уровне теоретической концептуализации явления, так и на уровне его эмпирического изучения. Учитывая тот факт, что зависимость от сети порождает целый комплекс различных негативных медико-социальных последствий, необходимость исследования интернет-зависимости остается важной и актуальной задачей социальных наук.

Библиографические ссылки

1. Иванюшкин И.А. Интернет-зависимость: социокультурный контекст (педиатрические аспекты) // Российский педиатрический журнал. 2013. № 3. С.57 – 60.
2. Янг, К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Русский народный сервер против наркотиков «NarCom.ru» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html> (дата обращения: 31.10.2021).
3. Юрьева, Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: монография. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.
4. Гриффитс, М. Избыточное применение Интернета: онлайн-овое аддиктивное поведение // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html> (дата обращения: 31.10.2021).
5. Егоров, А.Ю. Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции // Медицинская психология в России. 2015. № 4. С. 1 – 17.
6. Orzack, M.H. Computer Addiction Services // Computer Addiction [Электронный ресурс]. URL: <http://www.computeraddiction.com>. (дата обращения: 31.10.2021).
7. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернет // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 1 – 15.
8. Статистика по молодежи // Marketing.by [Электронный ресурс]. URL: <https://marketing.by/analitika/zhivut-v-gorode-rabotayut-v-it-zanimayutsya-volonterstvombelstat-opublikoval-statistiku-po-molodezh/> (дата обращения: 31.10.2021).

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ГАДЖЕТЫ И ДЕВАЙСЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Н. А. Елсукова

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

В статье рассматривается проблема использования учащейся молодежью современных компьютерных гаджетов и девайсов. Информатизация и компьютеризация обуславливают появление и внедрение все большего числа устройств, позволяющих совершенствовать работу с информацией, ускорять ее получение, запись, преобразование и потребление. Подобные устройства постепенно становятся неотъемлемой частью повседневной реальности. Приведенные в статье результаты опроса показывают степень востребованности у школьников и студентов компьютерных гаджетов и девайсов и выявляют ряд рисков, обусловленных использованием данных устройств.

Ключевые слова: гаджет; девайс; информатизация; компьютеризация; интернет; интернет-опрос; риски.

В Концепции информатизации системы образования Республики Беларусь понятие информатизации определяется как организационный, социально-экономический и научно-технический процесс,

обеспечивающий создание предпосылок для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений [1]. Как видим из приведенного определения информатизация представляется процессом, обеспечивающим формирование и использование информационных ресурсов организациями и индивидуальными пользователями компьютерной техникой и обучением работы на ней, а также реализации информационных отношений, которые могут быть осуществлены только при обеспечении выхода пользователей в глобальную сеть интернет. Тогда организация, предприятие или индивидуальный пользователь, оснащенные компьютерной техникой и выходом в интернет, и решающие с помощью данных средств встающие перед ними задачи могут быть определены как информатизированные.

В 2020 на 9,5 млн. жителей Беларуси приходилось 7,82 млн. интернет-пользователей, 9 из 10 интернет-пользователей выходили в интернет через смартфон. 55,7% интернет-трафика приходилось на смартфоны [2].

Среди индивидуальных пользователей персональными компьютерами на начало 2020 года были обеспечены: 79,6% городского и 63,2% сельского населения страны; выходом в сеть интернет – 86,9% городского и 71,3% сельского; сотовой связью – 98,3% городского и 94,8% сельского населения в возрасте от 6 до 72 лет.

Среди пользователей сети интернет в Беларуси в возрасте от 16 до 64 лет: 96,4% искали интересующую их информацию; 86,1% просматривали либо скачивали фильмы, музыку, программное обеспечение; 86,2% общались в социальных сетях; 68,3% пользовались электронной почтой; 49,5% играли в компьютерные игры; 46,9% покупали товары и заказывали услуги в интернет-магазинах; 48,5% осуществляли финансовые операции; 23,7% осуществляли взаимодействие с органами власти. В целях образования использовали интернет 86% населения в возрасте от 11 до 24 лет [3].

Как видно из приведенной статистики, Беларусь характеризуется достаточно высоким уровнем развития цифровых технологий и внедрения их в различные сферы жизнедеятельности общества, к которым относятся и образование.

Компьютеризация и информатизация приводят к активному проникновению в повседневную жизнь учащегося разнообразных устройств, обеспечивающих своим функционалом расширение его познавательных и образовательных возможностей. Такого рода устройства получили общее название гаджеты и девайсы, но до сих пор существует некоторая путаница при отнесении какого-либо устройства к группе гаджетов или к группе девайсов. Часто эти дефиниции используются как

общие названия одних и тех же устройств. Дадим определение каждому понятию и классифицируем в соответствии с ними различные электронные устройства.

Device (англ.), в переводе – прибор, аппарат. Девайсами можно назвать сложные устройства, способные выполнять самостоятельно комплексные задачи. Тогда к девайсам можно отнести компьютеры, ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны, умные часы, музыкальные плееры, игровые приставки и др.

Gadget (англ.), в переводе – новое приспособление, безделушка. В соответствии с переводом гаджетами являются локальные устройства, которые не выполняют самостоятельных задач, но являются новинками, расширяющими возможности тех девайсов, для которых они предназначены. К гаджетам относим – флешки, наушники, мышки и др.

Представим результаты интернет-опроса, проведенного в сентябре 2021 года при поддержке БРФФИ, грант № Г20-056 «Мобильные технологии в цифровой трансформации повседневности Республики Беларусь». В опросе приняли участие 367 человек в возрасте от 16 до 80 лет, из них 202 человека являлись на момент опроса школьниками или студентами. Задачи опроса касались выявления степени информированности и уровня использования респондентами различных компьютерных гаджетов и девайсов, а также оценки рисков, продуцируемых этими устройствами. Приведем некоторые результаты для группы школьников и студентов, принявших участие в опросе.

Большинство учащихся ответили, что время от времени (73,3%) или систематически (13,4%) следят за новинками гаджетов и девайсов.

Не удивительно, что наиболее востребованными девайсами у учащейся аудитории оказались мобильные телефоны, их отметили 99% респондентов, и ноутбуки, которыми пользуются 88,1%. Все остальные устройства показали гораздо меньшее использование: планшетами пользуются 40,6%; умными смартчасами – 22,3%; электронными книгами – 23,3%; электронной сигаретой – 20,3%; игровыми приставками – 18,3.

Ответы об использовании гаджетов также показали устройства-лидеры и устройства-аутсайдеры. На первом месте у учащихся респондентов оказались наушники, которыми пользуется 96,5% и флешка – 88,6%. Наушники и флешка – это те гаджеты, которыми сейчас пользуются практически все. Остальные гаджеты намного уступают лидерам, но и они постепенно осваиваются и внедряются в жизненные практики. Так фитнес-браслетами пользуются 33,7%, колонками для смартфона – 32,6%,

диктофонами – 26,7%; блютуз клавиатурой – 11,4%, очками виртуальной реальности – 5,5%, датчиками движения – 5%.

Проводя опрос мы в качестве одной из гипотез выдвинули предположение, что активное использование разнообразных девайсов и гаджетов может привести к возникновению определенных социальных рисков, которые в той или иной степени влияют на работоспособность и другие жизненные установки учащихся. Чаще всего у 79,2% учащихся возникали ситуации, связанные со снижением работоспособности в результате длительного пребывания в сети интернет и использования различных гаджетов и девайсов, 57,9% отметили наличие разногласий с родными; 44,6% отказ от чтения художественной литературы, 32,7% проявления раздражительности и агрессии к окружающим. Одновременно по ряду позиций были получены незначительные процентные показатели, так только 6,9% указали наличие ситуаций, связанных с потерей друзей, 10,9% с заменой реальных любовных отношений на виртуальные, 16,8% появление «лишних килограммов». Среди всех опрошенных молодых людей 19,8% указали, что с подобными ситуациями они вообще не сталкивались.

Подводя итог отмечаем, что разнообразные гаджеты и девайсы прочно заняли свое место в жизни молодого белоруса и процесс дальнейшего проникновения их в повседневную жизнь и процессы обучения необратим. Однако их роль в становлении личности и поддержания физического и психического здоровья не однозначна и требует дальнейшего изучения и осмысления.

Библиографические ссылки

1. Концепция информатизации системы образования Республики Беларусь до 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.by/statistics/informatizatsiya-obrazovaniya/> (дата обращения: 06.10.2021).
2. Digital 2021: Актуальная статистика и аудитория социальных сетей в мире и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> – Lfnf ljcnegf 30.1-.2021 (дата обращения: 25.10.2021).
3. Беларусь в цифрах, 2020. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) // статистический справочник [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_16711/. (дата обращения: 25.10.2021).

«ПРАВО НА ГОРОД» И ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Е.В. Лебедева

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
elena_lebedeva_bsu@bsu.by*

Статья посвящена анализу процессов, происходящих в локальных сообществах постсоветских городов (на пример Минска). На основе результатов исследований, проводимых в 2020-2021 годах выделяются специфические черты соседской коммуникации (усиление роли в ней цифровых технологий, рост горизонтальных связей и низовой самоорганизации соседей). Исходя из выделенных трендов обозначаются позитивный и негативный сценарии дальнейшего развития институтов местного самоуправления в белорусских городах – дальнейших рост самоорганизации, формирование устойчивой сети местного лидерства, и интеграция её в существующие формальные административные структуры, или же ослабление существующих социальных связей между горожанами, рост отчуждения и снижение мотивации к участию в развитии и преобразовании городской среды.

Ключевые слова: *городская среда; коммуникация; городские сообщества; «право на город»; местное самоуправление.*

Начиная с 2020 года мировые города живут в условиях так называемой «новой нормальности», сформировавшейся в условиях пандемии Covid-19. Общими чертами этой реальности являются стремление индивидов к «виртуальному уходу» в собственный безопасный мир («офис дома», онлайн-покупки и курьерская доставка, онлайн-образование); жёсткий контроль государства за горожанами как потенциальными носителями вируса (видеонаблюдение и фотофиксация, «цифровой» контроль при помощи различных мобильных приложений и QR-кодов), а также добавление новых векторов социального раскола и стигматизации («ковид-террористы», «ковид-диссиденты», «ковидиоты» и пр.). Однако среди произошедших за последний год перемен можно выделить и положительные аспекты. К ним можно отнести развитие цифрового доверия [1] (привыкая жить в «прозрачном» цифровом пространстве, беспрестанно транслируя свой повседневный опыт и потребляя повседневный опыт других посредством социальных сетей, индивиды постепенно формируют и закрепляют взаимоприемлемые правила безопасного и комфортного для всех поведения, вырабатывая т.н. «информационный иммунитет»), а также трансформация локальной идентичности, вызванная значительным сужением «ареала обитания» горожан (рост внимания к тому, что находится рядом – собственный район,

двор, соседское сообщество). И в академических, и в урбанистических кругах значительно возрастает популярность идеи «право на город», предложенной французским социологом и философом Анри Лефевром ещё идея, во второй половине прошлого столетия [2]. Суть её заключается в том, что жители города должны иметь возможность полноценно пользоваться всеми преимуществами, предоставляемыми городской жизнью (включая право её преобразовывать с учётом своих потребностей, а также оставаться в городе, как физически, так и символически). Вышеназванные перемены актуализируют вопросы, связанные с таким феноменом, как местное самоуправление. Обобщив проводимые за последний год в этой сфере исследования (два телефонных опроса, проведённых в г. Минске в феврале и октябре 2021 по случайной выборке (N=415 и 405 соответственно), и онлайн-опрос минчан, проведённый в октябре 2020 г., по выборке методом «снежного кома», N=300), можно обозначить несколько векторов возможной трансформации городских форм местного самоуправления.

«Виртуализация» локальных сообществ. Цифровые технологии играют важную роль в жизни современных городов. Так, проведённое в феврале 2021 года в г. Минске телефонное интервью (N=415), показало, что 97,8% работающих горожан ежедневно пользуются различными мессенджерами (Viber, telegram, Skype), а 83,7% – социальными сетями. 71,2% опрошенных отметили, что основным источником информации о городской жизни являются для них различные сайты, чаты, форумы, каждый третий горожанин состоит в «соседских чатах». Можно предположить, что технологии, нацеленные на онлайн поддержку местного самоуправления – интерактивные карты локальных чатов, социальные сети для общения с соседями, цифровые платформы, предназначенные для вовлечения горожан в благоустройство дворовой территории (в частности, 115. бел), и дальше будут набирать популярность. Локальные сетевые площадки при благоприятном стечении обстоятельств могут стать одним из значимых ресурсов активизации местного самоуправления, поскольку они помогают соседям знакомиться друг с другом, координировать свои действия, позволяют не только делиться друг с другом «локальным знанием», но и доводить информацию о местных проблемах до более широкой аудитории. При этом риск того, что более глубокая «виртуализация» соседской коммуникации приведёт к её «отрыву» от физической реальности, полному уходу в сетевой мир минимален. Формирующиеся онлайн-сообщества часто представляют собой «сообщества практики», сконцентрированные на определенной территории (своём дворе, районе). Они позволяют горожанам увидеть

альтернативные точки зрения, наглядно показывают многообразие существующих взглядов, развивают терпимость и формируют умение искать точки соприкосновения, достигать компромисса, вырабатывать общепринятые правила коммуникации, сначала как «правила чата», после – как универсальные правила общения. Речь в данном случае идёт о появлении гибридных пространств, соединяющих в себе физические и виртуальные измерения, которые достаточно часто мобилизуются в рамках повседневного самоуправления [1]. Цифровые платформы в этих процессах выходят за рамки инструментальной роли и становятся активными участниками городских преобразований. Результаты телефонного опроса, проведённого в октябре 2021 года (N=405), показали взаимосвязь между знакомством с соседями и участием в коллективных практиках – чем активнее горожане общаются со своими соседями (в том числе и вне «соседских чатов»), тем более высока вероятность их участия в благоустройстве придомовой территории, различных дворовых праздниках и т.д. Виртуальные соседские сообщества можно рассматривать не просто как одного из множества фантомных сетевых субъектов, но как низовые гражданские медиа, которые обладают реальным потенциалом для развития института местного самоуправления.

Рост горизонтального доверия и укрепление горизонтальных связей между горожанами. Результаты опроса (телефонное интервью, октябрь 2021 года) демонстрируют рост горизонтальных связей между горожанами на фоне снижения вертикального доверия и ослабления вертикальных связей. Так, 71,2% опрошенных охарактеризовали свои отношения с соседями как хорошие. Для сравнения, хорошие отношения с представителями местных коммунальных служб или районной администрации отметили только 29,6% и 15,4% соответственно, тогда как 35,6% и 68,0% соответственно признались, что коммуникация в данном направлении отсутствует (см. таблицу). При этом, 14,2% минчан улучшили свою коммуникацию с соседями за последний год (с представителями коммунальных служб 6,7%, с районной администрацией 2,4%), чуть менее трети опрошенных (27,2%) готовы тратить деньги на организацию дворовых праздников совместно с соседями.

Находит отражение данный тезис и в готовности горожан участвовать в благоустройстве своего двора. 50% респондентов отметили, что наиболее удобной формой участия в благоустройстве для них является неформальная активность – то есть заниматься благоустройством самостоятельно (в одиночку, либо вместе с соседями), без кооперации с кем-либо (будь то коммунальные службы, либо другие официальные структуры). Участвовать в благоустройстве двора при содействии местного

ЖЭСы готовы значительно меньше горожан – 33,0%. Создавать органы местного самоуправления и через них заниматься преобразованием городской среды выразили желание ещё меньшее число опрошенных – только 17%. Однако в данном случае низкий процент может быть обусловлен недостаточной осведомлённостью о существующих возможностях территориального самоуправления. Такие данные позволяют предположить, что возможные перспективы местного самоуправления в Минске заключаются в самоорганизации низовых структур, образованных на основе соседских сообществ (*так называемый grassroots activism*). Запрос на активизацию соседской коммуникации у горожан подтверждают и данные онлайн опроса (октябрь 2020, N=300) – около 80% минчан хотели бы, принимать участие в различных городских событиях совместно со своими соседями, примерно половина респондентов (49,3%) готовы сами выступить в роли организаторов таких праздников.

Таблица

Оценка взаимоотношений горожан с своими соседями, представителями коммунальных служб и районной администрацией (в %)

<i>Охарактеризуйте Ваши взаимоотношения со следующими субъектами?</i>	Хорошие	Скорее хорошие	Скорее плохие	Плохие либо отсутствуют
С представителями коммунальных служб и товарищества собственников	29,6	25,5	6,7	35,6
С районной администрацией	15,4	9,6	3,1	68,0
С соседями	71,2	21,9	1,2	5,3

(по результатам телефонного опроса, проведённого в Минске в октябре 2021 года, N=405).

Завершив краткий анализ текущих трендов развития локальных сообществ в Минске, можно обозначить общие черты «идеального» сценария, при котором идея реализации своего «права на город» выйдет за пределы условного доступа к уже существующим ресурсам городской среды и начнёт пониматься как возможность активного преобразования города, приведение его в соответствие с артикулируемыми потребностями горожан (прежде всего, на уровне низовых инициатив). Будет формироваться «урбанность» как особый образ жизни, характеризующийся широким спектром интересов за пределами приватного пространства, возможность определять себя как горожанина, желание оставить свой след в городской среде (*«от городских к*

горожанам»). При этом основным ограничителем локальной активности будет уважение прав и свобод других членов группы, стремление избежать конфликтов с соседями, сохранить принадлежность к локальному сообществу. Будет происходить дальнейший рост самоорганизации, (ре)формирование соседских сообществ, совместное производство идентичности (создание и развитие символики своего района, улицы), развитие навыков модерации и поиска компромиссов («прямая дворовая демократия»), формирование сети лидеров и интеграция индивидов с уже существующими социальными связями в формальные административные структуры, а также организацию информационной поддержки местного самоуправления и местного лидерства (collaborative common). С другой стороны, затухание текущих процессов активизации соседских сообществ может привести к реализации негативного сценария, фактическому «откату» в постперестроечный переходный период развития городов – росту эскапизма среди городского населения, утрате доверия к формальным институтам городского самоуправления, снижению чувства ответственности за свой город, мотивации к участию в его преобразовании, сегрегации жильцов, отчуждению и равнодушию к тому, что происходит за пределами собственной квартиры.

Библиографические ссылки

1. Веселов Ю. В. Доверие в цифровом обществе // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. №13 (2). С. 129-143.
2. Lefebvre H., Kofman E., Lebas E. Writing on cities. Cambridge, Mass, USA : Blackwell Publishers, 2010. 250 p.
3. Чернышева, Л.А. Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Том XXIII (№ 2). С. 36-66.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

С.Т. Кавецкий¹, В.В. Мицкевич²

¹*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Бул. Космонавтов, 21, 24000, Брест, Беларусь
kstbrest@mail.ru*

²*Академия МВД,
Проспект Машерова, 6, 22005, Минск, Беларусь
vv-mits@tut.by*

Аномические риски возникают как на объективной, так и на субъективной основе. Рискогенность ситуации постсоветского пространства сложилась после распада

СССР и продолжает провоцировать бывшие советские республики на большие и малые аномалии. Социологический анализ общества, сделанный через призму экологических катастроф, социальных движений и других мегарисков позволяет сделать вывод, что существенная часть постсоветского социума принадлежит к группе риска.

Ключевые слова: аномия; риски; рискофобия; рискофилия; парадоксальность.

Аномическое состояние порождает риски в развитии современного социума. Первым учёным, создавшим социологию риска на постсоветском пространстве, был российский социолог О.Н. Яницкий [1]. Основой российской концепции риска стали подходы, разработанные Беком [2], Гиденсом [3], Луманом [4]. О.Н. Яницкий рассматривает широкий спектр проблем социологии риска, в частности, ключевые идеи теории общества риска, развиваемые социологами на Западе, и применение данной теории к современному состоянию России: социально-экономические, политические аспекты общества риска, риски повседневности, риск солидарности и т.п. «“Рискология” Яницкого неразрывно связана с его концепцией экологической социологии и концепцией социальных движений, поэтому её можно рассматривать как пример творческой концептуализации западной парадигмы общества риска, в результате которой была создана парадигма не отдельной сферы социальной жизни, а новая картина современной российской реальности, рассмотренная под углом зрения рисков, а также экологии и массовых социальных движений» [5, с. 199]. Созидание и разрушение трактуются социологией риска как норма общественного производства. «Методологически принципиальным является представление о том, что всякое общественное производство имеет двойственную, созидательно-разрушительную природу. Иными словами, производство благ и бедствий, достижений и потерь трактуются как две равнозначные стороны производства этой жизни. Вероятностный подход означает, что возникающие проблемы не могут быть решены “полностью и окончательно”» [5, с. 103]. В целом, однако, производство рисков имеет свой порядок, свою «вторичную нормальность». «Соответственно, никакой социальной порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как абсолютно устойчивые и тем более как идеальные» [1, с. 81].

Глубокий социологический анализ российского общества, сделанный автором через призму экологических катастроф, социальных движений и других мегарисков позволяет сделать вывод, что «половина российского общества принадлежит к группе риска» [1, с. 91]. Яницкий развивает и уточняет введённое им понятие энергии социального распада. Эта энергия – суть массовые действия, разрушающие социальный порядок, его

нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада – это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных либо политически сконструированных социальных акторов. Эмпирически эта энергия существует в форме возникновения и распространения всё новых групп риска: вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, действий вооруженных формирований, носителей афганского, чеченского и других синдромов, – а также проявляет себя в виде межэтнических конфликтов, локальных войн, криминальных войн, заказных убийств и массового терроризма. «Теоретически эмиссия этой энергии есть процесс, противоположный мобилизации ресурсов. Если креативное социальное действие требует мобилизации “полезных” ресурсов (людских, финансовых, информационных), то распад как деструктивное действие есть превращение этих ресурсов и их носителей в “отходы”, рассеивание в среде» [1, с. 32–33]. «Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма» [6, с. 9].

Одним из факторов глобальной нестабильности являются сотрясающие наш мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских.

Территория Беларуси, ее население в XX и начале XXI вв. испытали большинство катаклизмов. Особенно острыми были социальные катастрофы: Первая мировая война (1914–1918 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), Гражданская война (1918–1921 гг.), раздел страны в 1921 г. по Рижскому договору, сталинские репрессии (1930–50-е гг.), Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), распад Советского Союза в конце 80 – начале 90-х гг. XX в., глобальная катастрофа в Чернобыле в 1986 г, президентские избирательные компании 2010 и 2020гг., пандемия Covid – 19.

Как справиться с рискогенностью? Это непросто. На этот счет известны различные теории. Возможно, имеет смысл прислушаться к Г.Н. Соколовой, которая считает, что экономическая и политическая ситуации в стране стабилизируются, растет уровень жизни населения, и это влечет за собой стабилизацию травматического состояния. Однако этого недостаточно для того, чтобы в полной мере использовать и успешно реализовать имеющиеся стратегии адаптации населения. Нужны новые современные социально-экономические механизмы.

Таким образом, классическая аномия Э. Дюркгейма и её структурирование в XX и начале XXI веков являются базовыми конструктами, и в то же время на постсоветском пространстве появились

новые явления сложного социума, которые требуют тщательного изучения и измерения с точки зрения аномических процессов. Производными этих явлений являются следующие состояния, провоцирующие риски во всех областях общественной жизни: социокультурная травма, парадоксальность, кентавризм, фантомы, имитации, феномен молчаливого большинства, «нормальная аномия», рискофобия и рискофилия, кризис легитимности и др.

Социологический анализ постсоветской действительности показывает, что во всех сферах жизни современного социума есть в большей или меньшей степени рискогенные проявления. Упреждение рисков аномичности и их минимизацию необходимо рассматривать как программу комплексных мер по стабилизации во всех областях общественной жизни, направленных на переход общества к стратегии устойчивого развития.

Во-первых, рассматривая социальный феномен риска, необходимо опираться на функции, которые не разрушают систему, а её укрепляют.

Во-вторых, риски влияют на социальную структуру общества. Необходим комплексный подход к изучению социальных групп и слоёв социума, которые конструируют производство рисков. Это изучение не только маргинальных, паразитических и криминальных групп, но и олигархов, меценатов, политиков, журналистов, планирующих и конструирующих аномальные ситуации.

В-третьих, необходимо анализировать изменения в общественном сознании, связанные с тем, что если ранее нормативным идеалом общества была социальная справедливость, то в обществе риска – это безопасность в современном социуме. Риск всегда распространяется стремительнее, чем локализуется. Особенно это касается неизвестных рисков, как социальных, так и техногенных.

В-четвёртых, необходимо учитывать, что современная жизнь потенциально рискозависима, при этом большие и малые риски становятся нормой повседневной жизни. «Нормальная аномия» в этой ситуации формирует рискофобии и рискофилии у определенной части социума.

В-пятых, необходимо использовать возможности социологии для становления социальной рискологии как части концепции социологии аномии переходного периода, одной из отраслей общесоциологической теории. Перейти к рассмотрению чрезвычайных ситуаций и катастрофических событий от регистрационного уровня – к аналитическому.

В – шестых, «ксенофобия – навязчивый страх, боязнь чужих, нетерпимое отношение к людям чужой веры, культуры, национальности» [7, с. 49], которое создаёт широкое поле для рискогенности.

В-седьмых, достижение устойчивого, неаномического развития, подразумевает необходимость действенной государственной политики в целях обеспечения социально справедливого и экологически приемлемого развития, направленного на переход общества к стратегии устойчивого развития.

Библиографические ссылки

1. Яницкий О. Н. Социальные движения в современном обществе // Социс. 2013. № 3. С. 50–59.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 384 с.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с
4. .Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. New York : Walter de Gruyter, 1993. 236р.
5. Титаренко Л. Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие. Минск : БГУ, 2015.
6. Тощенко Ж. Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социс. 2017. № 4. С. 16–26.
7. Мицкевич В.В. Словарь основных терминов, понятий и определений юридической психологии. Минск: Акад.МВД, 2014. 162 с.

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА УЛУЧШЕНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

С.В. Кузьмин

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель: Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, профессор.

В статье рассматриваются цифровые компетенции, которые необходимо получить студентам в рамках образовательного процесса для дальнейшей трудовой деятельности. Предложена модель основных цифровых компетенций. Приводятся результаты исследования, проведенного среди студентов Республики Беларусь. Цель статьи – выявить, как студенческая молодежь оценивают свои цифровые компетенции по овладению цифровых технологий, изучить мотивацию при освоении технических новинок, а также изучить влияние дистанционного образования на цифровые компетенции. Полученные результаты могут использоваться для разработки мероприятий и программ по улучшению качества образовательной деятельности молодежи.

Ключевые слова: цифровая культура; цифровые технологии; цифровые компетенции; универсальные компетенции; модель цифровых компетенции; дистанционное обучение.

Современные процессы, протекающие в сфере образования так или иначе связаны с процессом цифровизации. Одним из важных понятий необходимым для понимания протекания процесса цифровизации, является цифровая культура. В данное понятие включают определенный уровень цифровых знаний, цифровые ценности, новые коммуникационные связи, цифровые навыки по использованию знаний информационно коммуникационных технологий (ИКТ). Цифровая культура репрезентирует огромное множество различных моделей, которые сформированы благодаря слиянию цифровых технологий с другими формами знаний и деятельности. В результате могут создаваться различные модели цифровой культуры, которые обусловлены взаимодействием и использованием цифровых технологий в разных сферах науки, культуры, политики, права и т.д. [4, с, 24].

Цифровая культура во многом базируется на использовании населением цифровых компетенций. Они создаются на базе имеющихся цифровых знаний, однако отличаются своей практической направленностью, применяются для решения конкретных проблем, стоящих в той или иной сфере деятельности. В Европе цифровые компетенции определяются как: «уверенность, критическое и творческое использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, занятостью, обучением, отдыхом» [3, с. 38]. Формируя у нынешнего поколения цифровую культуру и цифровые компетенции, система высшего образования должна готовить студентов не только к будущей трудовой деятельности, но и к жизни в цифровой реальности в целом. Поэтому в трактовке цифровых компетенций подчеркивается их креативный, творческий характер, который отмечает, что нельзя использовать лишь один механизм владения ИКТ [4, с. 25].

Цифровые компетенции включают различный набор качеств по использованию информации (поиск, систематизация, анализ); коммуникативных навыков (общение в Интернет-среде, работа в социальных сетях); умения работать с базами данных и использовать аналитические программы; умения решать задачи с помощью адекватных цифровых средств и ресурсов.

Также в цифровой культуре помимо цифровых компетенций немаловажную роль играют так называемые универсальные компетенции, овладение которыми необходимо для подготовки современного молодого специалиста. Универсальные компетенции состоят из умения работать в

команде, коммуникабельность в коллективе, аналитические навыки, критическое мышление, управленческие навыки. Критерии при овладении конкретными профессиями постоянно меняются, ежегодно часть профессий и вовсе перестает существовать, а некоторые только появляются. Поэтому обладание набором универсальных компетенций может быть полезным в любой сфере деятельности [3, с. 39].

После рассмотрения цифровых и универсальных компетенций рассмотрим модели цифровых компетенций студентов, которые формируются на базе владения цифровыми технологиями.

Как отмечают в литературе, в процессе подготовки молодых специалистов, необходимо обучать не только теоретическим знаниям цифровых технологий, но и умениям пользоваться практическими компетенциями [1, с. 303]. Можно отметить, что модель цифровых компетенций студентов включает следующие качества:

1. умение пользоваться персональным компьютером;
2. умение пользоваться программным обеспечением компьютера;
3. работа с поиском информации;
4. умение пользоваться приложениями для видеоконференций;
5. умение работать с профессиональными программами и аналитическими системами

Умение пользоваться такими ИКТ как персональный компьютер и программное обеспечение необходимо в современных реалиях, т.к. почти все современное обучение проходит с использованием новых технологий. Применение данных технологий в образовательном процессе позволяет ускорить сбор необходимой для учебы информации, улучшить взаимодействие с ней, позволяет лучше презентовать свои знания. Перевод обучения на дистанционные рельсы (дистанционное образование, онлайн-конференции) требует от студентов обладать навыками пользования приложениями для видеоконференций.

Также стоит отметить, что образовательный процесс направлен, в первую очередь, на освоение будущих профессиональных компетенций, которые необходимы в трудовой деятельности. Изучение профессиональных программ и аналитических систем позволит студентам погрузиться в свою будущую профессию и заранее подготовиться к трудовой деятельности.

В марте-апреле 2021 г. автором работы, совместно с научным руководителем, был проведен онлайн исследование среди студентов очной формы обучения (участвовали 1 733 студента). В рамках этого исследования ставились следующие задачи: 1. выяснить, как студенты оценивают свой уровень владения цифровыми технологиями; 2. выявить

основную мотивацию студенческой молодежи в освоении технических новшеств; 3. на примере дистанционного обучения узнать какие цифровые навыки развиваются у студентов лучше всего.

Для определения уровня обладания цифровыми компетенциями студентам было предложено оценить себя по шкале от 1 до 5, где 5 – очень хорошо умеет пользоваться той или иной технологией, 1 – очень плохо. Самые высокие средние самооценки получили: владение поисковыми системами (4,8); умение пользоваться персональным компьютером (4,6); управление электронной почтой (4,5); пользование пакетом Microsoft Office (4,2). Немного слабее студенты оценили свои навыки владения облачными хранилищами (3,9), а также умение пользоваться приложениями для видеоконференций (3,9), и намного слабее владение профессиональными программами и аналитическими системами (2,7). Учитывая, что современный рынок труда не требует от каждого работника высокий уровень владения ИКТ, можно считать, что студентами достигнут базовый уровень, который необходим при трудоустройстве. Остальные технологии они осваивают, уже приступив к труду.

Основные мотивации студентов, которые побуждают их осваивать цифровые новшества – интерес, желание развиваться (76,4%) и уверенность в том, что в будущем знание этих технологий будет полезно (65,6%). Остальные типы мотивации получили менее 50% выборов студентов. Подобный результат свидетельствует о высокой заинтересованности в будущей трудовой и творческой деятельности студентов, чем в материальной составляющей.

Отдельной темой исследования стал дистанционный формат обучения (ДО). (88% респондентов частично или полностью обучались в удаленном режиме). Результаты использования ИКТ в образовательном процессе получили неоднозначную оценку, т.к. среди студентов, обучающихся на ДО 20% отметили, что качество получаемого образования улучшилось, 60% – что в чем-то улучшилось, в чем-то ухудшилось, и 12% – что ухудшилось. Те, кто говорил об ухудшении качества, акцентировали внимание на техническую проблему обеспечения образовательного процесса с помощью ИКТ. Так, техническую исправность образовательного портала БГУ студенты оценили на 2,6 балла. Основной причиной технических неисправностей портала студенты назвали его нестабильную работу: низкую скорость, отключения в связи с большой нагрузкой. Среди качества получаемых ИКТ наиболее высоко респонденты оценили доступность освоения принципов работы образовательного портала (средняя оценка 3,8). Качество использования всех возможностей

работы образовательного портала, качество взаимодействия с преподавателем – 3,6.

Значимым недостатком ДО, по мнению студентов, является увеличение учебной нагрузки на студентов (50,8%). Основными проблемами ДО на сегодня, по мнению студентов, являются технические, а не человеческие: нестабильность работы портала БГУ, трудности подключения к занятиям (72,1%), интерфейс (14,5%); плохое качество связи (10,4%).

Также необходимо отметить, что большинство студентов среди перспектив для дальнейшего развития дистанционного формата обучения отмечают возможность эффективно совмещать учебу и работу (76,7%) и повышение доступности образования для студентов с особыми потребностями (73,7%).

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы, что студенческая молодежь активно пользуется цифровыми технологиями и осваивает цифровые компетенции для самореализации в творческой и трудовой деятельности. Большинство студентов позитивно отзываться о дистанционном формате обучения и отмечает его дальнейшие позитивные возможности.

Для развития цифровых компетенций нужны новые стратегии и новаторские подходы. В рамках новых стратегий можно рассматривать пересмотр программ обучения и интеграция методик приобретения цифровых и социальных навыков; реформу подготовки выпускников посредством разработки программ совместно с представителями отраслей; расширение цифрового потенциала преподавателей. Новаторские подходы должны включать усилия по обеспечению доступа к ИКТ для всех студентов, широкого участия и устойчивости реализации навыков и компетенций; разработка и внедрение соответствующих программ обучения цифровым навыкам; поиск квалифицированных преподавателей; разработка устойчивых бизнес-моделей [2, с. 324].

Результаты исследования могут быть полезны в отборе эффективных цифровых технологий при подготовке молодых специалистов в процессе учебы, в развитии у них качеств, навыков, компетенций, необходимых для успешного включения в новый цифровой рынок труда.

Библиографические ссылки

1. Богданова И.Ф. Формирование цифровых компетенций при подготовке научных работников // Цифровая трансформация образования [Электронный ресурс]: сб. мат. 2-й Межд. науч.-практ. конф., Минск, 27 марта 2019 г. / отв. ред. А. Б. Бельский. Минск: ГИАЦ Минобразования, 2019. С. 302-305.

2. Головейчик Г.Г. Цифровые компетенции и навыки будущего // Цифровая трансформация образования [Электронный ресурс]: сб. мат. 2-й Межд. науч.-практ.

конф., Минск, 27 марта 2019 г. / отв. ред. А. Б. Бельский. Минск: ГИАЦ Минобразования, 2019. С. 321-324.

3. Ковалев М. М. Образование для цифровой экономики // Цифровая трансформация. 2018. № 1 (2). С. 37–42.

4. Титаренко Л.Г. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 23-30.

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Н.В. Курилович

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
nv_kurilovich@mail.ru*

Рассматриваются результаты социологического исследования, цель которого заключалась в изучении специфики профессиональной деятельности преподавателей высшей школы Республики Беларусь. Методом сбора информации в исследовании стал онлайн-опрос, который был проведен весной 2021 года. Репрезентируется мнение преподавателей о различных аспектах их учебной, методической и научно-исследовательской работы в отечественных учреждениях высшего образования. Подчеркивается, что в современных условиях постоянно возрастают требования к цифровой компетентности профессорско-преподавательского состава белорусских вузов.

***Ключевые слова:** Республика Беларусь; учреждения высшего образования; профессиональная деятельность преподавателей; онлайн-опрос преподавателей; удовлетворенность преподавателей работой; публикационная активность; индекс цитирования; качество высшего образования.*

В современном мире общепризнано, что высшее образование играет значимую роль в инновационном развитии социума. В большинстве развитых стран мира за высшими учебными заведениями закреплены статусы драйверов социально-экономического роста общества и субъектов предпринимательской активности в русле коммерциализации научных знаний. Последнее, в частности, отражается в получившей в настоящее время широкое распространение модели «Университет 3.0», которая стала предметом активного обсуждения в среде отечественных специалистов. При этом особое внимание в нашей стране уделяется вопросу повышения качества высшего образования. Решение данной проблемы напрямую связано с развитием профессиональных компетенций одного из ключевых субъектов высшего образования – профессорско-преподавательского

состава (далее – ППС) вузов. В этой связи особую актуальность приобретает социологическое изучение деятельности преподавателей высшей школы в современных условиях.

Специфика труда преподавателей учреждений высшего образования (далее – УВО) заключается, прежде всего, в многоаспектности их профессиональной деятельности, предполагающей эффективное сочетание, как минимум, четырех основных видов работы: учебной, методической, воспитательно-идеологической и научно-исследовательской. При этом нужно учитывать, что каждый из названных видов работы включает в себя достаточно широкий круг разнообразной деятельности. Например, учебная работа ППС включает в себя проведение лекционных, семинарских, лабораторных и практических занятий, в том числе и с использованием дистанционных технологий обучения; прием экзаменов и зачетов; руководство практиками, курсовыми и дипломными работами (проектами); рецензирование квалификационных работ студентов и магистрантов; проведение консультаций и др. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что в настоящее время реализация всех перечисленных видов работы осуществляется в условиях стремительного роста требований к цифровой компетентности ППС. В связи с этим нельзя не согласиться с теми специалистами, которые полагают, что в своей профессиональной деятельности ППС высшей школы сталкивается с многочисленными вызовами, налагающими на современных преподавателей огромный объем моральной и правовой ответственности.

Рассмотрим результаты проведенного под научным руководством автора статьи социологического исследования, цель которого состояла в изучение специфики профессиональной деятельности преподавателей белорусских УВО в современных условиях. В реализованном с использованием Google Forms онлайн-опросе приняли участие представители ППС всех крупнейших столичных и областных вузов Республики Беларусь: Белорусского государственного университета, Белорусского национального технического университета, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Белорусского государственного университета физической культуры, Белорусского государственного аграрного технического университета, Минского государственного лингвистического университета, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова, Гродненского

государственного университета имени Янки Купалы, Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Витебского государственного медицинского университета и др. Объем выборки – 229 человек (из них женщины – 68% от числа всех опрошенных, а мужчины – 32%). Половина респондентов имеют степень кандидата наук и ученое звание доцента.

Полученные в ходе онлайн-опроса данные показали, что более половины преподавателей (57,7%) оценили уровень сложности своей профессиональной деятельности как высокий, немногим более трети респондентов (39,3%) считают его средним, и только 3% опрошенных назвали его низким. При этом была установлена прямая корреляция между стажем работы преподавателя вуза и его оценкой уровня сложности собственной профессиональной деятельности. Другими словами, с увеличением стажа работы преподавателя в УВО, увеличивается и определяемый им уровень сложности профессиональной деятельности.

Респондентам был предложен вопрос «Насколько в целом Вы удовлетворены своей работой в вузе?». Полученные данные показали, что большая часть преподавателей (46,7%) в качестве варианта ответа на этот вопрос выбрала позицию «чем-то удовлетворены, а чем-то нет». Немногим меньшая часть опрошенных (44,1%) в целом удовлетворены своей работой в вузе, из них 9,2% респондентов полностью удовлетворены, а 34,9% – скорее удовлетворены. А не удовлетворены своей работой в вузе только 9,2% опрошенных преподавателей, из них 6,6% респондентов скорее не удовлетворены, а 2,6% – совсем не удовлетворены. Вопрос об удовлетворенности преподавателями работой имеет определенную связь с оценками ППС своей аудиторной и внеаудиторной нагрузки. Так, данные онлайн-опроса свидетельствуют о том, что немногим более трети респондентов (35,4%) считают свою аудиторную нагрузку очень высокой, а немногим менее трети респондентов (30,6%) таким же образом оценивают свою внеаудиторную нагрузку. Вместе с тем большая часть опрошенных преподавателей (62%) назвали свою нагрузку, как аудиторную, так и внеаудиторную, посильной. При этом среди удовлетворенных своей работой в вузе больше всего тех, кто признает свою нагрузку посильной.

Результаты проведенного социологического исследования показали, что к числу проблем, которые в наибольшей степени препятствуют профессиональной деятельности ППС, респонденты отнесли чрезмерное количество документов, которые необходимо заполнять преподавателю (18,8%), погоню вуза за количественными показателями в ущерб качеству обучения (15,3%), нехватку времени на научно-исследовательскую работу

(10,8%), неразвитость материально-технической базы вуза (10,5%), завышенные требования к показателям публикационной активности преподавателя (7,7%), постоянное повышение аудиторной нагрузки (6,3%). При этом вариант ответа «ничего не препятствует профессиональной деятельности» выбрал всего лишь 1 из 229 преподавателей, принявших участие в онлайн-опросе. Кроме того, подавляющее большинство респондентов (82%) считают, что у преподавателей вузов есть потребность в обучении, предупреждению и преодолению эмоционального выгорания.

В последние годы в высшей школе возрастают требования к публикационной активности ППС. При этом ведущие УВО в наибольшей степени заинтересованы в том, чтобы их сотрудники публиковались в научных изданиях, которые входят в международные базы данных, например, Web of Science и Scopus, т.к. такого рода наукометрические показатели непосредственным образом влияют на позицию УВО в мировых рейтингах вузов. В этой связи респондентам было предложено ответить на следующий вопрос «Считаете ли Вы высокий уровень публикационной активности одним из ключевых условий профессиональной деятельности преподавателя?». Практически четверть респондентов (24%) ответили на этот вопрос утвердительно, однако почти две трети преподавателей (65%) не согласны с такой точкой зрения, а 11% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос. В контексте вышеизложенного становится понятным, почему более половины респондентов (58%) безразлично (нейтрально) относятся к такому показателю деятельности ППС как индекс цитирования. При этом в процентном соотношении одинаковое количество преподавателей (по 17%) демонстрируют как отрицательное, так и положительное его восприятие, а 8% респондентов затруднились с определением своего отношения к индексу цитирования.

По мнению опрошенных преподавателей белорусских УВО, качество высшего образования в наибольшей степени определяют высокий уровень квалификации ППС (25,9%), мотивированные на учебу студенты (16,7%), мотивация ППС (15%), состояние материально-технической базы и инфраструктуры вузов (11,5%), достойное финансирование системы высшего образования (11,2%), содержание учебных программ (7,3%), использования информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе (6,2%).

Таким образом, в современных условиях специфика профессиональной деятельности преподавателей белорусских УВО детерминируется множеством факторов как объективного, так и субъективного характера. В свете представленных выше результатов социологического исследования,

очевидно, что зонами особого внимания со стороны руководящих кадров УВО могли бы стать вопросы эффективного менеджмента, направленного на повышение удовлетворенности преподавателей своей работой и устранение ключевых проблем, препятствующих профессиональной деятельности ППС.

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

А.А. Орлович

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
taya.or@mail.ru*

Научный руководитель: Филинская Л.В., доцент, кандидат философских наук

В данной статье речь идёт и пандемии коронавируса и её влияния на общественную жизнь. Также приводится статистика по таким темам, как увеличения количества разводов, экономическое положение россиян в разгар пандемии, а также влияние социологии на общественное мнение.

***Ключевые слова:** коронавирус; общество; взаимодействие; общение; риск; Covid-19.*

2020 год разделил мир на «до» и «после». Случившаяся пандемия Covid-19 изменила все аспекты социальной жизни. Особый удар пришёлся именно на социальную сферу жизни общества: институт семьи, социальное обеспечение населения и, конечно же, систему здравоохранения. Наша планета уже никогда не будет прежней: об этом говорят многие аналитики, психологи, политики, социологи. Если следовать концепции цивилизационного развития А. Тойнби, то сегодня всей мировой цивилизации брошен серьёзный вызов, от ответа на который зависит будущее человечества. Именно сейчас роль социологии возросла, а профессия социолога стала как никогда актуальной. Огромное количество заболевших и переболевших с очень тяжёлыми последствиями (не только физиологическими, но и психическими) привело к изменению социальных норм и ценностей. Люди, с одной стороны, стали более замкнуты, ограничив свои социальные контакты, бескомпромиссны, агрессивны, с другой, – активизировалось опосредованное общение. Виртуальная среда является как бы связующим звеном в межличностном общении и в тоже время изобилует множеством фейков по поводу пандемии, противоречивой информацией.

Локдауны также нанесли непоправимый урон экономике всех стран мира, обнажив старые социальные проблемы: безработица, обнищание, падение жизненного уровня, маргинализация населения и другие

Для кого-то сложившаяся ситуация – благодатная почва, чтобы разбогатеть. Фармацевтические кампании по всему миру увеличили свой годовой доход. Например, американская фармацевтическая компания Pfizer Inc. увеличила как чистую прибыль, так и выручку в первом квартале 2021 года на 45% по сравнению с 2020 годом, где выручка составила 41,9 млрд. долл.) [6]. Значительно увеличили доходы компании по доставке еды, стриминговые платформы. В период с января по март 2020 года у компании NETFLIX появилось 16 миллионов новых пользователей) [2].

У правительств нет возможности оказать всем нуждающимся социальную поддержку, что приводит к массовым выступлениям против локдаунов. Примером массовых выступлений может служить Германия, где такие выступления прошли волной негодования со стороны населения 13 марта 2021 года по многим крупным городам страны. Люди требовали смягчить действующие в стране карантинные меры и отмену локдауна [3].

Самыми уязвимыми оказались такие слои населения, как дети и люди пожилого возраста. Их иммунитет намного слабее, чем у взрослого человека, так как у детей он не до конца сформировался, а у людей пожилого возраста он уже достаточно слаб. Люди пожилого возраста испытывают дефицит общения и вынуждены жить в системе социальной изоляции, надеясь на помощь родственников, волонтеров или социальных работников.

Социологам в современных реалиях приходится признать тот факт, что институт семьи как основной социальный институт претерпевает значительные изменения: рушатся традиционные семейные ценности, увеличилось число неполных семей – родители стали жертвами пандемии, увеличилось число разводов. В 2020 году в Китае распалось 8,6 млн браков) [1].

В связи с пандемией Covid-19 в современных реалиях меняется и поведение молодежи. В декабре 2020 года в БГУ был проведен опрос среди студентов университета о влиянии коронавируса на повседневную жизнь. Как свидетельствуют результаты онлайн-опроса, с приходом пандемии ограничили личное общение 58,7% студенток и 53,6% студентов БГУ; перестали посещать массовые мероприятия 80,0% опрошенных девушек и 72,3% юношей; отменили или отложили поездки/путешествия – соответственно 87,5% и 71,5%. Следовательно, можно сделать вывод о том, что у преобладающего большинства студенток и студентов значительно

изменился повседневный образ жизни в связи с COVID-19³. Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете своё эмоциональное состояние в настоящее время в связи с распространением COVID-19?» 29% девушек и 18,2% юношей указали, что испытывают чувство тревоги в связи с распространением данного инфекционного заболевания. Об амбивалентности своего эмоционального состояния – иногда переживая, а иногда забывая о пандемии – заявили почти половина (46,4%) девушек и более трети (35,3%) юношей.

Социология позволяет расширять представление о способах получения информации, собирать информацию, обрабатывать ее, грамотно использовать в процессе принятия и реализации управленческих решений. Одна из главных задач социологии – оставаться центре событий с целью выявления общественных проблем, представлений и общественных настроений. Но в связи с пандемией некоторые методы сбора социологической информации применять сложно. Например, в данных условиях практически невозможно проводить социологический опрос face to face. Это не позволяет получить более подробные и правдивые результаты, так как при интернет-опросе соврать намного легче из-за отсутствия реального человека рядом. Кроме этого, уровень ответственности при осуществлении интернет-опросов снижается, что также приводит и к увеличению числа отказов.

Социология не может своими силами остановить или как-то облегчить данную эпидемиологическую ситуацию, но она может помочь людям справиться людям со страхом, возникающим у населения из-за Covid-19. Главное – проводить правильную информационную политику и не верить всему, что пишут на просторах интернета.

Перечень проблем, вызванных пандемией коронавируса, можно продолжать, но самое главное, что все должны вынести важные уроки: только совместными усилиями возможно преодолеть эту страшную беду и спасти человечество, а значит и наше будущее. Также, хотелось бы отметить, что именно социология способна поменять мнение окружающих и снизить уровень стресса, агрессии, апатии в это непростое время, с помощью информационных технологий и правильного распоряжения массмедиа.

³. В декабре 2020 года был проведен анкетный опрос с использованием Google Формы студентов 3-4 курсов 16 факультетов, института бизнеса и МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ (n=1373).

Библиографические ссылки

1. Бум разводов в Китае // [Электронный ресурс] // euronews. URL: <https://ru.euronews.com/2021/03/23/china-divorce-record>. (дата обращения: 03.11.2021).
2. Коронавирус и бизнес: кто выиграл и кто проиграл в условиях карантина// [Электронный ресурс] // BBC NEWS.URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52647490>. (дата обращения: 01.11.2021).
3. По всей Германии прошли массовые акции критиков локдауна // [Электронный ресурс] // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/v-germanii-proshli-massovye-akcii-kritikov-lokdauna/a-56865342>. (дата обращения: 01.11.2021).
4. Социология в эпидемию Коронавируса // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2021. №13. С. 168-171.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОСИТЕЛЯХ ЭКЗОТЕРИЗМА

Е.В. Реут

*Белорусский государственный университет,
Пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
liliiren6997@mail.ru*

Научный руководитель: Безнюк Д. К., доктор социологических наук.

В публикации автор обращается к исследованию проблемного поля социальных представлений о носителях экзотеризма. В современном обществе человек все чаще и чаще сталкивается с таким феноменом, как экзотеризм. Однако в этой статье, данная проблематика будет рассмотрена через специфику магических (иррациональных) убеждений и особенностей теории социальных представлений, разработанных представителем французской психологической школы С. Московичи. Кроме этого, данная статья посвящена проблеме определения термина «экзотеризм» в психологических исследованиях. Также, рассматриваются эксперименты, проверяющие гипотезу о том, что иррациональные убеждения выживают в век рационализма, за счет ухода в область бессознательного. Объектом исследования выступают социальные представления о носителях экзотеризма, целью – изучение проблематики социальных представлений о носителях экзотеризма. Прежде всего, следует подчеркнуть, что исследований освещающих данную проблематику в белорусском обществе, в открытом доступе в настоящее время не прослеживается. Данная статья может выступать основой для дальнейших теоретических и научно-прикладных трудах в сфере изучения иррационального мышления, в психологическом консультировании пострадавших от представителей экзотеризма, бывших адептов сект и т.д., в исследовательских целях; базой для дальнейшего изучения социальных представлений о носителях экзотеризма, магическом мышлении, разработки профилактических мероприятий и программ и т.п.

Ключевые слова: экзотеризм; магическое мышление; социальные представления; иррациональные убеждения.

В статье автор рассматривает проблему исследования социальных представлений о носителях экзотеризма, как о представителях магического (иррационального) мышления. В начале 20 века, была сформулирована теория, согласно которой, вера в магию есть не что иное, как устаревшая форма мышления, которая сохранилась всего лишь у относительно небольшого числа суеверных индивидуумов [1]. Однако позже подобная теория потерпела крах, благодаря исследованиям продемонстрировавшим, что вера в магию на бессознательном уровне наблюдается у большинства современных индивидов. И когда идет утверждение о большинстве, то имеется в виду вовсе не дети из малоразвитых стран, у которых затруднен доступ к получению образования, а об образованных взрослых, способных к эффективной социализации в рамках современного общества. Подобные люди, проживающие в современных промышленных странах, верили и продолжают верить в существование сверхъестественных сил [2, 3].

Так, в рамках исследования, были осуществлены попытки доказать или опровергнуть закон партиципации в мышлении современного общества. Данный закон, заключается в том, что, оружие или же орудие имеют своего рода «магическую связь» со своим владельцем и способны не только хранить знание и мастерство мечника, но и передавать силу своего бывшего владельца в использование нынешнего. Был также приведен пример из русского фольклора, о мече-кладенце, который считался, наделенным магическими свойствами, заключающимися в том, что любой нашедший подобный волшебный артефакт приобретает силу непобедимого воина, впереди которого ждет лишь слава. В этих опубликованных исследованиях было интервью испытуемых (студентов университета). Они рассказывали о том, как в эксперименте присутствовала, бита для гольфа, которой предлагали воспользоваться в рамках решения спортивной задачи. Ключевой момент, заключался в том, что участникам эксперимента было заявлено, что эта самая бита, некогда принадлежала известному и профессиональному гольфисту [4]. Позже испытуемые, уверовавшие в эту легенду, начали загонять мяч в лунку успешнее тех, кто пользовался той же самой битой, но считая ее просто товаром, купленным в магазине. Данный эксперимент закончился успешно, т.к. смог передать тот факт, что вера людей в магическую передачу силы и мастерства через орудие не просто существует, но и эффективно работает, позволяя индивиду повысить вероятность успешности любой совершаемой им деятельности, связанной с законом партиципации.

В следующем исследовании, студентам и сотрудникам университета, выступающими в качестве испытуемых, было заявлено, что

профессиональная ведьма собирается наложить на них магическое заклинание, способное позитивно или же негативно повлиять на их будущее. В результате, несмотря на вербальное утверждение участников исследования в неэффективность подобных заклинаний, их поведение указывало об обратном [5]. Однако здесь, необходимо подчеркнуть, что подобная вера в «невидимую связь» между заклинанием и реальными событиями запускается лишь в том случае, когда подобное происшествие затрагивает самого индивида (в рамках данного эксперимента – это в худшую или лучшую сторону изменить жизнь испытуемого). При непосредственном затрагивании личной жизни, индивид начинает верить в магические способности эксперта (и тут уже не важно, является этот эксперт специалистом с высшим образованием, или же ведьмой в пятом поколении) [6].

Для исследования проблемного поля социальных представлений о носителях экзотеризма, была выбрана теория социальных представлений С. Московичи, представителя французской школы, который рассматривал социальные представления как систему знаний, помогающих человеку осмыслить и понять окружающую социальную действительность. Данная авторская концепция, включала в качестве основных компонентов структуры социальных представлений такие компоненты, как: информация, поле представления и установка. В то время как механизмами формирования и закрепления социальных представлений у Московичи, являлась категоризация и наименование, а также язык и память [7].

В основе теории социальных представлений, которые разрабатывались С. Московичи и его учениками, лежат концепции, заимствованные из исследований французского социолога Э. Дюркгейма, который понимал под социальными представлениями «особую форму коллективного знания, усваиваемую отдельными индивидами». Одновременно с этим, автор различал коллективные и индивидуальные представления по аналогии с их образами и понятиями (Дюркгейм утверждал, что данные понятия являются, по своей сущности универсальными и устойчивыми). Так, согласно его концепции, коллективные представления исполняют роль первопричины для индивидуальных представлений. На подобии того, как индивиды способны разделять и передавать между собой язык, как его носители, так и коллективные представления имеет особенность обмениваться между всеми членами какого-либо сообщества. В процессе анализа данных представлений, Дюркгейм задался целью выявить, за счет чего знания, формирующегося у индивида, приобретают способность трансформироваться в вид коллективного достояния.

В работе С. Московичи «Социальные представления: исторический взгляд» заявлялось о том, что наше общество, вопреки многим утверждениям, не основывается на принципах науки, тем самым пытаясь низвергнуть миф о научности социальных взглядов современного общества. Автор отмечал: «Немного, однако, существует вещей столь скандальных для нашей культуры, заявляющей о своей приверженности науке и разуму, как парад верований, суеверий, предрассудков, которые разделяются миллионами людей... Мы сегодня стали более терпимы к религиозным верованиям, предполагающим бессмертие души, реинкарнацию, действенность молитвы, хотя эти идеи исключаются нашими знаниями о человеке и природе. Эта странная и беспокоящая ситуация позволяет нам кое-что понять о том, как и о чем люди думают» [8, с.3]. На основе этого, Московичи делает вывод о том, что: «Большинство людей склонны предпочитать идеи расхожие идеям научным, делать обманчивые сопоставления, некорректируемые объективными данными. Люди особенно охотно принимают факты или усваивают поведение, подтверждающие их привычные убеждения, и это пока еще не опровергнуто. Даже если опыт говорит им: это ложно, а рассудок — это абсурдно» [9, с.4].

В век высоких технологий, экзотеризм как социально-психологический феномен, имеет огромный спрос. Интернет ресурсы, современные журналы Нью-Эйдж, отдельные телепередачи во время прайм-тайм и даже отдельные телеканалы с горячей линией для всех тех, кто хочет дозвониться до шаманов, оккультистов, медиумов и т.д.. На сегодняшний день, были созданы все необходимые условия для процветания экзотеризма наравне со всеми другими модными тенденциями современного мира. Отпала необходимость для индивида соотносить себя как представителя экзотерической реальности, чтобы становиться ее частью. Еще известный философ Сергей Хоружий заявлял, что экзотеризм по своей природе аморфен и неотделим от всех структур современного мышления.

Многие знают экзотеризм по схожему по звучанию названию, но абсолютно противоположному по значению термину, такому, как – «эзотеризм». Однако, сам термин «эзотеризм» (в переводе с древнегреческого – «внутренний») означает совокупность знаний и сведений, являющимися недоступными для непосвященных или же несведущих в мистических доктринах людей. В то время как «экзотеризм», является совокупностью знаний и сведений, не представляющих из себя тайны [10]. Иными словами, любые эзотерические знания при попадании в общедоступные источники, автоматический превращаются в экзотерические.

Библиографические ссылки

1. Леви-Стросс К. Первобытное мышление // Пер., вступ. ст. и примеч. Островского А.Б. М.: Республика. 994., Фрейзер Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии // М.: Политиздат. 1980.
2. Nemeroff C., Rozin P. (2000). The making of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In Rosengren K. S., Johnson C. N., Harris P. L. (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific and religious thinking in children* (pp. 1-34). Cambridge, UK: Cambridge University Press.]] Subbotsky E. (2014). The belief in magic in the age of science. Sage Open, URL: <http://sgo.sagepub.com/content/4/1/2158244014521433>. (дата обращения: 28.09.2021).
3. Subbotsky E. (2014). The belief in magic in the age of science. Sage Open, URL: <http://sgo.sagepub.com/content/4/1/2158244014521433>. (дата обращения: 28.09.2021).
4. Lee, C., Linkenauger, S. A., Bakdash, J. Z., Joy-Gaba, J. A., & Profitt, D. R. (2011). Putting Like a Pro: The Role of Positive Contagion in Golf Performance and Perception. *PLoS one, Open Access Journal*, 6.
5. Subbotsky, E. (2005). The permanence of mental objects: Testing magical thinking on perceived and imaginary realities. *Developmental Psychology*, 41, 301–318.
6. Subbotsky, E. (2007) Children's and adults' reactions to magical and ordinary suggestion: Are suggestibility and magical thinking psychologically close relatives? *British Journal of Psychology*, 98, 547–574.
7. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Издательство МГУ, 1987.
8. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. Учеб. пособие для вузов. М.: Наука, 1994. - 304 с.
9. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. Социально-политическая психология. Учеб. пособие для вузов. М.: Наука, 1994. 304 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

КОНЦЕПЦИЯ ВЫЗОВОВ, РИСКОВ И ОТВЕТОВ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Рубанов

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
rubanov.bsu@gmail.com*

Рассматривается концепция вызовов, рисков и ответов на них как теоретико-методологический принцип социальных исследований. В этой связи анализируется закон вызова и ответа А. Дж. Тойнби. Показано объяснение развития общества через выработку адекватных ответов на внутренние системообразующие вызовы Д. Беллом. Раскрыто содержание пяти тезисов социальной архитектуры «общества риска» У. Бека. Подчеркнуто усиление феномена риска в условиях «высокой современности» (Э. Гидденс), когда в обстановке повсеместного распространения так

называемых «абстрактных систем» риск универсализируется, глобализируется, институционализируется и продуцируется в результате непреднамеренного побочного эффекта человеческих действий. Отмечено выделение в социальной науке и управленческой деятельности, во-первых, общепланетарных, во-вторых, частных вызовов (рисков), которые касаются отдельных стран, регионов, групп населения. Дана классификация основных современных общепланетарных вызовов. Показаны основы социальной технологии выработки адекватных ответов на них.

***Ключевые слова:** общество; социальное развитие; вызовы; риски; ответы; социальные исследования.*

В современные обществоведческие науки прочно вошла и заняла доминирующие теоретико-методологические позиции при объяснении социальных процессов, их источников, особенностей протекания, последствий и способов позитивного воздействия на них понятийная связка «вызовы, риски и ответы». Знаковой, например, стала формула «Глобализация: вызовы и ответы».

Возникновение данного теоретико-методологического подхода в социальных науках чаще всего связывают с именем английского историка А. Дж. Тойнби, сформулировавшего закон вызова и ответа. Суть этого закона состоит в том, что формирование цивилизаций и особенности их исторического развития Тойнби связывает со способностью людей давать адекватные ответы на вызовы исторической ситуации. Он пишет: «Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов. Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [1, с. 108, 119–120]. Выработка адекватной реакции на вызов исторической ситуации принадлежит «творческому меньшинству», которое выдвигает новые идеи и самоотверженно проводит их в жизнь, увлекая за собой остальных. Реализация большинством предлагаемого ответа осуществляется благодаря подражанию. Когда нужный ответ не найден или не принят большинством, в социальном организме возникают аномалии, которые, накапливаясь, приводят его к надлому, а затем и к упадку. Этот процесс А. Дж. Тойнби иллюстрирует примерами из цивилизационного развития.

Объяснение развития общества через действие закона вызова и ответа явилось своеобразной антитезой двум другим объяснительным концепциям. С одной стороны, утверждению о предзаданной логике определенной траектории общественного развития, когда роль человека сводится к правильному пониманию данной логики и содействию ее

реализации. С другой стороны, преувеличению значения деятельности людей, способных к реализации идеальных моделей без должного учета условий и пределов сознательного преобразования социальной среды, готовности к нему широких слоев населения.

Принципиальный вопрос касается возможностей, пределов и способов использования при формировании ответов на вызовы конструктивных возможностей, заложенных в разуме и активности людей. Как представляется, первоначальные варианты ответов в условиях реальной социальной практики могут претерпевать весьма существенные изменения. Их корректировка происходит по ряду причин, например, в силу несовершенства любого идеального образа социальной действительности, тем более ее проекта. В противовес одному варианту ответа выдвигаются другие, часто альтернативные. Каждый из них выражает специфические интересы авторов и стоящих за ними социальных групп. В конечном счете ответы являются результирующим итогом как сознательных представлений и действий различных социальных субъектов, так и борьбы (согласования) мнений и интересов власти и оппозиции, разных групп населения.

Идея объяснения развития общества через выработку адекватных ответов на внутренние системообразующие вызовы была успешно реализована создателем теории постиндустриального общества Д. Беллом. Отмечая, что любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества, Д. Белл подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми сталкиваются общества разного типа. Он пишет: «В индустриальном обществе главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализировать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фондового рынка, инвестиционных банков, самофинансирования и государственного налогообложения. Ячейкой социальных отношений являлись предприятие или фирма, а основной социальной проблемой – проблема конфликта между работодателем и рабочим. В той мере, в какой инвестиционные процессы приобрели рутинный порядок, а «классовые конфликты» были изолированы таким образом, что вопрос классовой борьбы перестал быть единственным фактором социальной поляризации, прежние проблемы индустриального общества оказались если не «решенными», то, во всяком случае, лишены остроты. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория. Концепция постиндустриального общества наводит на мысль, что

существует общий круг проблем, во многом зависящих от взаимоотношений между наукой и политикой, которые придется решать этим обществам; однако они могут быть решены разными методами и в разных целях» [2, с. 157–159, 162].

В современной социальной науке и управленческой деятельности выделяют, во-первых, общепланетарные, во-вторых, частные вызовы, которые касаются отдельных стран, регионов, групп населения. Вызовы напрямую ассоциируются с рисками.

По мнению создателя теории «общества риска» У. Бека, если центральным вопросом в классической современности было богатство и способы его более справедливого распределения, то в эпоху развитой современности центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления им. Идеалом классической современности было равенство, тогда как в эпоху развитой современности это безопасность. Социальную архитектуру новой реальности Бек сформулировал в пяти тезисах.

Первый тезис. Доминируют риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил. *Второй тезис.* С нарастанием рисков возникают социально опасные ситуации. В определенном смысле они являются следствием неравенства классов и социальных слоев, однако рано или поздно затрагивают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Им присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества. *Третий тезис.* Распространение и умножение рисков ни в коей мере не порывает с логикой развития капитализма, а скорее поднимает эту логику на новую ступень. Риски модернизации – это *big business*, большой бизнес. Цивилизационные риски – это бездонная бочка потребностей, которая постоянно, без конца самообновляется. *Четвертый тезис.* Богатствами можно владеть, риски нас настигают; нас наделяет ими само развитие цивилизации. Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно политический потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках. *Пятый тезис.* Социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор. Общественность и политика начинают вторгаться в планирование, техническое оснащение производства и т. д. В обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции.

Новую современность Бек называет рефлексивной современностью. Суть ее состоит в том, что, будучи предоставлены самим себе, люди оказались вынуждены быть более рефлексивными [3].

Э. Гидденс, определяя наше время термином «высокая современность», считает, что факторы риска существенно усиливаются в обстановке повсеместного распространения так называемых «абстрактных систем», действия которых не совсем ясны, но от надежности которых зависит повседневная жизнь и которыми мы вынуждены постоянно пользоваться. К этим системам относятся транспорт, телекоммуникации, финансовые рынки, атомные электростанции, военные силы, транснациональные корпорации и др.

Во-первых, риск универсализируется, т. е. глобальные бедствия угрожают всем независимо от класса, этнической принадлежности, отношения к власти и т. д. Во-вторых, риск глобализируется, т. е. приобретает необычайный размах, затрагивая большие массы людей. В-третьих, риск институционализируется, т. е. возникают организации, принимающие его в качестве принципа собственного действия. В-четвертых, риск продуцируется в результате непреднамеренного побочного эффекта, или эффекта бумеранга, человеческих действий. В итоге восприятие риска в обществе «высокой современности» становится гораздо более острым, чем в прежние времена [4].

Планетарные, общечеловеческие вызовы современными исследователями сегодня чаще всего ассоциируются со следующими группами рисков: экологическими (экстремальные погодные явления, масштабные стихийные бедствия, истощение природных ресурсов, глобальное потепление климата и т. п.), геополитическими (межгосударственные, межрелигиозные и межнациональные конфликты, терроризм и др.), экономическими (финансовый кризис, экономическая рецессия, незаконное движение финансовых средств, уклонение от уплаты налогов, контрабанда и т. д.), социальными (вынужденная массовая миграция, старение населения, увеличение разницы в доходах между отдельными странами и группами населения и др.), касающимися здоровья больших групп людей (пандемия, рост ряда особо тяжелых заболеваний, наркомания, алкоголизм и т. п.), технологическими (техногенные катастрофы, масштабные кибератаки, хищение личных и служебных данных и др.).

Более частные вызовы (риски) касаются, например, в одном случае районов, подверженных землетрясениям, частому воздействию цунами, другим видам затоплений, в другом – групп молодежи, живущих в пригородах, отличающихся повышенным уровнем преступности, распространением наркомании и других видов девиантного поведения.

Выработка и реализация адекватных ответов на вызовы (риски) предполагает прежде всего своевременное признание их существования. За

ним должны последовать всестороннее изучение конкретного вызова (риска) и объективная оценка содержащейся в нем угрозы, поиск эффективных ответных действий, мобилизация людей на эти действия. Ответы на вызовы (риски) классифицируются по степени эффективности. Выделяются «перспективный успешный ответ» (устраняет угрозу и одновременно открывает новые возможности), «простой успешный ответ» (ограничивается нейтрализацией отрицательного эффекта от действия вызова), «безуспешный ответ» (сохраняет негативные последствия, а, возможно, и усиливает их действие).

Для результативности ответа, безусловно, требуются совместные усилия экспертных и управленческих структур, политических организаций и социальных движений, средств массовой информации. Из-за вполне естественного расхождения точек зрения по восприятию степени опасности риска и сценарию действий в сложившейся ситуации крайне необходимы обмен мнениями, конструктивный диалог, сближение и согласование позиций различных социальных сил. История широкомасштабной пандемии, вызванной распространением коронавируса SARS-CoV-2, дает наглядное представление об успехах, препятствиях и проблемах на путях формирования адекватного коллективного ответа на связанную с ним опасность для здоровья и жизни людей, нормального функционирования всех секторов общественной жизни.

Таким образом, концепцию вызовов, рисков и ответов можно с полным основанием рассматривать как перспективный теоретико-методологический принцип социальных исследований, позволяющий наиболее объективно учесть роль в развитии общества субъективного фактора, т. е. осмысленной человеческой деятельности, способствовать выработке эффективных ответов на актуальные вызовы современности.

Библиографические ссылки

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 788 с.
3. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 188 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-СЕТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Е.С. Серова

*Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
Ул. Октябрьская, 5, 230000, Гродно, Беларусь
grsu.sociology@mail.ru*

Научный руководитель: Богуш Т.А., кандидат социологических наук, доцент.

В статье рассматривается влияние виртуальных социальных сетей на процесс социализации молодежи. Подчеркивается то, что в современном обществе в связи с распространением информационных технологий произошли существенные изменения в характере и особенностях социализации молодого поколения. Социальные сети в современном обществе наделяют своих пользователей возможностью неограниченной коммуникации и регулируют многие сферы деятельности молодежи. Делается вывод о том, что традиционные социализирующие институты уже не так эффективны, большее влияние на социализацию современной молодежи оказывают виртуальные социальные сети.

Ключевые слова: социальные сети; молодежь; виртуальное пространство; интернет; ценности; социализация.

Те возможности для индивидуального выбора, которые предлагают социальные сети, их глобальный характер создают совершенно новую среду для социализации молодого поколения. Современные исследователи характеризуют основные отличия этой среды от традиционной среды социализации, которую ранее описывали классики социологии. Например, М.В. Бештоков пишет: «Будучи системой взаимодействия социальных акторов, КИСС (компьютерно-интерактивная социальная система) обеспечивает создание, функционирование воспроизводство (т.е. образует условия для существования) глобальной высокотехнологичной информационной и коммуникативной среды – разумеется, такая среда является социальной средой. Глобальность такой среды опциональна – ее территориальные масштабы и глубина слияния с жизнедеятельностью человека зависят от конкретных условий. Тем не менее, в определении такая среда характеризуется словом «глобальный» исходя из современных реалий глобальной компьютеризации общества» [1].

В своей книге «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе», М. Кастельс обращает внимание на трансформацию отношений в обществе с развитием Интернета. Он является инструментом осуществления личной свободы и свободы общественных групп, так как в его сетях организована практически вся общественная деятельность, начиная с финансовой сферы, политики и СМИ и заканчивая

общественными движениями. Самоуправляемая организация сетей и открытая горизонтальная коммуникация, скорее всего, могут привести к революции в демократии, создав «интерактивный канал диалога между обществом и государством, открывая возможность контроля первым последнего. Пользователи приспособили эту технологию под собственные интересы и нужды, конструируя собственные связи, взаимодействуя с другими и свое место в сети, а тем самым и в социуме.

Благодаря интернет-технологиям в обществе появилась «параллельная реальность», где происходит социализация индивида, эта реальность, конкурирует с традиционной средой социализации, выигрывая у нее за счет определенных преимуществ. В отличие от традиционной социализации, где агенты активно влияют на объект социализации, в виртуальной социализации направление задает сам индивид, который самостоятельно выбирает для себя сообщества и круг общения, которые ему наиболее интересны. То есть фактически молодой человек в социальной сети начинает сам себя социализировать.

Социальные сети, представляют собой альтернативную реальность и дают человеку совершенно иные, практически неограниченные возможности, отличающиеся от тех, которыми он обладает в реальном мире, в том числе и в плане коммуникации, строительства отношений с другими пользователями. Эти возможности позволяют человеку не просто взаимодействовать с другими людьми в виртуальном пространстве, но и подстраивать социальную реальность «под себя». Поэтому в современном обществе становятся важны навыки владения информационными технологиями в совершенстве, что открывает и доступ к виртуальному информационному пространству в современном социуме, и которые становятся ключевым компонентом успешной социализации современного молодого человека.

Современная молодежь как субъект социального исследования, социализация которого осуществляется под влиянием коммуникации в социальных сетях, выделяется в особую социальную группу с присущими ей специфическими ценностями, нормами, установками и интересами. С точки зрения исследователей молодежь рассматривается как большая социально-демографическая группа, члены которой, проходя стадию социализации, обладая определенными психолого-физиологическими особенностями, примеряют на себя различные социальные роли.

Социализация современной молодежи, ее взросление, проходит в век цифровых технологий, то есть полностью в информационной эпохе. В жизни молодого человека постоянно присутствуют обязательные атрибуты современной жизни: Интернет, гаджеты и другие цифровые технологии.

Все более важную роль в повседневной жизни молодого поколения занимает всемирная сеть Интернет с его виртуальными сетями, стремительно охватывая сферы учебы, работы и досуга, таким образом социализируя его.

Социолог Марк Пренски еще в начале 2000-х гг. ввел в науку понятие «цифровые аборигены», обозначив так население США моложе 1985 года рождения, чьи детство и юность пришлись на период появления и становления цифровых технологий и виртуальной реальности. Но в менее технологически развитых странах к категории «цифровых аборигенов» стали относить уже более позднее поколение, которое росло в цифровом обществе, социализировалось и в настоящее время является активным пользователем цифровых технологий. Например, в Италии эпоха Интернета началась в конце 1990-х гг. в начале 2000-х гг. Применительно к постсоветскому обществу, к которому относится, в том числе Беларусь, это приблизительно период конца 2000-х гг., когда резко возросла доступность Интернета.

Существует множество концепций «цифрового поколения». Например, американский профессор психологии Университета Сан-Диего Джин Твендж, эксперт по теме поколенческих различий, вводит концепцию «поколения iGen» (internet generation), которое является поколением, сформированным под влиянием всемирной сети Интернета, взаимодействующее с окружающим миром, в большинстве случаев, исключительно с помощью информационных технологий.

В своей книге «Поколение Z идет в колледж» американские эксперты К. Симиллер и М. Грейс на основе результатов исследования, в котором они опросили 1,2 тыс. американских студентов, сделали вывод, что современная молодежь предпочитает общаться в виртуальной реальности, имеет зависимость от общественного мнения и боится разочаровать свое окружение. Студенты желают обладать всем и сразу, не выпуская из рук гаджеты, будь то развлекательный контент, одежда или обучающая программа. Они не могут представить свою жизнь без поисковых систем, информация к ним поступает уже не из бумажных книг, а из многочисленных интернет-источников, степень достоверности которых зачастую они не способны оценить адекватно.

Американские исследователи Б. Шатто и К. Эрвин из Университетского медицинского колледжа Сент-Луиса отмечают, что «iGen», склонны к многозадачности, лучше вовлекаются в работу, если им предоставляют полную свободу и возможность выбирать технологии для выполнения поставленной задачи. Молодёжь тратит на Web-технологии в среднем девять часов в день. С учетом этого традиционные формы обучения

молодежи уже не так эффективны, как это было раньше, полагают ученые [2].

На постсоветском пространстве традиционные социализирующие институты долгие годы функционировали со значительными ограничениями, а их работа была не эффективна и поэтому в культуру привносились ценности иностранных государств, в частности США и Европы. Эта тенденция в нашем обществе продолжается, и по сей день.

Библиографические ссылки

1. Бештоков М.В. Компьютерно-интерактивная социальная система как среда социализации российской молодежи: структура, потенциал и социализационные риски. Автореферат дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2018. С. 21.

2. Reid E., Deaux K. Relationship between social and personal identities: segregation or integration // Journal Of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. Pp. 1084–1091.65.

РИСКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ

В.Н. Ставский

*Могилёвский государственный университет,
Ул. Космонавтов, 1, 212022, Могилёв, Беларусь
stavski@msu.by*

В статье рассматриваются риски, возникающие в современном обществе. На основе анализа социологических теорий автор показывает последствия рисков для развития общества. Делается вывод о том, что современное общество – это общество риска, поэтому социология должна более интенсивно изучать риски как социальный феномен.

***Ключевые слова:** риски, социальные трансформации; кризис; социальная травма; социальные изменения.*

В последние десятилетия XX века произошли глубокие трансформационные изменения, которые затронули все человечество. Эти изменения произошли в результате небывалого роста производительных сил, средств коммуникации, внедрения новых технологий. Именно в это время в США, Западной Европе, Японии состоялся переход на новый уклад экономики, переход к постиндустриальному и информационному обществу. В то же время СССР и его союзники в Восточной Европе отстали в своём научно-техническом развитии. Руководство социалистического Китая более глубоко осознало всю степень отставания страны от Запада, и начало проведение успешной политики модернизации, основанной на

привлечении западных инвестиций, развития частного сектора народного хозяйства.

Командно-административная система управления советского типа не замечала, да и не хотела замечать этого отставания от развитых стран мира. Советский Союз оставался индустриальной страной, а экономика многих его республик носила аграрно-индустриальный характер. Советское руководство не учитывало, что такое положение дел таит в себе огромные риски для существования страны. Некоторое время СССР продолжал существовать за счёт огромных нефтегазовых ресурсов Севера России. Но, такое положение дел не могло оставаться вечным, когда упали мировые цены на нефть, стали видны все изъяны экономики командно-административного типа. Попытка реформировать экономику и ускорить социально-экономическое развитие СССР провалились, в 1991 году Советский Союз прекратил своё существование, исчезла система социализма в Центральной и Восточной Европе.

Из нашей недавней истории, из ошибок при реформировании СССР следует сделать следующие выводы: для своего успешного развития государство должно всеми имеющимися средствами поддерживать развитие науки и образования в стране. Особое внимание должно быть уделено развитию математического образования в нашей стране. Именно наука должна быть положена в основу нового уклада экономики. Республика Беларусь должна строить экономику знаний.

Нехватка учителей математики в современный период, а также качество их подготовки могут иметь негативные последствия в будущем. Математика, физика, химия, биология, уровень их развития должны быть приоритетом при реформировании системы образования. Развитие гуманитарных наук также должно послужить основой для преобразования экономических и социально-политических структур. Поэтому следует уделять сделать всё возможное, чтобы при проведении реформ современного общества, были в полной мере задействован научный потенциал политологии, социологии, экономической теории. Гуманитарные науки могут способствовать реформированию системы управления нашего общества. Таким образом, для того, чтобы избежать риска стать периферией мирового сообщества, нам необходимо не на словах, а на деле изменить подходы к развитию науки и образования.

В сфере экономики необходимо развивать её многоукладность и рыночный характер. Промышленное и аграрное производство должны быть модернизированы. Необходимо иметь четкое представление о том, как мы сможем развивать нашу экономику, в целях устойчивого развития общества.

При проведении социально-политических реформ также необходимо учитывать опыт последних десятилетий нашего развития, опыт развития наших соседей. Всё это необходимо, для того, чтобы избежать негативных последствий реформ, но так как это практически невозможно, то для того, чтобы минимизировать влияние таких негативных последствий.

В современной социологической науке разработано большое количество теорий, посвящённых проблемам социальных трансформаций. Среди этих теорий заслуживает внимание концепция социальной травмы польского учёного Петра Штомки. П. Штомка сделал интересный вывод о том, что социальные изменения могут подорвать нормальный ход общественной жизни и нанести удары по членам общества, живущим в эпоху перемен. Как отмечал П. Штомка: «Травмогенные изменения, даже когда они прогрессивны, ожидаемы и успешны, неблагоприятно воздействуют на общество, вносят дезорганизацию, дислокацию, как бы выбрасывая общество из состояния равновесия» [1, с.475].

Социальные изменения ведут к увеличению социального напряжения в обществе, в первую очередь они нарушают привычный ход жизни граждан. Даже, если эти изменения носят прогрессивный характер и имеют успех, они всё равно носят травматический характер. Любые перемены нарушают сложившееся равновесие в обществе, заставляют людей менять их образ жизни, что не всеми людьми воспринимается однозначно. П. Штомка приводит пример социально-политических трансформаций, проходивших в странах Восточной Европы в 90-е годы. Эти реформы породили такое явление как коллективная травма. В результате радикальных реформ большое количество населения постсоциалистических стран стали нищими, многие люди потеряли работу, а также были вынуждены уехать на заработки в другие страны.

В тоже время успешность таких реформ, стабилизация экономики и последующее улучшение качества жизни, минимизируют негативные последствия радикальных реформ. С течением времени население привыкает к новому социально-политическому порядку. В качестве стратегии по выходу из состояния коллективной травмы, П. Штомка предлагает активные действия по укреплению новых социокультурных ценностей, а также поднятие материального снабжения населения.

При проведении реформ в Беларуси, необходимо учитывать положения концепцию социальной травмы. Но, при этом надо понимать, что современное белорусское общество уже отличается от общества 90-х годов. У нас уже больше развита рыночная экономика, у населения в меньшей степени присутствуют патерналистские настроения. Важен и тот фактор, что происходит смена поколений, в обществе всё меньше остается

людей носителей социалистических ценностей и идеалов. Можно сделать вывод о том, что дальнейшее реформирование экономики, а также институтов государственного управления, будут проходить взвешенно, эволюционно, с учётом всех возникающих при этом рисков.

Современный мир – это общество рисков. Данное положение прекрасно обосновал немецкий социолог Ульрих Бек. Развитие науки и техники способствует производству новых рисков. Эти риски не знают государственных границ. От рисков прошлого можно было укрыться в другом регионе, либо стране. Символические и реальные границы являлись защитой для людей. Например, подданные Великобритании, Германии, Российской империи, в поисках лучшей жизни уезжали на работу в США, не все страны участвовали в мировых войнах.

Риски атомного века представляют собой другие риски. После аварии на ЧАЭС, последствия которой наша страна переживает больше чем другие государства, нельзя уже не говорить об экзистенциальной угрозе всему человечеству. Мы живем в эпоху глобальных экологических рисков. Как отмечает У. Бек: «Риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил, и я имею в виду прежде всего полностью недоступную для непосредственного восприятия органами чувств радиоактивность, но также вредные и ядовитые вещества в воздухе, воде, продукты питания... эти риски отличаются от богатств. Они высвобождаются от богатств. Они высвобождают системно обусловленные, часто необратимые разрушительные с необратимые разрушительные силы, остаются, как правило, невидимыми...» [2, с. 13-14]. Их угрозу можно понять только путём научных исследований. Поэтому автор делает правильный вывод о том, что средства информации и понимание степени риска становится ключевой для противодействия рискам. Это в полной мере относится и к пандемии COVID-19.

Другой немецкий социолог Николас Луман считал, что социологии должна принадлежать ведущая роль в изучении рисков. Риск как социальное явление он связывал с непредсказуемостью будущего, с сознанием людей. Н. Луман считал, что проблема риска – это проблема социальная, поэтому социология, прежде всего, должна вплотную заниматься изучением рисков. В современном обществе, неправильно принятые решения могут привести к социальной катастрофе. Примером чего являются решения правительств многих стран, исчезнувших с карты мира 30 лет назад. Риск, считал Н. Луман, связан с принятием решения, непринятие решения – это тоже риск. То, общество, которое учитывает предстоящие риски, устремлено в будущее. Общество, которое игнорирует риски, обречено на неудачу. Никлас Луман обращается к онтологическим

основаниям изучения риска: по его мнению, понятие риска ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека.

Рассматривая риск как решение, Н. Луман делает акцент на проблему взаимоотношений между теми, кто принимает решения, и теми, кого эти решения касаются. Вот, что он пишет про это: «Поэтому на первый план выходит вопрос, кто принимает решение или что оказывается решающим в вопросе о том, учитывать риск или нет...» [3, с.137]. Неправильные решения могут обострить социальные проблемы, увеличить безработицу, привести к обнищанию населения, ухудшить экологическую обстановку, что в свою очередь может вызвать протестные настроения в обществе. Поэтому от того, кто принимает решения и как их принимают, зависит стабильность общества.

Проблема риска – одна из центральных проблем социологических исследований. Тот факт, что мы живём в обществе риска, должен быть ясен всем, начиная от руководств страны и заканчивая обывателями. Современная социология должна дать ответы на следующие вопросы:

1. Какие риски характерны для современного общества?
2. Как жить в обществе риска?
3. Как управлять рисками?

Живя в обществе риска, мы должны понимать, как мы своими действиями, можем минимизировать его последствия. Задача социологии – оказать непосредственную помощь обществу в управлении рисками.

Библиографические ссылки

1. Штомка, П. Социология. Анализ современного общества. Пер. с польск. С.М. Червоной. М.: Лого, 2005. 2005.664 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. Филиппова. М. Прогресс_традиция, 2000.384с.
3. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. В.5. с.135-160.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д.А. Стаценя

*Гродненский государственный университет имени Я.Купалы,
Ул. Октябрьская, 5, 230000, Гродно, Беларусь
grsu.sociology@mail.ru*

Научный руководитель: Богуш Т.А., кандидат социологических наук, доцент.

В статье рассматривается взаимозависимость экологического образования, экологической культуры и экологического сознания. Особое внимание уделяется признакам экологической культуры, как основным компонентам экологического

образования. Проблемой исследования является анализ особенностей экологической культуры в контексте современного образования. Цель исследования - анализ особенностей экологической культуры в контексте современного образования. Объект статьи - экологическая культура как важнейшая часть общечеловеческой культуры, предмет - рассмотрение экологической культуры в контексте современного образования. Статья представляет значительный теоретический и практический интерес для студентов и ученых, работающих в данной области в качестве информационного источника, содержащего анализ значимости экологического образования как важного фактора формирования позитивной экологической культуры.

Ключевые слова: экологическое образование; экологическая культура; экология; образовательный процесс; природоохранное развитие; уровень образованности.

Экология как наука и особый образ мышления в данный период находится в фокусе интересов мирового общества. Экологический упадок, назревавший продолжительный период, носит мировой характер, по этой причине обеспечение мер по охране природы считается первоочередной задачей людей. Генеральный секретарь ООН в 2000 г. в докладе «Роль Организации объединенных наций в XXI веке» принял важность усилий в сфере природоохранного просвещения населения, сформулировав обеспокоенность невысокой степенью настоящего осмысления природоохранных вопросов в процессе предоставления предстоящим поколениям условий существования на Земле. Наше государство не осталась в стороне от общемировых направленностей, во взаимосвязи с чем, в минувшие года уделялся существенный интерес к исследованию концепции постоянного экологического образования. Непосредственно последнее обязано предстать основным обстоятельством развития экологической культуры и экологического сознания.

В наше время в силу определенных объективных и индивидуальных факторов базисные учебные планы не дают возможности осуществлять миссию экологического обучения в абсолютном объеме. Концепция «школа-колледж-вуз» учитывает возможность внедрения в несколько академических объектов специализированных изменчивых конструкций-модулей природоохранной ориентированности. Сформировавшаяся практическая деятельность их применения говорит, что проще всего это совершается в ходе обучения объектов естественно-научного цикла, так как непосредственно в них встречаются проблемы, напрямую сопряженные с трудностями экологической сферы. К примеру, в физике присутствие в исследовании разновидностей энергии, потенциалов и методов их применения, появляется возможность ввести блок-модуль об энергетике (электрической, термической, ядерной, гидроэнергетике), а также в вопросах защиты биосферы. Бесчисленные примеры можно

приводить на материалах химии, биологии, безопасности жизнедеятельности и т.д.

Рассматривая экологическое формирование равно как сложную долю общего образования и просвещения, следует охватить им все без исключения возрастные группы общества, пропагандировать «экологическую грамотность», дав надлежащие познания о разных нюансах взаимодействия природы, а также общества в абсолютно всех степенях системы образования – начиная от дошкольного образования и вплоть до послевузовского.

Экологически-ориентированное образование, согласно установлению исследователя И.Д. Зверева, - это «непрерывный процесс преподавания, обучения и формирования личности, ориентированный на развитие концепции академических и фактических познаний, а также умений, ценностных ориентаций, морально-этических и эстетических взаимоотношений, которые обеспечивают природоохранную ответственность индивида за состояние и совершенствование социоприродной среды» [3, с. 17]. Только лишь обеспечивая непрерывное расширение экологических познаний, появляется возможность решить разногласие среди индивидуальных, а также социально значимых познаний индивидов.

Развитие постоянного экологического образования учитывает определение содержания двух базовых определений: «экологическое сознание» и «экологическая культура». Их важность формируются тем, что они выступают итогом экологического образования, особым методом восприятия, а также взаимоотношения к окружающему миру.

В академической литературе существуют разнообразные трактовки экологического сознания, а также его частей. Таким образом, Н.Н. Вересов [6], рассматривая экологическое понимание равно как долю либо часть персонального рассудка, показал, что оно предполагает собой реализуемое, а также проявляющееся в действительности целостность познаний о явлениях окружающего мира, их значимости с целью существования индивида и значения для жизни индивида и природы; взаимоотношения к природе равно как общечеловеческой, культурной ценности. С.Д. Дерябо, а также В.А. Ясвина [2], наравне с надлежащим когнитивным и чувственно-оценивающим элементами в текстуре экологического сознания выделяют стратегии и технологические процессы взаимодействия с природой. Экологическое понимание является можно определить равно как комплекс, существующих у индивида либо общественной категории природоохранных взглядов, индивидуального взаимоотношения к природе, но кроме того и интериоризированных стратегий, а также

технологий взаимодействия с природой. Н.Г. Мухамбетов [5] в структуре экологического сознания выделил природоохранный интерес, природоохранные воспоминания, экологическую память, экологический аффект, природоохранное понимание, а также свободу.

В нашем представлении экологическое сознание представляет собой область персонального рассудка, отражающую экологическую реальность в сфере экологических познаний, взглядов, оценивающих взаимоотношений к природе, а также практике ее охраны, стабилизирующих действия индивидов в естественной сфере. Приступая к рассмотрению нахождения экологической культуры, подчеркнем, что таковая деятельность согласно преподавательскому проектированию экологической культуры обязана принимать во внимание ее взаимозависимость с типом работы индивида, этапа формирования общественно-финансовой формации, а также сообщества, вида хозяйства, но кроме того, многозначительной стадии, географических условий, а также затруднения со временем ее состава, а также содержания.

Экологический уровень культуры – это степень восприятия населением природы, а также анализ собственного утверждения мира, подход лица к обществу. Экологическую культуру возможно анализировать равно как градиент слаженного, стабильного формирования, обеспечивающий соотношение общественной работы в естественной сфере. Помимо этого, экологический уровень культуры рассматривается в основном равно как определённый эталон, новейший вид культуры, причиной коего способно быть экологически направленное понимание, а также взгляды на жизнь, неотъемлемо содержащие в себе в свойстве высоконравственного эталона желание к слаженному формированию лица, сообщества, а также природы, но кроме того полное понимание самоценности и взаимозависимости естественной и общественной сфер обитания.

Сущность природоохранной культуры содержит взаимозависимые элементы:

- познавательный: экологически важные познания (от восприятия к их осмыслению, осознанию, а также применению), природоохранный образ мышления;
- оценочный: природоохранные значения, волнение, «эмоциональный резонанс»;
- нормативный: моральный, а также природоохранный закон, моральные общепризнанные правила, принципы, природоохранные устои;
- творческо-деятельный: навык творческой, проективной экологически правомерной работы;

- бихевиористический: природоохранные действия также воздействия во взаимоотношении природы [1, с. 44].

Природный уровень культуры, равно как и каждый вид культуры, неразделимо сопряжен с действием социализации. Таким образом, в частности, С.В. Машкова [4] под термином «экологическая культура» подразумевает сочетание экологической образованности с воспитанностью индивида. Согласно ее суждению, уровень экологической культуры - многоуровневое, многокомпонентное представление, выступающее как комплекс, образующийся в составе целого миропонимания индивида. По сути, ученики в период обучения многократно поднимаются с первой ступени экологической культуры на вторую.

Можно выдвинуть предположение, что процедура развития экологической культуры школьника обязана реализоваться на базе компетентного подхода. Этот аспект подразумевает развитие у школьников не только лишь знаний, умений и способностей в области экологии, однако также и готовность, ответственность в их использовании. В качестве основ возведения социально-культурной деятельности могут быть выделены соответствующие базисные утверждения, направленные на развитие экологической культуры:

- в стадии перехода к устойчивому формированию общественно-культурная деятельность обретает наиважнейший характер, как способ развития экологической культуры школьника;

- сущность общественно-культурной деятельности обязана содействовать развитию взглядов школьников о действиях, а также явлениях окружающей среды, о предметах и значимости человека в обеспечении стабильного развития;

- представление ответственности за результаты своей работы в области взаимодействия природы и окружающего мира;

- формирование индивида обязано гарантировать развитие мировоззренческих эталонов взаимоотношения к природе, а также целей общественно-культурной работы, направленных на стойкое формирование общества.

Компетентностный аспект дает возможность создать модели развития природоохранной культуры индивида средствами общественно-культурной работы. В следствии осуществлении этой модели, основанной на двух взаимозависимых структурах: компании и осуществлении направленной природоохранной работы, совершается высококачественное изменение индивида, что выражается в степени формирования его экологической образованности, природоохранной работы,

природоохранной сознательности - составных частей элементов экологической культуры.

Следует выделить, что экологическое образование, а также природоохранное сознание, уровень культуры - очень не схожие понятия. Степень познаний в сфере экологии увеличивается день от дня, однако данное не достаточно содействует разрешению задач, сопряженных с экологической обстановкой. Вопрос, вероятно, состоит не в багаже знаний, но в их осознанности. Природоохранное развитие считается обязательной составляющей высококонравного обучения индивида. Его цель - не просто результат познаний экологии, но основное - развитие экологического сознания, действия и экологической культуры, взглядов и интенсивной актуальной позиции в области решения проблемам охраны окружающей среды. Особую значимость обретает понимание индивидом того, что он считается органической составляющей окружающей среды, а также во многом непосредственно формирует её.

Формирование экологической культуры индивида неразделимо с развитием у обучающихся и учащихся единой гуманистической ориентированности миропонимания. Для экологической культуры крайне значительной считается подобная оценка гуманистического миропонимания, равно как уверенность в значимости взаимопомощи, а также партнерства с иными людьми. В отсутствии стремления функционировать общими стараниями, координировать собственные постановления, общество не сумеет совладать со сложными экологическими трудностями (равно как глобальными, так также местными), а также защититься от их появления в дальнейшем.

Библиографические ссылки

1. Глуздов В.А., Винокурова Н.Ф., Николина В.В. Концепция экологического образования учащихся Нижнего Новгорода // География и экология в школе XXI века - 2004. № 4. С. 42-47.
2. Дерябо Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-н/Д: Феникс, 1996. 478 с.
3. Зверев И.Д. Приоритеты экологического образования // Развитие непрерывного экологического образования: Материалы 1-ой Московской НПК по непрерывному экологическому образованию. М., 1995.
4. Машкова С.В. Проблема подготовки будущих учителей к формированию основ экологической культуры у школьников // Экология и география: проблемы подготовки учителя. М.: ТЭКОЦент, 1995. С. 170-172.
5. Мухамбетов.Н.Г. Соотношение экологической установки, экологического поведения и экологического сознания // Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. «Наука и образование» / Под ред. Е.Е.Адакина. Кемерово: Изд-во Биф КемГУ 2006г. - С. 139-140; Мухамбетов Н.Г. Роль экологических ориентаций и направленности

личности в развитии экологического сознания подростка // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 6 (35). С. 318-323.

б. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»: Закон Республики Беларусь, 17 июля 2002 г. № 126-3 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 85. 2/875.

КРИЗИС РОЖДАЕМОСТИ В КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Чэнь Сяоцзяо

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
596617530@qq.com*

Научный руководитель: Калачёва И.И., доктор исторических наук, доцент

Рассмотрены проблемы демографического состояния народонаселения в Китае. В последнее время отмечаются коренные сдвиги в принятии решений относительно рождаемости детей. В стране предпринята попытка концептуально переосмыслить проблему рождаемости. Контроль за рождаемостью и ограничительные меры привели к уменьшению работоспособного населения и увеличению людей пожилого возраста, что в свою очередь, сказалось на социальном самочувствии китайской семьи. Снизился уровень социальной защищенности и социальной обеспеченности семей, увеличилось количество разводов, возникли напряженные отношения в отношениях между старшими и младшими поколениями. Минитюаризация семьи и отказ от многопоколенных, более тесных отношений приводит к изменению функций и порождает новые взгляды на положение мужа, жены, детей.

Китай переходит от политики в отношении двух детей к политике в отношении трех детей. Реализация «политики трех детей» имеет большое значение для повышения уровня рождаемости в Китае. Увеличение рождаемости в стране будет способствовать улучшению благосостояния семьи, содействовать продвижению ценностей гендерного равенства, повышению образовательного, культурного уровня, смягчению конфликтов в семье между мужем и женой.

В то же время политика «разрешения родов» не означает, что все китайские женщины «готовы рожать». Существует много препятствий, связанных с традиционными представлениями о семье, а также новыми тенденциями, которые воспринимаются в китайском обществе с осторожностью. Однако, в стране постепенно создаётся комплексная система поддержки и сопровождения семьи, направленная на достижение цели – увеличения рождаемости.

Ключевые слова: семья; рождаемость; политика двух детей; политика трех детей; дисбаланс в структуре населения

Семья играет решающую роль в демографической политике Китая. От нее зависит формирование новых программ государственной поддержки и сопровождения, направления экономического, социального, просветительского развития государства в перспективе. Поэтому эксперты

и ученые изучают проблематику, связанную с трансформациями в структуре семьи и семейными отношениями.

Как социальная ячейка, семья - это наиболее микроскопическая среда материальной и духовной жизни человека, основная единица принятия решений для различных видов человеческой деятельности и основная общность интересов в социальных отношениях, - указывает в своих работах У Фань [1, с. 3-4].

Китайская нация всегда придавала большое значение статусу и роли семьи в обществе с точки зрения государственно-частного партнерства, можно подчеркнуть, что в современных условиях сложились удовлетворительные взаимоотношения между семьей, обществом и государством. Однако трансформации в экономической жизни страны в прошлом – XX веке оказали существенное влияние на институт семьи. Китайские семьи испытали «три потрясения, которые оказали серьезное влияние на семейную систему, семейные эмоции и семейные обязанности, соответственно» [2]. Перечислим некоторые особенности жизнеустройства, сложившиеся в китайских семьях из-за экономического кризиса.

Во-первых, это уменьшение размера семьи, что, по мнению экспертов, представляет угрозу безопасности семьи. Данные предыдущих переписей показали, что среднее количество человек в семейном домохозяйстве составляло 3,46 в 2000 году, этот показатель снижен до 3,09 человек в 2010 году. Согласно данным «Седьмой национальной переписи населения Китайской Народной Республики» установлено, что среднее количество человек еще больше снизилось до 2,62 человека [7].

Однако уменьшение размеров домохозяйств не означает снижение семейной безопасности на основе кровного родства. Внутренние связи семейной сети, родственных отношений все еще относительно тесны, а обмен ресурсами все еще относительно частый [3, с. 3-4]. Остаются достаточно крепкими отношения между поколениями внуков и бабушек-дедушек.

Во-вторых, произошла корректировка основных функций в семейных отношениях, что оказало существенное влияние на процессы фертильности.

В традиционной семье, состоящей из нескольких поколений, вертикальные отношения между родителями и потомками являются стержневыми. Соответственно, функции обеспечения поддержки пожилых родственников и воспитания и социализация молодых поколений являются важными в системе семейно-родственных отношений. Такие отношения между родителями и детьми непрерывно продолжались и укреплялись в

«режиме обратной связи», описанном в работе Чжэн Гунчэн и Фэй Сяотун [6, с.2-3]. Для каждого нового поколения этот принцип взаимного влияния долгое время оставался незыблемым.

Однако с миниатюризацией структуры семьи и социализацией служб ухода за пожилыми людьми горизонтальные отношения между мужем и женой стали стержневыми отношениями семьи; семья стала составлять ядро: муж – жена, дети. А поколение бабушек-дедушек постепенно стало вытесняться за пределы двухпоколенной семьи. Заметными стали такие тенденции как индивидуализация членов семьи, экономическая независимость, повышение уровня образования женщины – жены и хозяйки [5, с. 9-10].

Готовность женщины к рождению ребенка значительно снизилась, несмотря на давление старших членов семейного окружения, решение рожать или не рожать остается приоритетом уже не всего семейного рода, а мужа и жены.

Таким образом, репродуктивное поведение стало «рациональным решением», принятым обоими супругами после всестороннего рассмотрения множества факторов.

В-третьих, это ослабление социальной защиты и безопасности семьи. После вступления в рыночную экономику система социального обеспечения Китая претерпела полную трансформацию, что оказало воздействие на материальное состояние семьи, на поддержку домохозяйств с детьми.

Результаты переписей в Китае показывают, что коэффициент фертильности упал до крайне низкого уровня 1,3, что указывает на ускорение процессов старения и увеличение их в количественном отношении, а также на уменьшение

доли населения трудоспособного возраста. Тогда было принято государственное решение о необходимости рождения в семье не двух, а трех детей. Так называемая «политика трех детей» стала залогом более успешной демографической ситуации в стране. Однако, достижение баланса – непростая задача.

Существуют прогнозы экспертов о сложившейся ситуации: если предположить, что общий коэффициент рождаемости в Китае в XXI веке сохранится на уровне 1,3, то уже в 2023 году будет отрицательный прирост населения. В конце XXI века общая численность населения сократится до 650 миллионов человек, а пожилые люди в возрасте 60 лет и старше составят почти половину всего населения. Даже если коэффициент рождаемости вырастет до уровня воспроизводства в следующие 5 лет и останется неизменным, все равно будет наблюдаться медленный

отрицательный прирост населения за 45 лет. Общая численность населения сократится до 1,32 миллиарда к концу XXI века, а пожилые люди 60 лет и старше будут составлять 30%. Если представить себе экстремальную ситуацию, то есть коэффициент рождаемости продолжит снижаться, то численность населения будет падать.

К концу XXI века общая численность населения Китая составит менее 500 миллионов человек, а население в возрасте 60 лет и старше приблизится к общей численности населения 60% [8].

На индивидуальном уровне «политика трех детей» предоставляет больше возможностей для удовлетворения разнообразных потребностей китайских граждан. В связи с быстрым прогрессом урбанизации и значительным повышением уровня образования неоднородность различных регионов и разных групп населения будет продолжать расти, а также увеличиваться различия в достижении целей рождаемости.

Хотя политика в отношении трех детей, по-прежнему, является ограничительной, степень ограничения уже очень слабая. Специалисты в области демографии считают, что политика в отношении трёх детей смогла удовлетворить желания подавляющего большинства пар, желающих иметь детей. По данным переписи населения и выборочного обследования рождаемости, количество рождений с тремя детьми составило 5-8% от общего числа рождений, а доля четырех детей и старше составляла только 1-2% [8].

Если в будущем политика в области деторождения будет скорректирована и будет реализована автономная политика полной либерализации, то ситуация может измениться в лучшую сторону.

Вступление Китая в период чрезвычайно низких показателей рождаемости означает, что старение будет ускоряться, а нулевой или отрицательный прирост населения произойдет с опережением графика. В прошлом большинство различных прогнозов о народонаселении Китая предполагало, что отрицательный прирост населения Китая произойдет в период с 2027 по 2030 год, но, исходя из текущей тенденции уровня рождаемости, он, вероятно, появится в последующие один или два года.

Период «14-й пятилетки» Китая будет периодом большой миграции населения. Данные предыдущих переписей в Китае показали, что количество пожилых людей в возрасте 60 лет и старше превышает количество детей в возрасте от 0 до 14 лет (по данным на 2020 год). Такие показатели получены впервые в истории Китая. В будущем старение будет продвигаться более быстрыми темпами. В Китае может произойти самый быстрый процесс старения в мире. В то же время, как только рост населения Китая станет поворотным, он вступит в долгосрочную,

устойчивую и быструю отрицательную фазу роста, которую трудно повернуть вспять. Период «14-й пятилетки», вероятно, станет «окном возможностей», которое нельзя упускать при разработке политики и систем, направленных на борьбу со старением населения и отрицательным приростом населения.

Таким образом, в последнее время политика Китая в отношении рождаемости претерпела серьезные изменения: от политики в отношении двух детей до политики в отношении трех детей. Реализация «политики трёх детей» предоставляет пространство для достижения и реализации умеренного уровня рождаемости, для корректировки регионального развития.

Хотя реализация «политики трех детей» имеет большое значение для повышения уровня рождаемости в Китае, необходимо начать с других мер, мер экономической и социальной поддержки. Реализация «политики трех детей» направлена на улучшение благосостояния семьи, содействие личностному развитию, на продвижение гендерного равенства и смягчение конфликтов между работой и семьей.

Библиографические ссылки

1. У Фань. Изменения в китайской семье и политические соображения на фоне второго демографического перехода // Гуандун. Социальные науки, 2012. С. 3-4.
2. Мэн Сяньфань. Семья: три удара за сто лет и наш выбор // Журнал Университета Цинхуа. Философские и социальным науки, 2008.
3. У Фань. Структура жизненного цикла семьи: теоретические основы и эмпирическое исследование на основе CHNS // Академические исследования. 2012. С.3-4.
4. Пэн Сичжэ, Ху Чжань. Современные китайские семейные изменения и реконструкция семейной политики // Китайские социальные науки. 2015. С. 12-13.
5. У Сяоин. Позиционирование семьи в государственной политике // Академические исследования, 2012. С. 9-10.
6. Чжэн Гунчэн, Фэй Сяотун. Построение системы социального обеспечения с китайскими особенностями к 2035 году на основе целенаправленного теоретического мышления и политических рекомендаций// Обзор социального обеспечения,2021.С.2-3.
7. Седьмая национальная перепись энциклопедии Baidu [Электронный ресурс]. URL:<https://baike.baidu.com/item/%E7%AC%AC%E4%B8%83%E6%AC%A1%E5%85%A8%E5%9B%BD%E4%BA%BA%E5%8F%A3%E6%99%AE%E6%9F%A5/23542107?fr=aladdin> (дата обращения: 10.11.2021).
8. Центральное Народное Правительство Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/fuwu/2021-05/11/content_5605879.htm – (дата обращения: 10.11.2021).

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Шурко, И.С. Гурина

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
shyrachka24@gmail.com, irinka2k1@gmail.com*

Научный руководитель: Филинская Л. В., кандидат философских наук, доцент

В работе обоснована важность социологических исследований, связанных с изучением проблем здорового образа жизни студенческой молодежи. Представлены результаты исследования, проведенного в сентябре 2021 года. Актуальность исследования определяется существующим противоречием между потребностью в здоровье и ведением здорового образа жизни студенческой молодежью. Объектом исследования являются студенты 1-4 курсов ФФСН БГУ, целью – выявление связи между здоровьем, здоровым образом жизни и его элементами. Результаты работы можно использовать в социологии здравоохранения и медицины, полученные данные способны иллюстрировать необходимость разработки специальных программ для решения проблемы недостатка здоровья на практике.

Ключевые слова: *здоровье; здоровый образ жизни; студенческая молодежь; вредные привычки; здоровое поведение.*

Человеческое здоровье – один из самых значимых факторов, влияющих на функционирование и развитие общества. С.Я. Чикин и Г.И. Перегородцев отмечали, что «здоровье – это такое состояние, когда человек может оптимально осуществлять все общественные и биологические функции, присущие ему как социально-биологическому существу» [3, с. 31]. Нередко, состояние здоровья человека становится причиной поступков, которые отражаются на общей ситуации в стране. Болеющий человек как бы выпадает из общественной жизни, то есть не выполняет свои функции матери/отца, начальника/подчинённого, гражданина и т.д. В современном мире влияние здоровья на общество наиболее ярко видно на примере пандемии COVID-19. Многие страны понесли большие материальные убытки за счёт прекращения работы туристической сферы и некоторых областей сферы услуг, что повлекло за собой снижение уровня жизни определённых категорий населения. Нельзя также не отметить влияние мер по борьбе с распространением болезни (переход на дистанционную работу и обучение, социальное дистанцирование, ношение масок) на психологическое состояние людей, лишённых привычной социализации.

Актуальность изучения вопросов здоровья студенческой молодёжи заключается во всеобщей важности этого фактора, так как выяснение причинно-следственных связей между потребностью в здоровье и ведением здорового образа жизни позволит мотивировать студентов к изменению своего поведения, а тем самым регулировать состояние здоровья молодого поколения. Студенческая молодёжь является такой социальной группой, на основе которой строится будущее общество, поэтому особенно важно изучать и решать проблемы ведения здорового образа жизни.

Студенты и студентки должны понимать ценность здоровья. Согласно данным социологического исследования, 51,7% студентов ФФСН 1-4 курсов считают, что здоровье представляет для них наибольшую ценность. В рейтинге предложенных ценностей здоровье занимает первое ранговое место.⁴ Следует отметить, что для девушек эта ценность более значима, чем для юношей (соответственно 54,7% и 42,2%).

К основным проблемам молодёжи, связанным со здоровьем, ВОЗ относит: травмы, отклонения в психическом здоровье, насилие, ВИЧ/СПИД и другие инфекционные заболевания, преждевременная беременность и деторождение, алкоголь и наркотики, недостаточное питание и ожирение, недостаток физической активности, употребление табака [1]. Многие из перечисленных проблем связаны с соблюдением или не соблюдением здорового образа жизни.

На вопрос «Ведёте ли Вы здоровый образ жизни?» дали положительный ответ 67% респондентов («да» - 12,3%, «скорее да» - 54,7%), негативно оценивают свой образ жизни 26,8% участников исследования («скорее нет» - 21,3%, «нет» - 5,7%), затруднились ответить 6,0%. Полученные данные свидетельствуют о том, что две трети студентов ФФСН пытаются поддерживать своё здоровье в удовлетворительном состоянии. Вместе с тем, существует проблема понимания здорового образа жизни среди молодёжи. Элементы, входящие в это понятие, для каждого из них могут различаться. Так, для 68,8% студентов и студенток, здоровый образ жизни – это отказ от вредных привычек (курения, алкоголя, наркотиков), для 78,0% - занятия спортом, поддержание оптимальной физической формы, для 68,0% - здоровое питание, для 56,1% - соблюдение правил гигиены, для 56,8% - соблюдение режима дня, в том числе сон 7-8 часов, для 34,4% - отсутствие беспорядочной половой жизни, для 27,3% - умение справляться со своими эмоциями, для 35,8% - регулярное посещение врача с целью профилактики. Из полученных данных следует, что для

⁴ В онлайн опросе приняли участие 300 студентов всех специальностей факультета философии и социальных наук.

большинства представителей студенческой молодёжи умение справляться со своими эмоциями не относится к здоровому образу жизни, а, следовательно, эмоциональное здоровье находится в «слепой зоне» и требует акцентирования внимания на психологических аспектах развития человека. Также непопулярными оказались такие элементы здорового поведения как отсутствие беспорядочной половой жизни и регулярное посещение врача с целью профилактики. Такие показатели могут быть объяснены следующими факторами: пропагандой и информированием об одних элементах здорового образа жизни и умалчиванием других. Например, с 1999 года Всемирная организация здравоохранения рассматривает следующие аспекты здорового образа жизни: наличие или отсутствие вредных привычек (курение, алкоголь), физическую активность и здоровое питание [1], однако, не затрагивается тема беспорядочных половых связей или контролирования своих эмоций. В своей программе ВОЗ выделяет риски не только для каждого индивида, но и для его социального окружения, что было бы полезно и при разборе других составляющих здорового образа жизни.

Важно на эмпирическом уровне проследить связь между ведением здорового образа жизни и здоровьем студентов и студенток. Как свидетельствуют результаты исследования, среди респондентов, которые ведут здоровый образ жизни, почти треть (29,9%) заявили они практически здоровы, у 40,8% «зожников» временами возникают проблемы, 24,9% имеют хронические заболевания, 1,0% имеют инвалидность. Из тех, кто не ведёт здоровый образ жизни, практически здоровы 21,0%, у 50,6% временами бывают проблемы, 25,9% имеют хронические заболевания. Полученные данные показывают, как отказ от здорового образа жизни влияет на качество здоровья студентов.

Углубляясь в содержательный анализ ответов, нами был рассмотрен аспект взаимозависимости ведения здорового образа жизни и понимания студенческой молодежью данного феномена. Что вкладывают студенты-«зожники» в понятие здоровый образ жизни:

- отказ от вредных привычек (курения, алкоголя, наркотиков) – 64,6%;
- занятия спортом и поддержание оптимальной физической формы – 69,9%;
- здоровое питание – 67,5%;
- соблюдение правил гигиены – 69,8%;
- соблюдение режима дня, в том числе сон 7-8 часов – 68,0%;
- отсутствие беспорядочной половой жизни – 78,4%;
- умение справляться со своими эмоциями – 63,0%;
- регулярное посещение врача с целью профилактики – 67,9%;

Результаты исследования показали, что среди молодежи, ведущей здоровый образ жизни, лидерами являются такие определения ЗОЖа, как отсутствие беспорядочной половой жизни, соблюдение правил гигиены и занятия спортом и поддержание оптимальной физической формы, что значительно отличается от показателей всей студенческой молодёжи. Студенты и студентки, заботящиеся о своём здоровье через здоровое поведение, отмечают более разнообразные его элементы. Таким образом, на сегодняшний день актуальными являются вопросы представления индивида о здоровом образе жизни и о себе как акторе социальной реальности в контексте принятия решений о своем здоровье.

Актуальным является вопрос о том, как соотносятся ответы студентов и студенток об определённых элементах здорового образа жизни с их соблюдением. Так, среди всех респондентов, отметивших, что здоровый образ жизни для них – это отказ от вредных привычек, курящих оказалось 18,8%, не курящих – 72,9%; часто употребляющих пиво и другие слабоалкогольные напитки 12,6%, не употребляющих – 80,7%; употребляющих крепкие спиртные напитки – 8,7%, не употребляющих – 87,4%; употребляющих наркотические вещества – 1,9%, не употребляющих – 95,2%. Полученные данные показывают, что большинство студентов и студенток, осознающих важность отказа от вредных привычек для сохранения здоровья, действуют согласно своим убеждениям.

Среди студентов и студенток, ответивших, что здоровый образ жизни для них – это здоровое питание, часто употребляют фастфуд 27,9%, не употребляют – 66,7%, среди тех, кто отметил занятия спортом, регулярно занимаются спортом 20,5%, изредка – 61,5%, не занимаются – 18,0%.

Таким образом, необходимо отметить связь между принятием студенческой молодёжью правил здорового образа жизни и их соблюдением. При грамотном и аргументированном освещении проблем со здоровьем, вытекающих из поведения, которое нельзя назвать «здоровьесберегающим», есть возможность привлечь внимание к этим факторам, изменить восприятие до сих пор «не важных» категорий, что в целом повысило бы процент молодого населения, ведущих здоровый образ жизни.

Изучение здоровья и определяющих его факторов позволит фиксировать существующие проблемы, указывать направления их решения, чтобы минимизировать потери человеческого ресурса. В настоящее время так важно актуализировать социологические исследования в данной области.

Библиографические ссылки

1. ВОЗ, Здоровый образ жизни: что такое здоровый образ жизни? [Электронный ресурс] / ВОЗ. Электронные текстовые данные (1,0 Мб). Всемирная организация здравоохранения, Копенгаген, 1999. 28 с.
2. Главная стратегия по питанию, физической активности и здоровью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/dietphysicalactivity/pa/ru/>. (дата обращения: 25.04.2021).
3. Отношение населения к здоровью [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Otnoshenie_naseleniya_k_zdorovyu_1993.pdf. (дата обращения: 22.10.2020).

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ РИСКА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЙ

В.К. Щербин

*Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
Ул. Академическая 1, 220072, Минск, Беларусь
shcherbin5353@mail.ru*

Основной темой доклада являются современные вызовы и риски. Рассматривается проблема взаимодействий и взаимодополнений между научными дисциплинами, главными объектами изучения которых являются современные вызовы и риски. Целью исследования является выявление на материале рискогенных явлений возможности формирования единой научной картины мира в сфере социально-гуманитарных знаний. Обосновывается вывод о необходимости более тесной интеграции научно-исследовательских проектов и учебных программ, реализуемых представителями социологии риска и социальной философии риска.

Ключевые слова: *социология риска; социальная философия риска; научно-исследовательский проект; учебная программа.*

Из монографии немецкого исследователя Ульриха Бека «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию» (М., 2001) можно узнать о том, что все мы живем сегодня в «мировом обществе риска» [1, с. 74]. При этом, как справедливо заметил российский социолог Олег Яницкий, «сегодня риск – это не только угроза аварии или катастрофы... Современные риски – это *производство гигантских масс энергии распада* в самой разной форме (беженцы, вынужденные переселенцы, болезни и гибель людей, разрушенные города и местные сообщества); производство, которое способно также хаотизировать жизнь других стран и целых континентов» [2, с. 19]. Иными словами, вызовы и риски бывают не только технологическими (аварии на промышленных и сельскохозяйственных объектах, на транспорте и т.д.) или природными (землетрясения, оползни, удары молнии, ураганы, эпидемии и т.п.), но и

общественно-политическими (войны, перевороты, революции), социальными (демонстрации, забастовки, протестные выступления и т.д.), экономическими (дефолты, инфляции, валютные и финансовые кризисы и проч.). На сегодняшний день классификатор установленных видов рисков содержит порядка шести тысяч названий [3, с. 22-23], а изучением этого многообразия существующих рискогенных явлений занимается целый ряд специализированных научных дисциплин. В частности, нам уже доводилось писать о том, что в настоящее время система наук о рисках объединяет в своем составе следующие научные дисциплины: кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, общая теория рисков, психология риска, риск-менеджмент, рискография, рискология, семиотика риска, синдика (наука об опасностях), социология риска, теория кризисов, философия риска, хоррорология (наука об ужасах и ловушках современной цивилизации), эвентология и др. [4].

Даже по названиям перечисленных выше наук о рисках можно судить о том, насколько широк спектр изучаемых ими рискогенных явлений. Изучение многочисленных и весьма отличающихся вызовов и рисков осложняется тем, что перечисленные выше науки о рисках говорят на разных понятийных языках и остро нуждаются в междисциплинарном трансфере наработанных ими рискованных знаний, который должен осуществляться на общепонятном, общенаучном языке, который обычно вырабатывается философией, как наиболее общей наукой о природе, человеке и обществе. Острая необходимость в объединении всех научных знаний, наработанных различными науками и профессиональными сферами деятельности, осознавалась еще в античности, где и была впервые сформулирована «идея объединения наук». Вот что об этом пишет российский философ В.П. Филатов: «Идея объединения наук, идущая от античности, как правило, выражалась в двух формах: (а) поиске универсального языка или символизма, к которым так или иначе можно свести языки различных наук; (б) создании Энциклопедии, объединяющей различные ветви науки в единое «древо знания» [5, с. 195].

Показательно, что в западном обществоведении максимально полно были использованы обе формы реализации указанной «идеи объединения наук». В частности, в ходе поисков универсального языка был разработан целый ряд философских языков (в качестве их создателей можно назвать имена Г.В. Лейбница, И. Ньютона, Дж. Уилкинса, Б. Рассела и др.). В свою очередь, историю использования энциклопедической формы объединения научных знаний можно вести от первой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», изданной Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбером в 1751-1780 гг. в 35-ти томах, до современных многотомных учебных

компендиумов (в качестве примера такого компендиума можно назвать опубликованный издательством «Elsevier» шестнадцатитомный учебник по философии науки, в котором можно найти при желании дефиницию любого общенаучного понятия [6]).

А как у нас обстоит дело с разработкой проблем междисциплинарного трансфера и применением различных форм реализации «идеи объединения наук», создающих понятийную основу для обсуждения разнообразных рискогенных явлений и связанной с ними проблемы безопасности жизни современного общества? Российский философ науки В.А. Канке, к примеру, считает, что «философски содержательно проблема безопасности пока не изучена» [7, с. 29]. Более комплексно оценивает взаимосвязь между философией и существующими вызовами и рисками другой российский философ А.С. Панарин: «Философию можно определить как квинтэссенцию человеческого опыта, записанную на специфическом языке понятий. Не во всяком обществе наличествует интеллектуальная элита, способная это осуществить. Из этого вытекают два небезопасных последствия. Во-первых, мешающая целостному синтетическому схватыванию мозаичная раздробленность общественного опыта, который, вместо того чтобы быть представленным в едином внятном ключе, рассыпается в деталях, становящихся достоянием разрозненных групп, но не социума в целом. Во-вторых, неумение синтезировать свой опыт самостоятельно имманентным образом приводит к тому, что данный опыт узурпируют не всегда бескорыстные внешние интерпретаторы, навязывающие свое видение» [8, с. 6].

Что касается отмеченной А.С. Панариным мозаичной раздробленности общественного опыта, то наиболее очевидным ее проявлением в отечественном обществоведении является существование в нем целого ряда «дисциплинарных империализмов (в их числе экономический, политологический, исторический, социологический, культурологический, психологический и другие империализмы), которые ведут «непрерывную войну» друг с другом за контроль над финансовыми, кадровыми, геополитическими и прочими ресурсами для своего развития» [9, с. 21].

Однако значительно большую озабоченность вызывает наше «неумение синтезировать свой опыт самостоятельно» с последующим представлением результатов такого синтеза в виде энциклопедических изданий, многотомных учебных компендиумов и т.п. информационных продуктов. Ввиду отсутствия в настоящее время наших энциклопедических и учебных изданий указанного типа в Интернете наша научная и студенческая молодежь вынуждена искать ответы на волнующие их научные вопросы в западных электронных изданиях данного типа, в

которых представлена научная картина мира, принципиально отличающаяся по своим методологическим и идеологическим установкам от нашей, отечественной картины мира. И вряд ли случайным является то, что в отличие от любой научной статьи в западных электронных журналах, доступ к которой становится возможным только после перевода на счет западных издательских фирм нескольких десятков долларов или евро, доступ в Интернете к многотомным изданиям мировоззренческого характера (энциклопедиям и учебникам по социальным и гуманитарным наукам) является абсолютно бесплатным. Ведь они формируют у читателей «прозападное» видение научной картины мира.

В последнее время продвижению западной (в основном, англоязычной) когнитивной базы, т.е. «знания огромной массы реалий, связанных со всем контекстом жизни в конкретной культурно-информационной среде» [10, с. 138], в сознание нашей научной молодежи, способствует отечественная журнально-издательская политика, ориентирующая наших авторов на первоочередное представление своих научных статей на английском языке даже в отечественных научных журналах. Этим самым закрывается путь для продвижения нашего, отечественного видения научной картины мира, ведь «когнитивная база народа всегда отражена в его национальном языке» [10, с. 138]. Ср. также: «Картины мира разных народов написаны их языками, и увидеть их можно, только изучив соответствующие языки» [11, с. 112].

Можно до бесконечности обсуждать процент «компилятивности» в таких отечественных учебных изданиях, как «Фундаментальная социология: В 15-ти томах». (Сост.: В.И.Добреньков, А.И.Кравченко. – М., 2003-2007), «Западная социология: современные парадигмы: антология» (Сост.: Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко. – Мн., 2015), «Практикум по философии: Социальная философия» (Сост.: А.В. Кузнецов, В.В. Кузнецов. – Мн., 2007) и др., но нельзя не признать очевидного факта: такие учебные издания выходят на одном из наших государственных языков, с учетом требований наших учебных программ и к западным социологическим и социально-философским текстам в них даются составительские комментарии, основанные на нашей научной картине мира. А следовательно, такие отечественные учебные издания, давая определенное представление о западных научных идеях и парадигмах, меньше трансформируют сознание нашей научной и студенческой молодежи в направлении западных стандартов и ориентиров.

Показательно, что трактовка наиболее рискогенных явлений (например, войны) в таких учебных изданиях вполне соответствует как нашим научным, так и нашим идеологическим подходам. Ср.: «Вторая мировая

война, приведшая к столь многочисленным жертвам среди гражданского населения воюющих стран, показала, что научный и технический прогресс отнюдь не обязательно связан с нравственным и культурным развитием человечества. Самая образованная и технически развитая страна Европы первой половины XX в., Германия, продемонстрировала всему миру, до какого нравственного падения может дойти человек, рационально и планомерно организующий ликвидацию целых народов и наций» [12, с. 374].

К сожалению, научных и учебных изданий, в которых анализируются разнообразные рискогенные явления, в странах СНГ издается явно недостаточно. К их числу, в частности, можно отнести дополнительно следующие книги:

- Мозговая А.В. Технологический риск и экологическая составляющая качества жизни населения. Возможности социологического анализа. – М.: Диалог-МГУ, 1999;

- Катастрофы и общество. – М.: Контакт-Культура, 2000;

- Социологические координаты риска / под ред. А.В. Мозговой. – М.: Институт социологии РАН, 2000;

- Яскевич Я.С. Политический риск в контексте глобализации мировой истории. – Мн.: ИСПИ при Администрации Президента РБ, 2001;

- Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: Изд-во LVS. 2003;

- Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход: Учебное пособие для вузов. – М.: Анкил, 2004;

- Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. – М.: Бизнес Атлас, 2010;

- Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: Учебник и практикум. – М.: Изд-во Юрайт, 2016 и др.

И хотя, если судить по выходным данным указанных книг, среди их авторов представлены философы, социологи, политологи, экономисты, представители других социальных и гуманитарных наук, все же удельный вес социологов в их числе явно преобладает. Что же касается социальных философов, то в их среде пока идет а) изучение истории философского освоения рискованной проблематики (Ср.: «В числе первых философскую теорию риска разработал французский философ Б. Паскаль... В философии экзистенциализма рискологическая проблематика отражена в работах С. Кьеркегора, К. Ясперса, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра» [13, с. 30]); б) рассмотрение «с философских позиций роли и места риска в жизни общества» [14, с. 212].

Возвращаясь к заявленной в названии нашего доклада проблеме взаимодействий и взаимодополнений между социологией риска и социальной философией риска, можно смело утверждать, что названная проблема все еще сохраняет свою актуальность. На наш взгляд, чем скорее данная проблема будет решена, тем скорее реализуются следующие пророческие слова С. Лема: «Социологов, которые, вслед за физиками, требовали бы миллиарды на машины «для моделирования социальных процессов», пока еще нет.. Но будем надеяться, что когда-нибудь положение дел изменится в корне» [15, с. 42].

Библиографические ссылки

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем А. Григорьева и В. Седелника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 301 с.
2. Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии РАН. 2017. Т. 8. № 2. С. 12-34.
3. Рягин Ю.И. Рискология: в 2 ч. Ч. 1: Учебник для вузов. – М.: Изд-во Юрайт; Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. 255 с.
4. Щербин В.К. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 2. С. 35-47.
5. Филатов В.П. Унифицированная наука // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова и др. М.: Культурная революция, 2009. С. 195-196.
6. Handbook of the Philosophy of Science: In 16 volumes. Amsterdam: Elsevier, 2009.
7. Канке В.А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Омега-Л», 2008. 328 с.
8. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
9. Щербин В.К. Общий социальный анализ знаниевых и стоимостных цепочек // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 20-41.
10. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд.: Учебное пособие. М.: КДУ, 2014. 348 с.
11. Трофимова Р.П. «Языковое мышление» в мире виртуальных реальностей // Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е.В. Ганиной, А.Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016. С. 111-119.
12. Практикум по философии: Социальная философия» / Сост.: А.В. Кузнецов, В.В. Кузнецов. Мн.: Асар, 2007. 832 с.
13. Будько Е.В. Феномен риска в социально-философском дискурсе // Философия и общество. 2019. № 3. С. 27-34.
14. Самсин А.И. Философия риска // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 212-218.
15. Лем С. Этика технологии и технология этики; Модель культуры. – Пермь: РИФ «Бегемот»; Абакан: ТОО «Центавр»; М.: Лаборатория теории и истории культуры ИНИОН РАН, 1993. 92 с.

Секция 2.
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ В
БЕЛАРУСИ И СВЯЗЬ С СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ

А.И. Абраев

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

Научный руководитель: Данилов А.Н., доктор социологических наук, профессор

Образование как социальный феномен является предметом размышлений и исследований на протяжении всей истории общественной мысли. Проблемами образования занимаются философы, историки, психологи, политологи, представители педагогического знания и т.д. Не обошла его и социологическая наука. У социологии свой ракурс в изучении образования, что, вполне понятно, определяется спецификой ее предмета и методов, применяемых для изучения общественных явлений.

Ключевые слова: *социология образования; социология; связь; этапы.*

Социология образования - область социологии, изучающая образование как социальный институт (его функции в обществе и взаимосвязь с другими институтами), его учреждения (школы, вузы и т.д.) как социальные организации, а также социальную политику в области образования. [2 с.9]

Сегодня образование считается важной частью социальной жизни каждого человека. В сравнении с прошлым, образование очень быстро развивается и модернизируется.

Образование оказывает огромное влияние не только на личность, но и на все общество в целом. В настоящее время важность образования в обществе – это аксиома. Образование – является социальным институтом, и важной частью социальной жизни. Отдельной составляющей образования является университетское образование. С этим понятие, связано такой термин, как университет.

Рассматривая историю становления и развития отечественной социологии образования можно сказать, что зарождение этой отрасли знания в нашей стране очень трудно связать с конкретной датой или научным трудом. Многочисленные публикации по социальным проблемам образования появляются во второй половине XIX в., поскольку в это время в Российской империи, в состав которой входили белорусские земли,

началось обсуждение очередной учебной реформы. Российские социологи Я. У. Астафьев и В. Н. Шубкин по этому поводу отмечали: «Что касается высшей школы, то здесь обсуждались вопросы автономии профессорской корпорации, положения студентов в учебных заведениях, надзора за учащимися. В отношении средней школы дискуссии велись главным образом вокруг проблемы, придать ли среднему образованию классический или “реальный” характер. Дискуссии на данные темы стимулировали развитие исследований в области теории и истории образования в России. Однако значение этих исследований не стоит преувеличивать. Дореволюционная литература по нашему предмету складывается в основном из публицистических статей и немногочисленных юбилейных изданий, написанных профессорами, преподавателями, чиновниками на основе официальных источников и представляющих собой достаточно объективистские хроники деятельности как Министерства народного просвещения в целом, так и отдельных учебных заведений». [1, с. 265].

Белорусская социология образования развивалась в фарватере советской социологии. Ключевые направления и темпы ее институционализации в целом совпадали с российской социологией образования. Формально начало институционализации социологии образования в Беларуси связано с 1967 годом, когда в БГУ была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ). Основными направлениями научных работ, проводившихся в ней, стали вопросы жизнедеятельности студенческой и учащейся молодежи БССР. Ведущим в составе ПНИЛСИ был отдел студенческой молодежи, который провел большое количество социологических исследований проблем образования. Первый руководитель лаборатории – профессор И. Н. Лущицкий, а в последующем – видные белорусские социологи Н. Г. Юркевич, С. Д. Лаптенко, Г. П. Давидюк. Если первым центром развития белорусской социологии образования можно считать ПНИЛСИ БГУ, то вторым стал Отдел социальных исследований, созданный в 1968 г. в Институте философии и права Академии наук БССР. Сотрудники отдела изучали вопросы подготовки кадров для различных отраслей народного хозяйства, а также проблемы эффективности их труда. [4, с. 175–176]. В «Социологическом словаре», изданном в Минске в 1991 г., доцентом кафедры социологии БГУ И. Я. Писаренко была подготовлена статья «Социология образования», в которой предложена весьма широкая трактовка этой области знания: «Социология образования – отрасль социологической науки, в рамках которой изучаются образовательный

процесс, механизм овладения людьми накопленными наукой и социальной практикой знаниями и обобщенным опытом, передача этих знаний через социальный институт образования и просвещения... Предметом социологии образования является реальный процесс интеллектуальной социализации личности, овладения ею знаниями о природе и обществе, приобретения социального опыта на основе научных знаний, формирования интеллектуального и в целом социального потенциала, необходимого для гармоничного и всестороннего развития личности». [3, с. 419].

После распада СССР развитие отечественной социологии образования протекало уже в Республике Беларусь как суверенном государстве на постсоветском пространстве. Среди белорусских социологов, защитивших в постсоветские годы кандидатские и докторские диссертации по проблемам образования, следует назвать Е. С. Бабосову, Г. Ф. Бедулину, Н. А. Залыгину, В. А. Клименко, С. В. Костюкевич, С. Н. Кройтор, А. И. Левко, Т. П. Липай, С. Н. Лихачеву, З. В. Пунчик, Ю. А. Федосову, А. С. Царева. Известными специалистами в области отечественной социологии образования являются Е. М. Бабосов, М. Г. Волнистая, Н. И. Латыш, А. В. Рубанов, В. И. Стражев, Л. Г. Титаренко, С. А. Шавель и др. Белорусские социологи Л. Г. Титаренко и А. В. Рубанов отмечают, что в настоящее время отечественная социология образования наиболее активно развивается в вузах. Фактически каждая кафедра социологии в учреждениях высшего образования (УВО) Республики Беларусь проводит исследования по проблемам образования. [4, с. 177]. Признанным лидером в изучении проблем образования выступает БГУ. Кафедра социологии БГУ стала первой в республике кафедрой, разработавшей и внедрившей в образовательный процесс учебную дисциплину «Социология образования». Составителем типовой учебной программы по данной дисциплине является кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии БГУ Н. В. Курилович. На базе БГУ функционирует Центр социологических и политических исследований (директор – профессор Д. Г. Ротман), занимающийся исследованиями в области социологии образования. Значимую роль в изучении проблем образования играют Институт социологии НАН Беларуси, Республиканский институт высшей школы, Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь и другие организации. В целом социологические исследования проблем образования в стране ведутся многими центрами, а публикации белорусских ученых в этой области охватывают большой спектр проблемно-тематических направлений, однако, как отмечают Л. Г. Титаренко и А. В. Рубанов, «по широте охвата

проблем и по уровню их осмысления и теоретического обобщения научных результатов белорусская социология образования пока несколько уступает российской социологии». [4, с. 183].

Приоритеты и основные проблемы белорусской и российской социологии образования во многом совпадают. В центре внимания современных социологов находятся вопросы системного кризиса образования, основным индикатором которого выступает низкий уровень качества и эффективности обучения в условиях усиливающейся коммерциализации и массовизации образования. При этом самое пристальное внимание отечественные специалисты уделяют кризисным явлениям в сфере высшего образования. Идеино-теоретическое пространство современных социологических исследований образования отличается многообразием тематических сфер, проблем и подходов. В целом отечественная социология образования активно развивается как практико-ориентированная и мультипарадигмальная отрасль социологической науки. Вместе с тем в настоящее время необходима разработка целостных и завершенных форм репрезентации данной отрасли.

Библиографические ссылки

1. Астафьев Я. У., Шубкин В. Н. Социология образования // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд. Ин-та социологии РАН, 1998. Гл. 13. С. 264–280.
2. Курилович, Н. В. Социология образования [Электронный ресурс] : пособие / Н. В. Курилович. Минск : БГУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Писаренко И. Я. Социология образования // Социологический словарь / сост.: А. Н. Елсуков, К. В. Шульга ; науч. ред.: Г. Н. Соколова, И. Я. Писаренко ; редкол.: Г. П. Давидюк (отв. ред.) [и др.]. Минск : Университетское, 1991. С. 419–421.
4. Титаренко Л. Г., Рубанов А. В. Социология образования в Беларуси // Зарубежная социология образования / под ред. А. М. Осипова ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2014. С. 175–188.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ОСНОВА ПРОЕКТА «УНИВЕРСИТЕТ 3.0»

С.Е. Андреев

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sergeyandreev0790@gmail.com*

Научный руководитель: Данилов А.Н., доктор социологических наук, профессор

В данной работе рассматривается понятие «предпринимательский университет» и его основные характеристик на основании анализа трансформации белорусских и

российских университетов, где наряду с образовательной и научной функциями, учреждения образования выполняют и коммерческую. В статье анализируются различные точки зрения по реализации проекта «Университет 3.0» на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: предпринимательский университет; высшее образование; проект «Университет 3.0»; концепция.

В современных условиях глобальной нестабильности, новых вызовов и перманентных кризисов получила развитие концепция интеллектуального предпринимательства, автором которой является Р. Червитц. Воплощением этой концепции рассматривается проект предпринимательского университета, который в настоящее время активно внедряется в работу постсоветских университетов.

В своей теории Р. Червитц отмечал, что создание материального богатства является лишь одним проявлением предпринимательства [4]. Предпринимательство может сводиться не только к бизнесу, но и быть процессом культурной инновации. Если рассматривать предпринимательство в таком положении, то, по мнению исследователя, увеличивается диапазон видов профессиональной деятельности, в которых может быть реализовано интеллектуальное предпринимательство. Некоторые исследователи, в частности Г.А. Мкртычян отмечает, что интеллектуальное предпринимательство может быть реализовано в академической деятельности [4].

При этом интеллектуальное предпринимательство характерно не только для академической деятельности, но и большой группы профессий. В качестве примера можно привести теорию креативного класса Р. Флориды. По мнению автора, креативный класс включает в себя технических специалистов, представителей науки, культуры, искусства, СМИ и др. [7, с. 9].

Нередко в современном образовании творчество играет основу для реализации многих образовательных целей. В своих работах П. Шульте, отмечает возросшую роль студентов в формировании предпринимательского университета, который сформировал для учреждения образования следующие задачи:

в результате обучения выпускники должны стать создателями рабочих мест;

предпринимательский университет намерен сформировать предпринимательское мышление обучающихся посредством внедрения новых дисциплин [6, с. 7].

Помимо того, что предпринимательский университет направлен на формирование профессиональных кадров и научно-технических

разработок, «Университет 3.0» имеет функцию воспитания в воспитании специалиста более инновационного типа, обладающего креативностью и определенными предпринимательскими компетенциями.

Однако развитие предпринимательского университета является не только преимущественно западным достижением. На сегодняшний день изучением предпринимательского университета занимается ряд отечественных исследователей. В данном случае стоит привести статьи О.В. Наримановой о перспективах развития проекта «Университет 3.0» на постсоветском пространстве, а также статьи Е.М. Бекоевой об интеграции рынка труда и рынка образовательных услуг для социально-экономического развития [1; 5].

По мнению О.В. Наримановой, одной из ведущих перспектив развития проекта «Университет 3.0» может стать развитие сетевых связей с бизнесом, что позволит выделить конкурентоспособные лаборатории для исследований, факультетов, кафедр определенных вузов [5].

При этом, несмотря на то, что предпринимательский университет находится на начальной стадии развития, его аналогом могут стать российские Университеты национальной технической инициативы, которые могут сформировать сетевые связи. В свою очередь, университеты национальной технической подготовки имеют задачи, тождественные предпринимательскому университету:

- выполнение фундаментальных и прикладных исследований;
- формирование инновационной инфраструктуры (центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы, технопарки и т.д.);
- подготовка кадров. [5].

По мнению Е.М. Бекоевой, для расширения современного рынка труда требуется комплексный подход, который позволит сформировать интегрированные схемы взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг с целью дальнейшего трудоустройства студентов.

Такой подход, в свою очередь, может позволить избежать проблемы, связанные со снижением трудового потенциала молодого поколения.

При этом исследователь считает, что существуют основные направления деятельности системы высшего образования в процессе интеграции рынка труда и рынка образовательных услуг:

- формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций обучающихся за счет увеличения их самостоятельной работы;

- переход роли преподавателя вуза из транслятора готовых знаний в тьютора;

- разработка и реализация инновационных технологий обучения;

усиление компетентностного подхода [1].

В условиях общества знания предпринимательский университет становится основой развития национальной экономики, образуя при этом новые отрасли индустрии, технологические рынки и экономические пространства.

Его особенность в том, что при его реализации следует учитывать как особенности национальной экономики и государственной политики, так и наличие студентов и преподавателей, которые обладают креативностью, профессионализмом и готовностью к рискам.

Однако для перехода к предпринимательскому университету учреждение образования должно обладать более высокими теоретическими знаниями и практическими навыками в экономической среде, т.к. лишь в этом случае университет сможет привлечь к участию многих представителей бизнес-сообществ для реализации инновационных проектов.

При этом в своей работе «Метафизика не умирает» В.В. Миронов считает, что от образования, прежде всего, хотят получить быструю отдачу за счет безудержного расширения сектора платного образования в целях получения финансовой прибыли. По мнению исследователя, для страны это тупиковый вариант, который неизбежно будет работать по законам рынка, а значит, развивать те сферы образования, которые оказываются рентабельными [3, с. 407]. Иными словами, коммерциализация образования переформатировала современный профиль нового поколения, ранжируя базовые ценности [2, с. 60]. В целом, каждый белорусский университет выполняет те задачи, которые актуальны для современного общества.

За последнее время большинство университетов в основном фокусируют внимание на реализацию проекта «Университет 3.0», однако активное внедрение предпринимательского университета может привести и к негативным последствиям: снижению развития культуры студентов и ухудшению научной деятельности в университетах.

Реализация проекта предпринимательского университета возможна в тех учреждениях образования, где это необходимо: на определенных факультетах, прикладных специальностях и т.д. Таким образом, эффективность реализации проекта «Университет 3.0» во многом зависит от потребностей университета и профиля, в котором он функционирует.

Библиографические ссылки

1. Бекоева М. И. Интеграция рынка труда и рынка образовательных услуг как условие устойчивого социально-экономического развития // Сетевой научный журнал

«Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». 2019. Т. 3. № 3 (26). URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=387>. (дата обращения: 17.09.2021).

2. Данилов А. Н. Метафизика Владимира Миронова и трансформация университетского образования. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. №2. С.58–63.

3. Миронов В.В. Метафизика не умирает. Избранные статьи, выступления и интервью. Москва: Прогресс; 2020. 488 с.

4. Мкртычян Г.А. Предпринимательский университет: концепция и диагностика культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.miniuniver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Vestnik/2014-12-4/Mkrtychyan.pdf. (дата обращения: 13.03.2021).

5. Нариманова О. В. Концепция «Университет 3.0»: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Сетевой научный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». 2019. Т. 7. № 2 (25). URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=377> (дата доступа: 19.01.2021).

6. Прохоров А. В. Предпринимательский университет: сущность и признаки // Вестник Тамбовского университета. 2016. №2. С. 5-10.

7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. Р. Флорида, А. Константинова. М.: Классика – XXI, 2007. 432 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГРОДНЕНСКОМ РЕГИОНЕ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

О.Н. Гаврилик

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Беларусь
gavrilik.oksana@yandex.ru*

В статье раскрыты особенности современного состояния социологического образования в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы. Особое внимание уделяется практикоориентированной подготовке и научно-исследовательской деятельности студентов. Представлены перспективные направления развития социологического образования.

Ключевые слова: социология; социологическое образование; практикоориентированное образование; предпринимательские компетенции.

Социологическое образование в Гродненском регионе развивается уже на протяжении почти двух десятилетий. В 2002 г. был осуществлен первый набор на специальность «Социология» в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, в 2006 г. – открыта кафедра социологии и специальных социологических дисциплин. Чтобы получить качественную социологическую информацию в различных регионах страны, в учреждениях, предприятиях, органах государственного управления, нужны профессионалы социологи. Да, таких специалистов

готовят в столичных университетах, однако подготовка компетентных социологов в областном центре является большим преимуществом. Они востребованы, мы обеспечиваем наших выпускников первым рабочим местом, заявки на их трудоустройство приходят со всех областей, в том числе из организаций города Минска. Например, специалисты, подготовленные в Купаловском университете, работают в Республиканском научно-практическом центре психического здоровья, Гродненском областном центре гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, местных исполнительных комитетах, исследовательских центрах, коммерческих компаниях.

В Гродно приезжают учиться абитуриенты со всех областей, университет выбирают для получения качественного социологического образования. Студенты получают опыт участия и организации социологических исследований с 1 курса. На каждом курсе студенты проходят практику, участвуют в работе Студенческой научно-исследовательской социологической лаборатории, которая по итогам работы за 2020 год заняла призовое III место в конкурсе студенческих научно-исследовательских лабораторий и научных кружков университета. Благодаря усилиям членов лаборатории реализуется ряд проектов на хоздоговорной основе. Также студенты являются участниками двух госбюджетных тем, закрепленных за кафедрой социологии и специальных социологических дисциплин: НИР в рамках БРФФИ-РФФИ «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ» и НИР в рамках ГПНИ «Предпринимательские компетенции студентов учреждений высшего образования и учащихся колледжей в условиях цифровизации общества: технологии формирования и методология изучения». Таким образом, к концу обучения у выпускников сформирован не только багаж знаний, но и ценный опыт практического применения своих навыков. Свои компетенции они демонстрируют на государственном экзамене, который проводится в проектной форме и предполагает защиту выполненного индивидуального практикоориентированного задания. Дипломированные специалисты, желающие углубить свои знания в социологии, могут продолжить обучение в магистратуре по специализации «Социология управления».

Еще одним показателем востребованности социологического образования является заинтересованность в нем субъектов международного образовательного пространства. В текущем году при кафедре социологии и специальных социологических дисциплин осуществляется обучение иностранных студентов на 1 курсе, а также в

магистратуре – 2 учебных группы. Это значит, что обеспечивается высокий уровень подготовки специалистов, наше образование ценится за рубежом, и в целом профессия социолога рассматривается как перспективная, общественно значимая и престижная.

С 2018 г. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы участвует в реализации экспериментального проекта «Совершенствование деятельности учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0». Одним из приоритетных направлений данного проекта является изучение вопросов инновационной, изобретательской и предпринимательской деятельности и совершенствование практико-ориентированного и научно-ориентированного обучения. Модель «Университет 3.0» предполагает активное вовлечение в научную и проектную деятельность студентов I и II ступеней получения высшего образования, в том числе, посредством участия в конкурсах студенческих бизнес-идей. Так, проводится ежегодный Открытый конкурс студенческих стартап-проектов «ИнНаСтарт», в котором принимают участие и студенты-социологи. Конкурсанты предлагают собственные инновационные способы разработки и производства новых товаров, технологий и услуг и имеют возможность их практической реализации на базе Научно-технологического парка университета.

Вынужденное использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе в 2020-2021 гг., проведение занятий в дистанционной форме имело противоречивые последствия, но вместе с тем заставило обратить больше внимания на методическое сопровождение учебного процесса. В числе последних нововведений – разработка и внедрение цифровых учебно-методических комплексов.

Кафедра открыта к сотрудничеству в различных формах. В 2020 году представители органов власти обратились в университет за помощью в изучении общественного мнения, организации диалоговых площадок, обсуждении самых острых и волнующих проблем и, что важно, совместном поиске их решений. На протяжении многих лет кафедра социологии и специальных социологических дисциплин занимается изучением социальных проблем региона, она заинтересована в сотрудничестве с организациями города Гродно и Гродненской области, а также других регионов и стремится его расширять. Проводятся социологические исследования для таких крупных предприятий, как ОАО «Гродно Азот». Неоднократно изучались потребности горожан в услугах общественного транспорта по заказу автобусного парка № 1 г. Гродно. Одно из приоритетных направлений – исследование монетарного

мышления населения, отношения к предпринимательской деятельности, формирования предпринимательских компетенций молодежи. Важной для населения остается проблема занятости. Почти треть безработных города Гродно (32 %) – лица старше 50 лет. Люди предпенсионного возраста особенно нуждаются в социальной защите. На кафедре реализуется международный проект, в рамках которого изучаются особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации. По результатам исследования, продолжают трудовые отношения в той же организации, что и до выхода на пенсию, и в той же должности 63,5 % пенсионеров. Основными причинами, по которым пенсионеры продолжают работать, выступают желание и необходимость иметь дополнительный доход, кроме пенсии, желание оставаться активным, быть полезным и передавать опыт молодым сотрудникам. В реальном секторе сохраняется востребованность и необходимость привлечения пенсионеров в трудовые отношения, главным образом по причине дефицита квалифицированных кадров. Несмотря на то, что основными причинами прекращения работы возрастными сотрудниками является автоматизация и цифровизация, люди пенсионного возраста остаются ценным человеческим ресурсом для предприятий и организаций, их компетенции, опыт, исполнительность и ответственность очень важны для нанимателя. Представленный исследовательский проект является ярким примером практикоориентированности научной работы сотрудников кафедры и тесного взаимодействия с предприятиями и организациями региона.

Социологическое образование должно развиваться в соответствии со временем, и даже опережая его. Среди перспектив можно отметить следующие: расширение сотрудничества с организациями, которые заинтересованы в проведении исследований, подготовке кадров; тесное взаимодействие с органами государственного управления; приглашение в университет практикующих специалистов, успешных профессионалов, ученых из других учреждений высшего образования, в том числе зарубежных; вовлечение студентов в научную деятельность, подготовка кадров высшей квалификации, нового поколения социологов-исследователей; реализация междисциплинарных проектов, сотрудничество со специалистами других профилей, что позволит социологам раскрыть свои возможности в полной мере; подготовка курсовых и дипломных проектов в соответствии с запросами реального сектора экономики; совершенствование учебно-методических материалов, которые помогут студентам ориентироваться в многообразии социологического знания; привлечение в магистратуру специалистов,

которые уже работают с анализом социальной информации, например, в местных исполнительных комитетах. Социологическая наука и социологическое образование являются перспективными и в глазах студентов, что они отметили в своих эссе: «социология будущего – это социология, которая будет руководить процессами развития современного общества, помогать ему идти в верном направлении», «эта наука всегда будет жива и в ней всегда будет нуждаться общество», «дно известно точно: социология не будет стоять на месте. Пока есть общество, есть и социология». Можно сделать вывод, что необходимо распространять в обществе понимание важности социологической науки, принципов получения достоверной социологической информации и углублять практику взаимодействия исследовательских центров с учреждениями и предприятиями регионов.

«ВИРТУАЛЬНАЯ АУДИТОРИЯ» В ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЯХ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. Кечина

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
sociology@bsu.by*

В статье рассматриваются основные методические принципы использования образовательного портала БГУ и дистанционной формы преподавания в процессе чтения лекций при подготовке студентов-социологов.

***Ключевые слова:** лекция; виртуальная аудитория; дистанционная форма обучения; образовательный портал.*

Развитие дистанционной формы обучения в высшей школе в настоящее время является необходимым как для повышения качества образования за счет использования широкого спектра информационных образовательных технологий, так и в силу изменившихся потребностей целевой студенческой аудитории в формах подачи учебного материала. В настоящее время возможности дистанционного обучения, пожалуй, наиболее часто используются для различного рода контрольных проверок знаний в виде тестов, самостоятельных заданий и пр. По нашему мнению, организация дистанционного обучения весьма актуальна и для лекционных занятий. Время, когда студенты тратили большую часть лекционного занятия на механическую запись текстов в конспекты остается в прошлом. Молодые люди, используя различные гаджеты для получения информации практически круглосуточно, ориентированы на новые информационные

технологии, включающие и инновационные методики лекционного процесса в университете, базирующиеся на образовательных платформах, которые позволяют вести обучение дистанционно. Также использование дистанционной формы лекционных занятий, безусловно, связано со спецификой содержания читаемых курсов.

Автором разработаны и внедрены в учебный процесс дистанционные лекционные курсы по дисциплинам «Социально-экономическая статистика» и «Демография» для студентов специальности «Социология» первой ступени обучения, «Взаимодействие социологии и статистики» и «Демографическая безопасность» для магистрантов. Лекции ведутся на образовательном портале БГУ eduffsn.bsu.by в форме «виртуальной аудитории». Качественное освоение этих учебных курсов требует не только изучения основных понятий и теоретических концепций, но и работы с большим объемом эмпирических данных, необходимых для понимания собственно сути изучаемой дисциплины.

«Виртуальная аудитория» при этом подразумевает не просто наличие физической дистанции между преподавателем и студентом, когда они находятся не в одной учебной аудитории, а наличие целого комплекса учебно-методических приемов, основанных на сочетании следующих принципов:

- индивидуализации восприятия лекции студентом, обусловленного наличием индивидуального компьютеризированного рабочего места студента с доступом в Интернет;

- интерактивности коммуникации студента и преподавателя в процессе лекционного занятия;

- включения изучения широкого спектра информационных ресурсов в структуру лекционного занятия;

- повышение уровня контроля за качеством усвоения студентом материалов лекции.

Рассмотрим эту специфику на конкретном примере лекционного курса «Социально-экономическая статистика». Этот курс должен обязательно сопровождаться изучением статистических данных в рамках национальной системы статистической информации. Без «живого общения» со статистикой в процессе лекции студенту просто трудно понять, какое практическое воплощение имеют изучаемые теоретические вопросы по данному курсу. Как показывает практика, изложение только теоретических материалов на лекции без одновременного знакомства с реальными системами статистических данных значительно усложняет понимание студентами лекционного материала и влияет и на интерес к предмету, и на понимание самих теоретических материалов.

В настоящее время широкий спектр статистических данных доступен на интернет-портале Национального статистического комитета Республики Беларусь. Изучение статистических данных на указанном портале наиболее эффективно проходит не в аудитории, где преподаватель имеет в своем распоряжении только экран для презентаций или интерактивную доску, а при наличии индивидуального рабочего места студента, а именно, ноутбука, на котором он слушает лекцию и одновременно под руководством лектора знакомится с необходимым спектром эмпирических данных. В аудитории существуют, во-первых, чисто физические барьеры – наиболее хорошо видят статистические таблицы на экране только те, кто сидит в первых рядах. Сидящие дальше видят экран значительно хуже, особенно, если имеют проблемы со зрением. Во-вторых, в аудитории рассмотрение информационных материалов происходит со стороны студента пассивно – он просто следит за действиями преподавателя (например, смена таблиц, указание на числа и т.д.). Индивидуальная работа во время лекции в «виртуальной аудитории», при этом сопровождаемая постоянной связью с лектором для вопросов и пояснений, самостоятельное изучение информационных материалов, напротив, обеспечивают высокий уровень интерактивности лекционного занятия, создавая возможности для максимальной включенности студента в тематическое поле лекционного занятия. Студент в процессе лекции под контролем преподавателя и в диалоге с преподавателем самостоятельно осуществляет поиск статистических данных по различным источникам в Интернете, знакомится с национальными и международными базами данных статистической информации. Некоторые элементы лекционной работы в принципе невозможно произвести в аудитории при традиционной форме лекции. Так, для данного курса очень важно ознакомление с интерактивными статистическими базами данных, предоставляемых органами государственной статистики на сайте Белстата в свободный доступ для индивидуальных пользователей.

Очевидным преимуществом дистанционной формы лекции, помимо интерактивности и индивидуального подхода, является высокий уровень информационно-методического обеспечения лекции. Если при традиционной начитке лекции после нее у студента остается, в лучшем случае, написанный от руки конспект, то дистанционная форма не предполагает такого конспектирования непосредственно в ходе лекции. Отметим, что очень важным является то, что при чтении лекций в «виртуальной аудитории» преподаватель должен предоставлять в распоряжение студентов видеопрезентации или видеозаписи своих лекций, которые находятся в постоянном доступе для студентов в период изучения

курса. Это избавляет студентов от непродуктивной потери времени в виде записи лекции под диктовку в ходе лекционного занятия, а также дает возможность вернуться к материалам лекции в максимальном объеме в процессе дальнейшего освоения курса в ходе самостоятельной подготовки и семинарских занятий. В то же время это не исключает возможности формирования конспекта в свободном режиме, в удобное для студента время. Также в доступе остаются все информационные ресурсы, которые использовались непосредственно в ходе лекции, их можно более глубоко изучить после лекции, как в ходе повторения ее материалов, так и воспользоваться ими при подготовке к семинарам.

Таким образом, после лекции в «виртуальной аудитории» студент имеет в своем распоряжении целый комплекс лекционных материалов: видеолекции или видеопрезентации с изложением теоретических материалов лекции, тематические информационные материалы, в том числе научные и методические (например, документы по методикам расчета статистических показателей на сайте Белстата) публикации по изучаемым темам. Особо следует отметить необходимость подготовки преподавателем качественных видеоматериалов лекции, с обязательным голосовым сопровождением лекционных материалов. То есть недостаточно формально «вывесить» текст лекции, это должны быть именно лекции с «живым» участием самого лектора, излагающего основные моменты лекции с фокусом на наиболее значимых ее аспектах. Такой подход, как показывает практика, весьма позитивно воспринимается студентами, усиливая интерес к содержанию лекции, улучшая возможности понимания и запоминания лекционного материала. При этом допустимы две формы видеолекции – как запись реально проведенной лекции с присутствующей аудиторией, так и более краткая видеопрезентация, которую сопровождает голос одного лектора.

Хороший результат дает также знакомство на лекции не только с массивами эмпирических данных, но и с научными публикациями. Например, при изучении темы «История статистики» прямо во время лекции студенты знакомятся с оригиналами научных работ 18-19 веков, ныне размещенными в научных электронных библиотеках. Это уникальная возможность буквально «полистать» и обсудить те книги, которые либо вообще недоступны в библиотеках, либо имеются в их каталогах в единичных экземплярах в залах редкой книги. Такой подход стимулирует и научную работу студентов, которые с интересом читают эти издания уже во внеучебное время, после лекций, имея к этим публикациям доступ на обучающем портале в разделе лекционного курса.

«Виртуальная аудитория» также дает возможность контроля усвояемости материалов лекции студентами через соответствующие функции образовательного портала, что в принципе невозможно в аудитории. Так, в читаемых автором лекционных курсах по окончании каждой темы или тематического блока студентам в конце занятия предлагается пройти тест по только что изученному материалу, в том числе и для самооценки своих знаний. Обсуждение и анализ результатов такого теста, в свою очередь, дает обратную для преподавателя для понимания того, как усваивается материал, какие аспекты изученной темы вызывали затруднения, какие воспринимались легко и т.д., что, в свою очередь, может быть использовано им в последующем для улучшения качества лекции.

Таким образом, проведение лекций в «виртуальной аудитории», несомненно, является весьма актуальной в плане повышения качества преподавания лекционных курсов формой обучения студентов. «Виртуальная аудитория», рассматриваемая как комплекс непосредственно лекционного занятия и широкого спектра учебно-методических материалов лекции является весьма перспективной формой лекционного занятия и требует дальнейшего теоретического осмысления и практической апробации.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ КАК «БИЛЕТ В БУДУЩЕЕ»

М.В. Конон, А.Д. Ганаков

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
melaniakonon@yandex.ru, ganakov.andrey@yandex.by*

Научный руководитель: Филинская Л.В., кандидат философских наук, доцент

В статье рассматриваются результаты опроса студентов-социологов первого курса ФФСН. Анализируется информация о том, чем руководствуются абитуриенты при выборе специальности.

Ключевые слова: абитуриенты; социология; самоопределение; профессия.

Выбор профессии – это шаг, который определяет взрослую жизнь каждого человека. Кто-то задумывается о будущей сфере деятельности уже в 7-8 классе, кто-то начинает размышлять только в 11 классе. Какие требования обычно предъявляют к работе выпускники школ, гимназий, лицеев? Работа должна быть интересной, высокооплачиваемой, высоко статусной, востребованной на рынке труда, с удобным режимом, с большим отпуском. Кто-то, возможно, думает о работе ответственной, где

можно проявить инициативу. Вопросы о том, какую профессию выбрать и как строить карьеру, будут актуальны всегда.

Мир профессий постоянно меняется. Подготовка профессиональных социологов в Республике Беларусь начинается с 1974/1975 учебного года, когда на философском отделении исторического факультета БГУ по инициативе профессора Г.П. Давидюка открывается специализация по прикладной социологии. В 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов этого профиля. В 1989 г. в БГУ открывается отделение социологии [1, с. 4–12]. В настоящее время социологов готовят в Белорусском государственном университете, Гродненском государственном университете, Белорусском государственном экономическом университете, Могилевском государственном университете. Сегодняшние студенты-первокурсники пока еще не совсем четко осознают, что их ждет через четыре года учебы. Опыт выбора специальности «социология» студентами 1 курса БГУ будет полезен для будущих абитуриентов.

Среди студентов первого курса специальности социология был проведён опрос, цель которого – получить актуальную для абитуриентов информацию о факультете философии и социальных наук, о кафедре социологии. Будущие социологи отвечали на вопрос «Почему Вы выбрали социологию?». В исследовании приняли участие 16 человек. Ответы первокурсников были разделены на четыре группы.

Первая группа – «учёные». Это 9 человек из 16, которые выбрали социологию потому, что захотели изучать, исследовать и анализировать общество во всех его сферах.

«... Социология изучает общество, процессы в нём и мне всегда это было интересно...»

Надеемся, что в недалёком будущем первокурсники реализуют свой потенциал в научных работах и практиках, открывая новые возможности социологического исследования.

Вторая группа – «прагматики» (3 человека), которые выбрали специальность с учётом перспектив в будущем.

«Я выбрал(а) социологию, потому что считаю её наукой будущего и изучение её поможет мне найти своё место в будущем»

Учитывая то, что социология действительно является довольно перспективной наукой, можно не сомневаться и следовать примеру респондентов данной группы.

Третья группа – «колеблющийся» или первокурсник, который передумал в последний момент в пользу социологии.

«Я выбрал(а), потому что я хотел(а) пойти на отделение «социальной коммуникации», но в самый последний день передумала, решил(а), что не пройду, и пошла на социологию»

Будем надеяться, что, будучи студентом отделения «социология», первокурсник не разочаруется и станет отличным специалистом.

Четвёртая группа – «перебежчики» (3 человека). Не набрав нужного количества баллов на другую специальность, решил(а) не упускать возможности учиться на факультете философии и социальных наук и выбрал(а) социологию.

«Выбрал(а) социологию, в связи с тем, что не прошел(а) на специальность «социальная коммуникация» ФФСН».

Нам представляется, что социология – востребованная специальность и привлекает абитуриентов своими перспективами в будущем, многогранностью изучения общества.

Для более углубленного понимания причин выбора будущей профессии следует задать эти же вопросы студентам через 4 года и сравнить полученные ответы. Так мы сможем получить более точную картину особенностей профессионального самоопределения молодежи.

Библиографические ссылки

1. Данилов А.Н. Vivat universitas! 100 институционализации социологии в Белорусском государственном университете // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. №3. С. 4-12.

ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ У СТУДЕНТОВ НЕПРОФИЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Д.С. Красковская

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
8069748@mail.ru*

В статье описаны проблемы преподавания социологии непрофильным специальностям, перечислены проблемы, с которыми сталкиваются студенты-несоциологи, уделяется внимание такой проблеме как социологическая безграмотность. Даны рекомендации по повышению престижа социологии среди студентов.

Ключевые слова: социология; социологическая безграмотность; несоциолог; студенты; социальные процессы; профильные/непрофильные дисциплины.

Одной из проблем высшего образования является проблема преподавания в вузах различных непрофильных дисциплин. Принято

уделять больше внимания профильным дисциплинам, а непрофильным, как правило, уделяется намного меньше, считается, что они не имеют такого значительного влияния на будущего специалиста, нежели профессиональные дисциплины. Да, изначально система высшего образования была направлена именно на обучение специфическим навыкам, самостоятельное освоение которых было затруднительно, а студентам хватало профильных дисциплин. Но сегодня одной из главных задач в системе высшего образования является воспитание мыслящих творчески специалистов, которые бы обладали высоким творческим потенциалом. Эта задача актуальна потому, что на данный момент в мире постоянно возрастает цена технологий, оборудования, сырья, ухудшается экологическая обстановка, в результате чего возникают глобальные социальные проблемы в обществе. Чтобы решить эти проблемы требуется создать новую технологическую волну, новые знания и идеи, новые способы постоянного обновления знаний и нового мышления.

Сегодня мы говорим, что высшее образование создает условия для раскрытия и развития индивидуальности, творческих возможностей, развивает целостное миропонимание, все виды мышления, развивает способности к решению проблем, способности к самостоятельным исследованиям и к самопознанию. Но все это возможно только при междисциплинарном обучении.

Что касается социологии, то на сегодняшний день она преподается абсолютно в любом вузе нашей страны. Как непрофильная дисциплина, социология имеет свои особенности.

Нужно отметить, что самой большой проблемой является социологическая безграмотность в принципе всего нашего общества. Никто толком не понимает, чем занимается социология, а соответственно не понимает значимости данной дисциплины в повседневной жизни. Крайне мало уделяется внимания популяризации социологии как науки, а также ознакомления населения с исследованиями, которые проводятся в рамках нашей страны, и их результатами.

Студенты здесь не исключение. Они относятся к данной дисциплине как к балласту, который можно было бы заменить чем-то более полезным для них, например профильной дисциплиной. После окончания вуза уже специалисты с высшим образованием не могут объяснить, зачем им нужна была социология в вузе и не помнят, о чем вообще был курс. Зачастую ситуацию усугубляет способ подачи преподавателями данной дисциплины.

Во-первых, зачастую социология для непрофильных специальностей преподается также как и для профильных, не учитывая особенности другой целевой аудитории.

Во-вторых, в чтении социологии для непрофильных специальностей нередко используется слишком теоретизированный материал – подходы, теории, парадигмы, социальные институты, «социальные роли» и т.д. Много внимания уделяется теории и истории дисциплины и мало – практическому применению и полезности социологии в обыденной жизни для каждого индивида и для общества в целом. Таким образом, у студентов создается впечатление, что социология изучает некое абстрактное, несуществующее общество. К отечественным социологам, которыми были рассмотрены практикоориентированные подходы к преподаванию социологии, можно отнести А.Н. Елсукова (Методика преподавания социологии в высшей школе), К.М. Оганяна (Прикладные методики в преподавании социологии и их роль в формировании компетенций), А.В. Ткаченко (Методика преподавания социологии).

В-третьих, часто в непрофильных вузах к социологии относятся очень поверхностно, считая, что социологию может преподавать не специалист, что, естественно, усугубляет уже существующие проблемы.

Главное же для нас, как для социологов, объяснить, зачем социология нужна несоциологу, важно дать ему конкретную картину общества. Не приобретая должной информации в вузе, уже существующая социологическая безграмотность ухудшается еще сильнее, различные специалисты с высшим образованием абсолютно не понимают процессов и явлений, происходящих в обществе. А ведь социология – это не абстрактная наука, а конкретная и точная. Нужно дать понять несоциологам, что социология дает знание о той реальности, с которой мы сталкиваемся каждый день. Например, она может подсказать человеку, как он себя должен вести в определенной социальной ситуации, если хочет достичь определенных целей, почему происходят те или иные социальные процессы, являются ли они неизбежными, как к ним приспособливаться или, напротив, противостоять, каковы перспективы тех или иных ценностных систем в конкретных обществах и т.п. [1].

Пробудить интерес студентов к социологии можно на основе подхода, ориентирующего на практическое применение социологических знаний в качестве инструментария в повседневной жизни. Изменить в учебных программах количество материала в теоретической и практической части дисциплины в сторону увеличения последней, уделять больше внимания применению социологии к повседневной жизни. Кроме того, можно включать студентов непосредственно в процесс участия социологического

исследования, причем не только в опросы, но и в фокус-группы, интервью и даже в социальные эксперименты.

Среди основных целей преподавания социологии автором видится формирование и развитие личности студентов, развитие их собственных социально-значимых качеств на основе возникновения в результате изучения социологии новых потребностей самопознания и самосовершенствования собственного поведения, детализация понимания и оценки происходящих на макро- и микросоциальных взаимодействиях, роста умений выявлять перспективы личностного продвижения в сложившихся социальных условиях. Социология как дисциплина вполне способна реализовать не только образовательные, но и воспитательные задачи, например, компенсировать проблемы семейного воспитания и заложить основы просвещенной гражданской позиции будущих специалистов с высшим образованием.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИИ 4.0

Т.В. Купчинова

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
Kupchinova@yandex.ru*

В статье обсуждается проблема формирования новых компетенций работников для Индустрии 4.0. Делается акцент на необходимости изменения формата и содержания образования, актуальности междисциплинарных знаний. Отмечается, что владение информационными технологиями, наличие коммуникативных навыков, умение работать с информацией являются базовыми компетенциями актуальными для всех профессиональных направлений.

Ключевые слова: *цифровизация; цифровые компетенции; цифровые технологии; четвертая промышленная революция; Индустрия 4.0; образование.*

Индустрия 4.0 (четвертая промышленная революция) – новый этап в развитии человечества, связанный с глубоким проникновением цифровых технологий во все сферы общества. Цифровые технологии (англ. Digital technology) основаны на представлении сигналов дискретными полосами аналоговых уровней, а не в виде непрерывного спектра. За последний год, по данным представленным в отчете Digital 2021 [1], технологии стали еще более важной частью жизни людей: наблюдается рост использования

мобильного трафика, социальных сетей, электронной коммерции, потокового контента, видеоигр и т.д.

Развитие Индустрии 4.0 приведет к устранению низкоквалифицированных рабочих мест за счет автоматизации производства, использования цифровых продуктов. Эта трансформация потребует значительных изменений в организационных структурах, механизмах лидерства, корпоративной культуре, навыках персонала, образовании в целом.

Цифровая трансформация общества приведет к появлению множества новых кросс-функциональных ролей, для выполнения которых работникам потребуются междисциплинарные знания. В этой связи, система образования должна отвечать новым требованиям и вызовам рынка, предоставляя более широкий набор навыков и возможностей для работы. Очевидно, что в настоящее время актуальной является модель непрерывного образования. Питер Фиск (2017) определяет новое видение будущего образования как «Образование 4.0» в более широком контексте [2]:

образование должно отвечать потребностям Индустрии 4.0, в которой объединение человека и машины предоставляет новые возможности;

использование потенциала цифровых технологий, персонализированных данных, контента с открытым исходным кодом;

предполагает план будущего обучения – обучение на протяжении всей жизни – от обучения в детстве до непрерывного обучения на рабочем месте.

Новая модель образования предполагает и формирование компетенций, отвечающих потребностям Индустрии 4.0.

Цифровые компетенции (англ. digital competences) – способность уверенного, критического, ответственного использования цифровых технологий для работы, отдыха, коммуникации, решения как личных, так и профессиональных задач.

Основу цифровых компетенций составляют базовые навыки в пяти основных областях [3]:

Информация, информационная грамотность и обработка данных: находить, извлекать, хранить, передавать, систематизировать и анализировать цифровую информацию, критически оценивать ее содержание, назначение и актуальность.

Коммуникация и коллаборация: коммуникация в цифровой среде, обмен онлайн-ресурсами, установление контакта и коллаборация с другими людьми с помощью цифровых инструментов, взаимодействие и участие в сетевых сообществах; межкультурная компетентность.

Создание цифрового контента: создание нового контента разных видов (информационный, развлекательный, продающий) и форматов (текст, изображение, аудио, видео), создание мультимедийного контента, редактирование существующего контента, знание основ интеллектуальной собственности.

Безопасность: защита персональных данных, защита данных и цифровая идентификация, знание основ компьютерной безопасности при использовании Интернет.

Решение проблем различного уровня: определение цифровых потребностей и ресурсов, принятие решения о выборе цифровых инструментов в соответствии с потребностями или целью использования, решение концептуальных и технических проблем с помощью цифровых средств, творческое использование технологий и др..

Питер Фиск отмечает ряд характеристик, которые составят основу модели образования будущего [4]:

Отсутствие привязки к месту и времени обучения. Инструменты электронного обучения открывают возможности для дистанционного самостоятельного обучения.

Индивидуальное обучение. Студенты будут учиться с помощью учебных инструментов, которые адаптируются к возможностям студента. Это означает, что при достижении определенного уровня студент сможет перейти к решению более сложных задач.

Свобода выбора. Студенты смогут учиться с помощью разных устройств, разных программ и методов в зависимости от своих предпочтений.

Проектное обучение. Ориентация на проектное обучение предполагает, что студенты должны научиться применять свои знания навыки в определенные сроки и в различных ситуациях.

Полевой опыт. Поскольку технологии могут способствовать повышению эффективности в определенных областях, учебные программы будут направлены на формирование навыков, которые требуют личного взаимодействия. Учебные программы должны быть практико-ориентированными.

Интерпретация данных. Для статистического анализа данных, построения прогнозных моделей существуют различные пакеты прикладных программ. Вопрос перевода данных в информацию предполагает проведение процедуры интерпретации. Применение теоретических знаний к числам, использование рассуждений для построения выводов, объяснения тенденций станет одним из фундаментальных аспектов цифровой грамотности.

Изменится формат экзаменов. Поскольку платформы учебных программ будут оценивать способности студентов на каждом этапе, оценка их компетенций с помощью вопросов и ответов может стать неактуальной или недостаточной. Поскольку фактические знания студента можно измерить в процессе обучения, применение их знаний лучше всего проверять, когда они работают над проектами в какой-либо области.

Участие студентов в создании учебных программ. Поддерживать современный, актуальный и полезный учебный план реально только тогда, когда в нем участвуют как профессионалы, так и те, для кого разрабатываются программы.

Повышение роли наставничества. Преподаватель должен стать центральным звеном в потоке информации. Он должен направлять студента, способствовать его личностному и профессиональному росту.

Индустрия 4.0 предъявляет новые требования к рабочей силе. Сегодня очевидно, что главный акцент смещается в сторону междисциплинарных знаний, ключевыми из которых являются компетенции в области информационных технологий, интерпретации данных и коммуникации. В связи с этим университеты должны сосредоточиться на адаптации своих учебных программ, чтобы соответствовать ожиданиям компаний в отношении навыков Индустрии 4.0.

Библиографические ссылки

1. Digital 2021: global overview report. [Electronic resource]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (date of access: 19.09.2021).

2. Fisk P. Education 4.0. [Electronic resource]. URL: <http://www.thegeniusworks.com/2017/01/future-education-young-everyone-taught-together/> (date of access: 19.10. 2021).

3. Vuorikari, R., Punie, Y., Carretero Gomez S., Van den Brande, G. DigComp 2.0: The Digital Competence Framework for Citizens. Update Phase 1: the Conceptual Reference Model. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/303960042_DigComp_20_The_Digital_Competence_Framework_for_Citizens_Update_Phase_1_the_Conceptual_Reference_Model (date of access: 30.10. 2021).

4. Fisk P. Education 4.0. [Electronic resource]. URL: <http://www.thegeniusworks.com/2017/01/future-education-young-everyone-taught-together/> (date of access: 19.10. 2021).

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

С.Н. Лихачева

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
Ул. Космонавтов, 1, 212022, Могилев, Беларусь
kaf_pc@msu.by*

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы роли преподавания социально-гуманитарных дисциплин в белорусских учреждениях высшего образования в условиях значительного сокращения их количества и учебных часов на преподавание.

Ключевые слова: *социально-гуманитарные дисциплины; гуманитарная среда вуза; компетенции специалиста.*

Современная система высшего образования играет ключевую роль в профессиональной подготовке и воспитании значительной части молодежи. По данным статистики студентами в 2020 году являлось 254 426 человек [1]. Ежегодно выпускается около 70 тыс. молодых специалистов. Успешность молодежи на рынке труда зависит не только от профессиональных компетенций, но и личностных, в том числе общей культуры будущего специалиста, а в перспективе, возможно, управленца. Выпускникам учреждений высшего образования предстоит взять на себя ответственные функции в различных сферах экономики, общественно-политической и культурной жизни. Из их среды вырастают государственные и общественные деятели, ученые, педагоги, руководители трудовых коллективов. Особую значимость в настоящее время приобретают социально-политические знания, поскольку в большом разнообразии доступных источников информации сложно составить истинное представление о происходящих событиях, люди могут быть дезориентированы о прошлом, настоящем и будущем своей страны.

Важную роль гуманитарные дисциплины играют в формировании нравственных представлений и качеств студентов, что обусловлено характером самих знаний, содержащихся в соответствующих науках. Широкая сфера действия морали, присутствие и важная роль нравственных регуляторов во всех видах человеческой деятельности и отношений делают ее объектом отражения всех дисциплин мировоззренческого цикла. Каждая из социально-гуманитарных наук прямо или косвенно фиксирует и воспроизводит мораль в своих научно-теоретических построениях, изучает духовно-нравственные явления, в том числе патриотизм, гуманизм, и как особый аспект действительности, и как особую сферу или подструктуру общественного и индивидуального сознания. Исследователи рассматривают как особый феномен гуманитарную среду вуза «как совокупность элементов, воздействующих на процесс гуманитарного образования и характеризующихся гуманистической направленностью, включая материальный и духовный компоненты социокультурной сферы» [2, с. 93]. По мнению Ю. Хабермаса «университеты перестают существовать в тот момент, когда общение в них вырождается в то, что сегодня называют исследованиями, а преподавание сводится к инструктированию, которое займет собой все время студента; когда

студенты будут приходить в университет без понимания целей общения в нем, руководствуясь лишь желанием приобрести квалификацию для заработка или получить удостоверение, позволяющее им эксплуатировать этот мир» [3, с. 16].

Функционирующая в вузах система социально-гуманитарной подготовки претерпела в последнее десятилетие существенные изменения в содержательном и организационном аспектах. И если первый постоянно обновляется по вполне естественным причинам, так как общественное развитие на месте не стоит и его изучение также постоянно меняется, то второй был вызван переходом с 5 лет на 4 года обучения на первой ступени высшего образования, который произошел в первую очередь за счет сокращения социально-гуманитарных дисциплин.

Изменения в преподавании дисциплин социально-гуманитарного блока были осуществлены на основе Концепции оптимизации содержания, структуры и объёма социально-гуманитарных дисциплин и новых типовых учебных программ по обязательным модулям: политология, экономика, история, философия. Текущее состояние преподавания рассматриваемых дисциплин, а также возможности его улучшения было изучено при проведении социологического исследования в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова среди студентов вторых и третьих курсов всех факультетов. Наряду с собственными вопросами в анкету были включена часть вопросов Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета, рекомендованные для использования в проведении мониторингов. Измерение удовлетворенности социально-гуманитарной подготовкой оценивалась по разным параметрам. Можно условно их разделить на три группы: 1) организационные вопросы; 2) обеспеченность учебного процесса; 3) работа преподавателей.

Концепция оптимизации внесла существенные изменения в организацию преподавания социально-гуманитарных дисциплин: модульная форма, возможность выбирать специализированные модули, значительное сокращение аудиторных часов, сдача экзамена несколькими преподавателям и др. (см. таблицу 1).

В целом у студентов преобладают позитивные оценки организации преподавания дисциплин социально-гуманитарного блока, но примерно каждого третьего не устраивает возможность выбора специализированных модулей, также многих не устраивает соотношение лекционных и практических занятий.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы следующими сторонами социально-гуманитарной подготовки?», %

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Соотношением лекционных и практических занятий	30,4	36,2	19,8	9,7	3,9
Формами и методами проведения занятий	26,1	54,6	11,1	4,3	3,9
Формами контроля и оценки знаний	26,6	46,9	16,4	5,8	4,3
Организацией самостоятельной работы	30	40,6	14	5,3	10,2
Возможностью выбора специализированных модулей с учетом интересов студентов	27,5	30,4	15,5	15,9	10,6

Изменение преподавания социально-гуманитарных дисциплин, сокращение их объема предполагает другие подходы к их учебно-методическому обеспечению, в том числе с использованием информационно-компьютерных технологий (см. таблице 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы следующими сторонами социально-гуманитарной подготовки?», %

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Уровнем применения информационно-компьютерных технологий	25,1	44,9	16,4	10,1	3,4
Качеством учебной литературы	21,7	44	21,3	5,3	7,7

Студенты преимущественно положительно оценивают рассматриваемые аспекты обеспеченности учебного процесса, однако при этом можно отметить, что примерно каждый четвертый ими не удовлетворен, особенно уровнем применения информационно-компьютерных технологий.

Взаимодействие с преподавателями социально-гуманитарного цикла в рамках учебного процесса выполняет не только обучающую, познавательную функцию, но и мировоззренческую, воспитательную, влияет на формирование компетенций специалиста. Поэтому важно

выяснить отношение студентов к преподавателям-гуманитариям (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы следующими сторонами социально-гуманитарной подготовки?», %

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Профессиональным уровнем преподавательского состава	39,1	47,8	7,2	3,9	1,9
Требовательностью преподавателей	37,7	43,5	7,7	8,2	2,9
Взаимоотношением преподавателей и студентов	42	41,1	7,7	4,3	4,8

Большинство студентов устраивает профессионализм преподавательского состава, уровень требований преподавателей, также можно сделать вывод о том, что преподавателям в основном удастся наладить нормальные взаимоотношения со студентами.

Достаточно бурно в ходе внедрения Концепции оптимизации обсуждался вопрос о необходимости самих социально-гуманитарных дисциплин, их объема, перечня и т. д. Мнение студентов по поводу полезности изучения социально-гуманитарных дисциплин для освоения будущей специальности сложилось следующим образом: удовлетворены – 26,6%, скорее удовлетворены – 39,6%, скорее не удовлетворены – 19,8%, не удовлетворены – 7,2%, затруднились ответить – 6,8%. Таким образом примерно каждый четвертый студент не видит в таких дисциплинах значимости для себя, поэтому и отношение к их изучению будет соответствующее.

В исследовании предполагалось выяснить какие качества, навыки по мнению студентов могут сформировать социально-гуманитарные дисциплины (см. таблицу 4).

Студенты отмечают, что в первую очередь изучение социально-гуманитарных дисциплин - это повышение общекультурного уровня, развитие коммуникативных навыков, воспитание нравственности, формирование гражданских и патриотических качеств. В меньшей степени социально-гуманитарный блок, по мнению студентов, формирует, условно говоря, инструментальные качества: организаторские способности, умение определять цели и задачи деятельности, самому принимать решения и т. д.

Право на выбор специализированного модуля в основном реализуется: студенты писали, что выбирали самостоятельно, выбирали группой, была

возможность выбора, по желанию, добровольно, решали коллективно и т. д. Вместе с этим немало ответов: выбора не было, поставили перед фактом, жеребьёвкой, поделили преподаватели, поделили в деканате, сказали заполнить бланки принудительно и т. д. (около 22,5%). Среди мотивов выбора того или иного специализированного модуля преобладают два основных: интерес к предмету и полезность для будущей специальности, значительно меньше студентов руководствовались адекватностью преподавателя, литературой по модулю, советом преподавателя или товарища и др. Через открытый вопрос студентов также попросили высказаться по поводу форм текущей аттестации, здесь мнения разделились: одних все устраивает, но примерно 15% указали, что модуль сдавать сложнее, чем обычный экзамен, т. к. фактически 2-3 предмета, мало семинарских занятий, стоит оценивать каждый предмет в рамках модуля отдельно, заменить экзамен на зачет.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос о качествах, формированию которых способствует изучение социально-гуманитарных дисциплин, %

	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет
Формированию гражданских и патриотических качеств	39,1	41,1	18,3	1,5
Повышению общего культурного уровня	63,7	30,4	4,9	1,0
Воспитанию нравственности	40,2	45,6	11,3	2,9
Формированию организаторских способностей	22,3	38,1	32,2	7,4
Умению определять цели и задачи своей деятельности	27,9	45,6	18,6	7,8
Умению и навыкам самому принимать решения	33,8	34,8	20,6	10,8
Развитию творческого мышления	37,4	36,9	18,2	7,4
Формированию навыков сбора, анализа и обобщения информации	38,1	46,5	10,4	5,0
Владению коммуникативными навыками	52,0	34,3	9,3	4,4

В завершении исследования студентам было предложено высказаться по поводу совершенствования изучения социально-гуманитарных дисциплин. Студенты сделали много пожеланий, в частности, побольше практических занятий, наглядности, современных технологий, предложение на выбор более 2-х дисциплин в специализированных модулях, приближать специализированные модули к специальности, больше примеров из жизни, материал преподносить в доступной форме,

сделать бесплатную электронную библиотеку, сделать более свободным выбор, уменьшить количество часов.

Современная ситуация ориентирует вузы на формирование специалистов, способных работать с разными типами мышления. Предполагается приобретение студентами умения выделять и оценивать актуальную информацию, логичного потенциала и системного мышления. Все это требует создания в стенах вузов особой информационной среды гуманитарной направленности. Университеты должны быть более открытой системой в отношении как обучающихся, так и внешней среды, не только как влияющего извне фактора, но и компонента самой системы, влияющего на содержание, в том числе и общественных дисциплин. Гуманитарные науки – не единственный способ накопления и передачи знаний и опыта от предыдущих поколений к последующим. Молодые люди приходят в вуз достаточно сформировавшимися в социальном отношении под воздействием семьи, школы, средств массовой коммуникации и продолжают пополнять, переосмысливать и изменять свои взгляды и убеждения. В отличие от других источников информации социально-гуманитарные науки содержат и передают опыт общества в научно обобщенном, систематизированном виде в процессе методически продуманного, планомерно организованного и продолжающегося весь период обучения в вузе.

Библиографические ссылки

1. Белорусское образование в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <https://studyinby.com/education-in-belarus/belarusian-education-in-figures/> (дата обращения: 26.10.2021).
2. Мартынова Е. А. Гуманитарная среда вуза как условие формирования культурной компетенции выпускника // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 92-95.
3. Хабермас Ю. Идея университета. Процессы образования // Alma mater. 1994. № 4. С. 9-17.
4. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования: Приказ Министра образования Республики Беларусь от 22.03.2012 № 194 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uoipd.by/files/files/fakultet-ekonomiki-i-biznesa/normativy-i-standarty/doc-min-obr/Konceptija-optimizacii-cikla-SGD.pdf> (дата обращения: 22.10.2021).

ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

И.В. Миронцов

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Ул. Московская, 17, 220007, Минск, Беларусь
mironov@gmail.com*

В статье предлагается к обсуждению подход, в рамках которого высшее образование рассматривается как услуга, предоставляемая университетами студентам. По этой причине обосновывается необходимость проведения социологических исследований, направленных на получение обратной связи от обучающихся, приводится пример подобного рода исследования и описание его результатов. В заключении предлагается комплексный подход для выстраивания мониторинга качества предоставляемых кафедрой социологии ФФСН БГУ образовательных услуг.

Ключевые слова: *обратная связь; социологические исследования; качество услуг; потребительская лояльность; мониторинг высшего образования.*

Последние тенденции в развитии высшего образования как в Республике Беларусь, так и в мире, дают основание утверждать – сегодня институт высшего образования является производственным коммерческим объединением, который подвержен влиянию всех основных экономических законов – спроса и предложения, конкуренции и пр.

Учреждения высшего образования (УВО), оказывая образовательные услуги, создают продукт – специалистов (бакалавров), обязанных найти работу в одной из сфер экономики страны. Также учреждения высшего образования оказывают различные коммерческие услуги, главная из которых – получение образования на платной основе. Следует отметить, что в современных реалиях любой абитуриент, желающий получить высшее образование за собственные средства, найдет то УВО, которое ему эту возможность предоставит. И для того, чтобы склонить выбор будущего студента в пользу своего учебного заведения, университеты стремятся выделиться на фоне других посредством укрепления репутации и узнаваемости, продвижения своих позиций в различных международных образовательных рейтингах и т.д., тем самым повысив свою привлекательность, в первую очередь, для абитуриентов из-за рубежа. Эта постоянная борьба за студента – «потребителя образовательной услуги» – привела к тому, что теперь учреждения высшего образования действительно стали коммерческими структурами, нацеленными на

получение прибыли, достижение собственной рентабельности и повышение привлекательности на внешнем контуре.

Для любой коммерческой организации, оказывающей услуги и имеющей клиентов, платящих за эти услуги деньги (в нашем случае это студенты платной формы обучения), крайне важно иметь отлаженный механизм обратной связи с потребителем. Получать ее необходимо для того, чтобы быстро и эффективно отслеживать и реагировать на нужды и потребности студентов (как бытовые, так и учебные), корректировать образовательный процесс, чтобы в конечном счете повысить качество предоставляемых услуг. Также она требуется для упрочнения положительного имиджа образовательного учреждения с целью облегчения привлечения новых «клиентов». Последний аспект представляется особенно актуальным сейчас, в ситуации «демографической ямы» и возрастающей конкуренции со стороны зарубежных учреждений высшего образования.

Все вышесказанное позволяет заключить, что отношения между УВО и студентом укладываются в схему В2С – коммерческие взаимоотношения между организацией («Business») и частным, так называемым «конечным» потребителем («Consumer»). В этой концептуальной схеме учреждение высшего образования представляет собой организацию – поставщика услуг, – а студент – конечного потребителя. Такая интерпретация классической модели взаимоотношений до сих пор часто воспринимается как нечто чуждое во многих странах СНГ, однако в Европе и США, где образование является лишь очередной предоставляемой всем желающим услугой, такой переворот в сознании уже произошел – потребитель, а не продавец, устанавливает правила на рынке, и именно он решает, чьей услугой воспользоваться. Соответственно, такой подход обязывает руководство университетов прислушиваться к своим студентам для оперативного и качественного устранения причин возможного недовольства и предотвращения их оттока/не-прихода.

Одним из способов получения такой обратной связи является оценка преподавателей студентами. Этот инструмент позволяет собрать объективную информацию о состоянии деятельности преподавателей, установить степень ее соответствия целям и задачам УВО, требованиям потребителей, выявить несоответствия и определить направления для улучшений. Сложность использования оценивания качества деятельности преподавателей как инструмента обеспечения качества образования заключается в [1]:

– многоаспектности, динамичности и гибкости деятельности преподавателя, которая включает в себя педагогическую, научно-исследовательскую, методическую и другие виды деятельности;

– в невозможности избегания субъективизма оценок;

– в отсутствии механизмов, позволяющих отслеживать влияние результатов оценки преподавателей на совершенствование качества образования в вузе в целом и демонстрации этого заинтересованным лицам (хотя существуют свидетельства, что подобные системы способствуют повышению качества преподавания, однако масштабы соответствующего благоприятного влияния не очень велики);

– в неоднозначности отношения участников образовательного процесса к способности результатов оценивания отобразить реальные тенденции в качестве образовательного процесса;

– в правомерности принятия управленческих решений по результатам оценивания.

Несмотря на вышеперечисленные сложности применения подобного инструмента, география его использования постоянно расширяется, и при его помощи может достигаться выполнение следующих задач [2]:

– оценка студентами преподавания отдельных учебных дисциплин;

– оценка студентами невыпускных курсов образовательной среды в прошедшем учебном году;

– оценка студентами выпускных курсов образовательной среды, образовательные и трудовые намерения выпускников и т.д.

В качестве примера такого рода исследования, направленного на получение обратной связи (только более общего характера), предлагается рассмотреть результаты оценки выпускников кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ полученного образования и его полезности в работе. Оно проводилось автором настоящей статьи с 29.03.2019 по 31.03.2019 методом онлайн-опроса, и в нем приняли участие 52 респондента (из них 5 – выпускники 2014 года и раньше, 6 – выпускники 2015 года, 23 – выпускники 2016 года, 11 – 2017 года, 7 – 2018 года).

По результатам исследования было выявлено, что средняя удовлетворенность квалификацией и компетентностью преподавателей составила 3,38 балла (здесь и далее – по 5-балльной шкале), удовлетворенность фактическими результатами обучения – 3,27 балла, соответствие полученных знаний требованиям на рынке труда – 2,37 балла.

Отвечая на вопрос о том, каким образом можно было бы повысить качество получаемого образования и востребованность выпускника на рынке труда, респонденты предлагали:

– давать студентам возможность овладеть практическими навыками (в частности, актуализировать учебные программы, уделять больше внимания изучению пакетов Microsoft Office (в особенности Power Point и Excel) и SPSS, обучать анализу данных, наладить связь с маркетинговыми агентствами, предприятиями);

– пересмотреть отношение к теоретической подготовке уменьшить количество преподаваемой теории в пользу увеличения часов на более практические дисциплины;

– «омолодить» профессорско-преподавательский состав;

– увеличить число преподаваемых смежных дисциплин, в особенности преподавателями-практиками, рассмотреть возможность раннего разделения на «прикладников» и «теоретиков» и др.

По итогам исследования было выявлено, что 87% его участников на момент проведения опроса не работали по специальности. Они объясняли это следующими причинами: трудностями в устройстве на работу (34,6%), низкой зарплатой (13,5%), отсутствием интереса к работе по специальности (13,5%), нехваткой знаний и навыков (9,6%).

Выпускники отмечали, что в начале своей трудовой карьеры им особенно не хватало практических навыков, опыта и предметных знаний (английского, маркетинга, PR, прикладной статистики, информатики, навыков анализа и обработки данных), знаний трудового законодательства, навыков визуализации данных и самопрезентации.

Как итог – практически половина выпускников (46%) были вынуждены дополнительно образовываться: изучать специализированные курсы, получать второе высшее образование, проходить повышение квалификации, заниматься самообразованием.

В заключительной части анкеты респонденты также имели возможность высказать свои мнения и пожелания в открытой форме.

К сожалению, в опросе не был замерен индекс NPS, который традиционно используется для измерения потребительской лояльности, однако даже такое исследование, выполненное в подобном дизайне и проводимое на регулярной основе, могло бы позволить «держать руку на пульсе» и подстраивать образовательный процесс на кафедре социологии под запросы постоянно изменяющегося рынка труда.

Резюмируя, хотелось бы предложить к рассмотрению следующие возможности комплексного и систематического использования результатов социологических исследований для мониторинга качества предоставляемых образовательных услуг кафедрой социологии ФФСН БГУ для их последующей

Первое – по итогам встреч будущих абитуриентов с профессорско-преподавательским составом кафедры на ежегодных Днях открытых дверей силами студентов-практикантов проводить оперативное социологическое исследование, направленное на выяснение ожиданий учащихся касательно их будущей учебы в УВО: определение видения ими хода образовательного процесса, его качественного прикладного наполнения и т.п. Данный срез информации даст необходимый массив данных при проведении следующего этапа обратной связи со студентами (о котором ниже) и сравнении ожидаемой картины с реальной.

Второе – при содействии студентов-социологов осуществлять мониторинг удовлетворенности обучающихся организацией учебного процесса (на 2 и 4 курсах), что позволит на регулярной основе получать базу для сравнительного анализа удовлетворенности качеством предоставляемых образовательных услуг. Помимо мониторинга, также необходимо выявлять и анализировать причины возникновения проблемных областей, осуществлять их обстоятельное рассмотрение и, где это необходимо, доводить до принятия управленческого решения, могущего данную проблему разрешить.

Третье – целесообразно отладить механизм получения обратной связи от работодателей с целью выявления их конкретных актуальных требований к будущим сотрудникам – выпускникам кафедры социологии. Реализация данного проекта возможна посредством проведения анкетных опросов, личных интервью, фокус-групп и пр. Также имеет смысл осуществлять опросы выпускников с целью выявления тех трудностей, с которыми они столкнулись на первом месте работы по специальности, и их максимально возможного разрешения. Весь комплекс предлагаемых мероприятий преследует цель уточнения и изменения учебных программ подготовки учащихся с тем, чтобы адаптировать получаемые студентом умения и навыки под конкретные запросы современной экономики, а также облегчения поиска первого места работы.

Таким образом, реализация подобной трехступенчатой схемы мониторинга качества предоставляемых кафедрой социологии образовательных услуг позволит получать ежегодно обновляемый массив информации, собираемой с работодателей и четырех поколений учащихся: абитуриентов, студентов (находящихся на экваторе обучения и уже заканчивающих его) и выпускников.

Библиографические ссылки

1. Ягудина Л.Р. Оценка преподавателей студентами как инструмент обеспечения качества образования // Сибирский педагогический журнал. № 7. 2011. С. 261–262.

ПОНИМАНИЕ РИСКА В СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

О.В. Мороз

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Ул. Октябрьская, 5, 230023, Гродно, Беларусь
alesia_moroz_@mail.ru*

В статье рассматривается риск как социальное и экономическое явление, влияющее на деятельность организации и персонал, представлены направления его изучения в рамках социологии управления.

***Ключевые слова:** социология управление; риск; методы управления; образование.*

В настоящее время человечество живет в эпоху, когда возникают принципиально новые и достаточно сложные задачи [1, с. 6].

Понятие риска в социологии пронизывает множество концепций, многие ученые занимались изучением данного феномена, однако в настоящее время достаточную актуальность приобретает рассмотрение риска именно в рамках социологии управления.

В социологии управления исследование риска представляет определенный интерес, поскольку в данном случае приходится изучать не просто неопределенность, но неопределенность, которая неустранима как атрибутивный элемент природной и социальной реальности. [2, с. 267].

Для современного человека, а в рамках социологии управления чаще говорим, для работника, важным является понимание риска как фактора экономического: возможность банкротства предприятий, потери рынков сбыта и снижение объемов производства, безработица и т.п.. В качестве важной части деловой активности, риск рассматривается как финансово-экономическая категория, однако на практике широко используется иные трактовки риска, несущие также угрозу отрицательных результатов разработки и принятия управленческих решений, включая опасные условия труда; последствия влияния процесса производства (результатов деятельности) на природу и здоровье человека, связанных с качественными изменениями социальной и экологической сферы.

В данном случае можно согласиться с Ю.А. Зубок о том, что «риск – это категория, отражающая, во-первых, характеристику условий жизнедеятельности социальных субъектов в состоянии перехода от ситуации неопределенности к ситуации определенности (или наоборот); во-вторых, саму деятельность в данных условиях, когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения

предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели, с учетом действующих морально-этических норм» [3, с. 136].

В сфере управления осознание ситуации риска и ее качественных и количественных характеристик позволяет субъектам своевременно, путем выбора и реализации одной из имеющихся альтернатив, принять решения и достичь поставленной цели. Однако это возможно при условии наличия альтернатив и возможностей, влияющих на степень риска. При этом решения, основанные на ситуативных преимуществах характеризуется мотивированным риском, а при неопределенности чаще всего возникают немотивированные риски, которые влияют на деятельность и в данном случае сложно прогнозировать варианты исхода.

Таким образом, риск характеризует не просто выбор или деятельность личности и/или группы, но и описывает их состояние.

Как отмечалось выше, риск сопровождает любую деятельность, и управление рисками выступает неотъемлемой частью комплекса решений, направленных на поиск альтернатив. В современных условиях важным фактором выступает снижение риска вследствие грамотной работы, как руководителя, так и всей команды. Также важным выступает система управления рисками.

Действенная система включает ряд мероприятий: прогноз возникновения какой-либо угрозы; анализ возможных причин возникновения каждой из обнаруженной угроз; разработка стратегий, направленных на устранение последствий риска; формирование подходящих условий для внедрения имеющихся стратегий; проведение мониторинга рискованных ситуаций и оценка угроз; контроль и анализ результатов проведенных мероприятий. В этом случае возможно эффективное выявление и управление рисками и, как следствие, определение степени влияния на деятельность фирмы.

Немаловажным аспектов выступают методы управления рисками, которые можно свести к отказу (полному исключению какого-либо вида деятельности, связанного с риском), уменьшению (минимизация возможностей появления рискованных ситуаций), разделению (включает в себя создание условий, устранения одной из возможных угроз), уклонению (как изменению деятельности для создания условий, при которых данный риск не возможен), принятию (как возможности предусмотреть дополнительный вариант работы, при наступлении рискованной ситуации), переносу риска (чаще всего речь идет о страховании событий), усилению (в данном случае речь идет о поиске положительных ситуаций, которые смогут перекрыть риск/или его последствия), снижению убытков (название данного метода говорит за себя и заключается в сведении потерь к

минимуму) [4]. Применение данных методов ориентируется на деятельность фирмы, и учитывают ее исходное состояние.

Риски детерминируются активностью человека, а результаты рискованной деятельности с некоторой степенью вероятности могут распространяться на социальных субъектов, существует необходимость выделения социальных рисков как отдельного класса неопределенных ситуаций. Риск трактуется как возможность возникновения неблагоприятного или незапланированного процесса или события. Соответственно, под социальным риском следует понимать возможность наступления неблагоприятного и неконтролируемого события или процесса, возникающего в результате деятельности социального субъекта, распространяющегося в социальном пространстве и влияющего как на него самого, так и на другие социальные объекты, затрудняя тем самым их функционирование и дальнейшее развитие [5, с.36].

Риск субъективен как результат действий одних людей и объективен с точки зрения условий жизни других, а в управленческой деятельности он многосторонен. Для работника проявляются как субъективная, так и объективная сторона риска. Реализация стратегий поведения, направленных на поиск образцов социальной идентификации в процессе деятельности, представляет собой субъективный риск. Данный вариант особенно актуален для молодых специалистов, вчерашних выпускников, поскольку является важной частью выбора молодежью самостоятельного жизненного и профессионального пути, фактически выступает фактором самореализации и социального продвижения. Объективная составляющая связана с влиянием внешних факторов. Здесь можно привести пример таких угроз и опасностей как риск при разрешении жизненных проблем, в обучении и образовании в целом, в трудовой деятельности, в бизнесе и т.п.

Для современного человека характерен выбор стратегий деятельности направленных на минимизацию риска, однако зачастую это касается лишь нескольких, наиболее важных сфер жизни. В ряде случаев можно наблюдать вариант перекладывания ответственности на социальные институты либо на других индивидов.

В этой связи можно рассмотреть риск с точки зрения его ценностно-функциональной направленности, в соответствии с классификацией Н.Л. Смакоотиной, а вот функции и значение риска будут зависеть от систем и жизненных ситуаций, в которых оказался или действует индивид, группа. Здесь значимость информационной, нормативной, ценностной важности придают риску определенную специфическую функцию [6, с. 84].

Таким образом, изучение риска в рамках социологии управления позволит сформировать механизмы рационализации и научиться

оценивать рискованные ситуации и опасности при принятии управленческих решений, которые влияют на эффективность деятельности фирмы в целом. Поскольку полностью убрать риск не представляется возможным, руководитель должен помнить, что результаты деятельности во многом зависят от того, каким образом будет учитываться фактор риска, влияющий на экономическую и социальные сферы.

Библиографические ссылки

1. Котляров И. В. Социология перед новыми рисками и вызовами [Электронный ресурс] // Социологический альманах. 2016. № 7. С. 6–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-pered-novymi-riskami-i-vyzovami>. (дата обращения : 25.09.2021).
2. Ильиных С.А. Риск в контексте социологии управления [Электронный ресурс] // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. №11. С.267–271. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risk-v-kontekste-sotsiologii-upravleniya>. (дата обращения: 19.10.2021).
3. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
4. Кучинский С. Про управление рисками [Электронный ресурс] // Финансовый Заведующий. URL: <https://finzav.ru/management/upravlenie-riskami>. (дата обращения: 21.10.2021).
5. Черняк Ю.Г. Социальные риски молодежи. Минск : Право и экономика. 2009. 160 с.
6. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М. : МИЭМ, 1999. 257 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: СОВЕТЫ ПЕРВОКУРСНИКОВ БГУ

У.Д. Карпова, С.В. Стульба

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
phs.karpovaUD@bsu.by, stulba.sofya@mail.ru*

Научный руководитель: Филинская Л.В., кандидат философских наук, доцент

В статье рассматриваются результаты опроса студентов-социологов первого курса ФФСН. Анализируется информация о том, что следует рассказать будущим абитуриентам о социологии, чтобы привлечь их к поступлению на факультет философии и социальных наук. Даются советы о том, как надо выбирать будущую профессию, как готовиться к поступлению в Белорусский государственный университет.

Ключевые слова: абитуриенты; информация о ФФСН; информация о социологии; изучаемые дисциплины; будущее трудоустройство.

Каждый человек на определенном этапе жизненного пути сталкивается с проблемой выбора профессии. Выбор профессии весьма важен для

молодых людей, так как от этого зависит их выбор профиля обучения после окончания школы, выбор специализации, места работы в будущем, смена профессии, а также то, будет ли человек доволен своим социальным положением, реализацией самого себя как личности, качеством жизни. Выпускникам школ, гимназий, лицеев необходимо помочь сделать осознанный выбор будущей профессии.

Профессиональная ориентация – это система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодёжи к выбору профессии с учётом особенностей личности и социально-экономической ситуации на рынке труда, на оказание помощи молодёжи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве. Включаться в профориентационную деятельность должны не только педагоги, психологи, но и вчерашние школьники. Именно первокурсники могут быть полезны в профориентационной работе, так как они сами только недавно прошли через этап выбора высшего учебного заведения и смогут помочь будущим абитуриентам в формировании компетентности при ориентации и адаптации на рынке труда.

Среди студентов первого курса специальности социология был проведён опрос, цель которого – получить актуальную для абитуриентов информацию о факультете философии и социальных наук, о кафедре социологии. Данная информация может заинтересовать выпускников школ, колледжей и мотивировать их к поступлению на ФФСН. Будущие социологи отвечали на вопрос «Что следует рассказать о социологии и ФФСН выпускникам школ, колледжей?». В исследовании приняли участие 16 человек. Ответы первокурсников были разделены на четыре группы:

информация о специальности «социология» (3 человека написали на эту тему);

информация о факультете философии и социальных наук (6);

советы абитуриентам (3);

плюсы социологии (4).

Информация о специальности «социология». Представители данной группы считают, что необходимо рассказать о специальности «социология» – что изучает, какие дисциплины в неё включены, требования к социологу:

«социология рассказывает нам об обществе, его системах, функциях и как оно устроено. Это прекрасная профессия для любознательных, организованных, трудолюбивых, уверенных, ответственных, коммуникабельных людей. Профессия, которая решает и прогнозирует проблемы общества. Социология - учение об обществе, и всех процессах,

которые нас окружают. Во время изучения социологии, мы открываем для себя интересные и познавательные дисциплины»;

«важно рассказать выпускникам об изучаемых дисциплинах. Это необходимо, так как все люди разные, соответственно способности и интересы тоже. Думаю, встречались такие случаи, что человек пришёл на социологию, рассчитывая изучать гуманитарные науки, но столкнулся с высшей математикой. Ещё один важный аспект - трудоустройство. Необходимо огласить список возможных профессий, приводить примеры»;

«социология – это та профессия, которая может понравиться многим. Социологи могут специализироваться на различных общественных явлениях: от рекламы до демографии»

«я бы рассказал о тех знаниях, которыми необходимо владеть, а главное использовать. О том, насколько величественна социология, чего можно добиться».

Информация о факультете философии и социальных наук. Авторы текстов в данной группе считают, что абитуриентам надо представить информацию о факультете. Главный акцент был поставлен на преподавательском составе, насыщенной общественной и научной жизни, формировании смыслов на факультете и доброжелательной атмосфере:

«я считаю, что учёба на ФФСН даёт возможность хорошо разбираться в общественных отношениях. Это образование важно для всех на данный момент. А также есть возможность получить хорошую работу»;

«нужно рассказать, что социология и остальные специальности на факультете очень актуальны и востребованы. Также нужно рассказать о самом факультете и преподавателях»;

«мне кажется, будущие выпускники школ/колледжей должны знать, что ФФСН – это факультет, который формирует смыслы. Здесь есть множество вариантов, где мы сможем проявить себя, хороший преподавательский состав, а главное, приветливые студенты»;

«думаю, что нужно рассказать об истории факультета, об организациях, в которые предлагает вступить ФФСН и о насыщенной научной и общественной жизни»;

«я считаю, что следует сделать акцент на высококвалифицированных преподавателях и дружном коллективе на ФФСН, на том, что факультет формирует смыслы. Также стоит упомянуть атмосферу и обстановку, которая настраивают на учёбу»;

«выпускникам школ я бы рассказала о множестве перспектив, доступных после обучения на ФФСН, об интереснейшей студенческой жизни и прекрасных преподавателях».

Советы абитуриентам. Кроме информации о факультете и специальности социологии студенты дали советы абитуриентам о том, как выбрать будущую профессию, как готовиться к поступлению и как самим развиваться в этой сфере:

«я бы посоветовала усердно готовиться к ЦТ, потому что РТ обманчиво и совсем не похоже на ЦТ. Также я советую поступать туда, куда лежит душа»;

«считаю, что выпускникам надо дать самим изучить все варианты и выбрать, на какой специальности обучаться»;

«хотел бы посоветовать читать книги, в которых идёт речь о человеческих взаимоотношениях, независимо от того, о каких взаимоотношениях идёт речь, так как социология охватывает большой спектр общественных отношений».

Плюсы социологии. Студенты, которые писали о плюсах социологии, рассказали о том, почему социология интересна, какой вклад в развитие науки она может внести, о её многогранности:

«социология – это не только сухая теория, что, изучая её, вы будете целыми днями читать учебники, но также и практика»;

«социология позволяет изучать любые проблемы общества для их дальнейшего развития, поэтому учащиеся, интересующиеся механизмами функционирования общества, могут углубить свои знания на факультете философии и социальных наук»;

«социология – это наука, которая изучает общество в целом. Она включает в себя сразу несколько интересных направлений»;

Таким образом, нам представляется, что будущие абитуриенты обязательно будут поступать на ФФСН, если узнают о многогранности факультета, об активной студенческой жизни и возможности участия в научной деятельности, социальной и творческой жизни факультета. Также исходя из ответов респондентов, можно отметить, что социология ими была выбрана как развивающаяся и популярная гуманитарная наука. Профессия социолога – это профессия, которая специализируется на решении и прогнозировании социальных проблем общества.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

А.А. Похомова, А.Ю. Сакович

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
pakhom@bsu.by, sakovich05@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы профориентационной работы со школьниками в отношении знакомства с профессией «социолог» на примере локального прикладного исследования студентов I курса специальности «социология», проводимого в 2019 г., 2020 г. и 2021 г.

Ключевые слова: *профориентационная деятельность; абитуриенты; социология; кафедра социологии.*

Для каждого человека в школьные годы встает вопрос об образовательном и профессиональном пути, успешность разрешения которого зависит от качества и широты знаний молодого человека о мире профессий. Как правило, эту компетенцию формируют в рамках системы образования детей и молодежи, как основного, так и дополнительного. Профориентационная работа со школьниками может осуществляться в виде таких форм как тематические беседы, лекции, тренинги, тесты, экскурсии в организации, онлайн-курсы и т.д. и задействует широкий круг субъектов, среди которых классный руководитель, учителя-предметники, учителя дополнительного образования, школьный психолог, заместители директора школы по учебной и воспитательной работе, специалисты территориальных центров по профориентации, преподаватели высшей школы и др. От характера профориентационной деятельности специалистов и ее эффективности будет во многом зависеть престиж профессий и профессиональная структура белорусского общества.

По предмету труда профессию «социолог» относят к типу «человек-человек», что содержательно выражается в таких требованиях к личностным качествам носителя как стрессоустойчивость, лабильность, коммуникабельность, доброжелательность, внимательность, наблюдательность и другие. Это обуславливает выбор вступительных испытаний, среди которых помимо централизованного тестирования по русскому или белорусскому языку выступает также централизованное тестирование по истории Беларуси и обществоведению. У многих абитуриентов создается искаженное, а то и в корне неверное представление о профессии социолога. В школьном учебном пособии по обществоведению для 10 класса, изданном в 2009 году, о социологии и

специалистах в этой области не было представлено практически никакой информации. В учебное пособие по обществоведению для 10 класса, изданное в 2020 году под редакцией доктора социологических наук, профессора А.Н. Данилова, включена краткая информация о социологии, необходимая для общего представления о функциях и роли этой науки в обществе.

В настоящее время в Беларуси социологов готовят лишь несколько кафедр в высших учебных заведениях Минска, Могилева и Гродно, ведущей среди которых выступает кафедра социологии в Белорусском государственном университете. Ежегодно на первый курс специальности «социология» на очную форму обучения поступает 27 человек, которые будут писать новую страницу истории белорусской социологии. Однако не все из них имеют даже минимальное представление о специальности, о содержании и характере профессиональной деятельности социолога, о местах возможного трудоустройства. Как правило, такая ситуация создается из-за схожести условий поступления на ряд специальностей (философия, социальные коммуникации, социология, политология, культурология и др.) и наличия общего конкурса.

Для совершенствования профориентационной работы со школьниками-потенциальными абитуриентами кафедра социологии ежегодно с 2019 года проводит сплошной анкетный опрос студентов-социологов 1 курса.

В условиях массовизации высшего образования, популярности заочной и дистанционной форм обучения немаловажным является вопрос о ценности высшего образования для современного молодого человека. Большинство опрошенных студентов рассматривают высшее образование как возможность для дальнейшего интеллектуального развития (2019 г. – 75%, 2020 г – 65%, 2021 г. - 72,2%), а также как основу для высокооплачиваемой работы (2019 г. – 57,1%, 2020 г – 53,8%, 2021 г. – 44,4%), как гарант глубоких профессиональных знаний (2019 г. – 46,4%, 2020 г – 46,2%, 2021 г. – 55,6%), условие формирования полезных социальных связей (2019 г. – 46,4%, 2020 г – 38,5%, 2021 г. – 50%). Притязания опрошенных студентов к минимальной оплате труда после завершения обучения в вузе варьируются от 500 Вг до 3000 Вг (см. таблицу 1).

С большинством опрошенных студентов в учреждениях общего среднего образования проводились мероприятия по выбору будущей профессии (2019 г – 71,4%, 2020 г- 72%, 2021 г- 75%). Средняя оценка удовлетворенности опрошенных студентов проводимой с ними профориентационной работой в 2019 году составила 6,24 балла; в 2020 году - 5,83 балла; в 2021 году – 4,58 балла. Таким образом, респонденты

отмечают проводимую с ними профориентационную работу, однако оценивают ее невысоко.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какую минимальную заработную плату Вы хотели бы получать после окончания вуза, работая по специальности?», %

Сумма в Бр	2019	2020	2021
500	-	5,6	6,7
600	7,7	-	-
700	3,8	-	6,7
800	19,2	5,6	-
900	11,5	5,6	-
1000	30,8	50,0	26,7
1200	-	5,6	6,7
1400	-	-	6,7
1500	15,4	22,2	26,7
2000	7,7	5,6	13,3
3000	-	-	6,7
5000	3,8	-	-

О выборе профессии опрошенные студенты начинали задумываться заранее: за несколько лет до поступления (2019 г – 39,3% , 2020 г- 34,6%, 2021 г- 30,0%), в процессе обучения в 10-ом классе (2019 г – 25%, 2020 г- 46,2%, 2021 г- 15%), в процессе обучения 11-ом классе (2019 г -28,6% , 2020 г -19,2%, 2021 г – 45%). Выбор специальности для дальнейшего обучения в высшей школе является ответственным шагом в жизни молодого человека. Большинство опрошенных студентов отмечает, что выбор специальности осуществлялся ими самостоятельно и на их решение никто не оказывал влияние (2019 г – 82,1%, 2020 г - 92,3%, 2021 г- 50%). Среди тех респондентов, которые прислушивались к мнению окружающих при выборе специальности, наибольшее влияние оказывала мать (2019 г – 21,4%, 2020 г- 15,4%, 2021 г- 35%). Таким образом, целевой аудиторией профориентационной работы выступают учащиеся 10-11 классов, а также их родители.

Белорусский государственный университет обладает ресурсной базой для организации качественного учебного процесса, массовых культурных и спортивных мероприятий для студенческой молодежи. На вопрос о том, что в большей степени привлекло студентов в возможности обучения по специальности на кафедре социологии в БГУ, ответы респондентов распределились следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Что было наиболее привлекательным для Вас в возможности обучения на кафедре социологии ФФСН БГУ», %⁵

	2019	2020	2021
Интересные учебные дисциплины	85,7	73,1	70,0
Профессорско-преподавательский состав кафедры	25,0	26,9	15,0
Удобство расположения учебного корпуса	14,3	26,9	15,0
Возможность работать в студенческой научно-исследовательской лаборатории (СНИЛ «Социум»)	14,3	15,4	30,0
Престиж профессии социолога	53,6	30,8	25,0
Культурные мероприятия, организуемые для студентов	39,3	34,6	10,0
Научные мероприятия, организуемые для студентов	14,3	15,4	15,0
Студенческие организации и объединения	28,6	19,2	5,0
Отзывы выпускников и студентов кафедры	21,4	23,1	10,0
Другое	3,6	7,7	10

Основными источниками информации о специальности респонденты назвали официальные сайты учебных заведений в сети Интернет (2019 г – 78,6%, 2020 г- 69,2%, 2021 г- 57,9%), социальные сети (2019 г –28,6%, 2020 г- 38,5%, 2021 г- 57,9%), Wikipedia (2019 г –28,6%, 2020 г- 15,4%, 2021 г- 26,3%).

Таким образом, можно сделать предварительные выводы о возможных направлениях совершенствования профориентационной работы сотрудников кафедры социологии с абитуриентами. Существует потребность в обновлении и актуализации информации о специальности на официальном интернет-ресурсе кафедры и факультета, а также в социальных сетях. Интерес у абитуриентов вызывает не только содержание и качество обучения по специальности, но и возможность участия в научно-исследовательской деятельности студенческой социологической лаборатории. В силу этого имеет смысл представлять результаты деятельности СНИЛ «Социум» для широкой аудитории на официальном интернет-ресурсе кафедры социологии.

⁵ Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

ЦЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

П.В. Такушевич

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
takpolina@gmail.com*

Научный руководитель: Данилов А.Н., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор

Анализируется проблема ценности образования в современном социуме. Академические ценности современного образования включают социальную ответственность. В новых условиях это ценностное измерение его роли в жизни социума определяет основные направления исследований трансформаций университета как важнейшего социального института. Рассматривается роль образования в преодолении глобальных и локальных рисков.

Ключевые слова: *ценность; образование; базовые ценности; молодежь.*

В современном мире образование стало массовым. Полное среднее образование обязательно в большинстве стран мира, для всех слоев населения. Этот факт является неслучайным в информационном обществе, когда динамика развития прогрессивных технологий столь высока, на рынке труда нечего делать человеку без высшего или среднего профессионального образования. В настоящее время развитие знаний и рост образования рассматривается как движущая сила общественного прогресса. Говоря о ценностях образования, необходимо рассмотреть её ценность для личности и для общества.

Ценность образования для общества отражает коллективную, групповую значимость этого культурного феномена, и в советский период отечественного образования именно она выступала во многих педагогических концепциях на первый план. В последнее время приоритет отдается личностной ценности образования, индивидуально мотивированного, пристрастного отношения человека к уровню и качеству своего образования.

Личностную ценность образования можно рассмотреть на примере «культуры полезности» и «культуры достоинства», - понятий, введенных известным психологом А.Г. Асмоловым. Культура полезности или культура, ориентированная на полезность как базовую ценность общества, имеет «единственную цель... - воспроизводство самой себя без каких-либо изменений ... образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к исполнению полезных служебных функций». По его

мнению, оппозицией такой культуре, такому устройству общества представляет новый тип культуры, ориентированной на достоинство. «В такой культуре ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет» [1, с.48].

Высказывается много точек зрения об изменении роли, функций и содержании высшего образования в эпоху трансформации университета. Все они сводятся практически к одному: университет, являясь одним из важнейших социальных институтов знаниевой экономики, лидером цифровизации воспроизводственных процессов в различных сферах жизни, институцией, продуцирующей в обществе культурный капитал, в профессиональном смысле поставлен перед необходимостью воспроизводить новые функциональные начала в своей деятельности [2].

Уже сегодня под влиянием информационных технологий и различных технологических платформ существенно преобразуются организация и содержание учебного и исследовательского процессов. В университетах происходит и трансформация академического труда, появляются признаки серьезных противоречий между традиционными ценностями академического мира и новыми тенденциями развития университетского образования. Университетское сообщество выдвигает стратегические приоритеты своего участия в экономической жизни общества. Оно создает открытые интернетплатформы, формирует сетевые коммуникации, которые приобретают все большее значение, способствуя объединению людей с общими социальными и экономическими целями и интересами, формированию новых институциональных условий для развития экономики будущего. Нет сомнений в том, что опыт пандемии побудил к внедрению быстрых инноваций и адаптации к новым обстоятельствам, в которых университеты сегодня осуществляют международную деятельность. «Именно поэтому университет будущего сохранится в форме социальности вкупе с критическим мышлением, от которого социум уже не может отказаться» [3].

В условиях глобальной нестабильности мир ценностей рождает новые содержательные конфигурации. Коммерциализация образования переформатировала современный профиль нового поколения. Время по-новому ранжирует базовые ценности.

В. В. Миронов всегда подчеркивал, что «образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [4, с. 412]. Семья, образование, новые информационные технологии определенно влияют на формирование ценностного начала нового поколения студенчества. Важную роль

в стабилизации ситуации и устранении возможных сложностей играет сбалансированная система образования, которая вносит коррективы в ценностные предпочтения нынешней молодежи. В. В. Миронов писал: «В современных условиях любая реформа происходит в условиях общего процесса глобализации, первичной сущностью которой является создание общей экономической и производственной системы, основанной на усилении роли транснациональных взаимодействий, когда производство становится неким единым процессом не разделяемым на национальные и культурные традиции» [4, с. 407].

В современных условиях образование должно соответствовать требованиям, которые предъявляются к нему со стороны общества. Образование выступает как социально-адаптивный механизм, способный реагировать на социальные преобразования, и в этом смысле необходимо таким образом разработать модель образования, чтобы оно (образование) функционировало как динамичная и гибкая система, способная реагировать на социальные изменения. Как показывает опыт многих стран, только опережающее развитие сферы образования формирует инвестиционную привлекательность страны и обеспечивает технологический прорыв.

Библиографические ссылки

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528с.
2. Волнистая М.Г. Методология институциональных изменений университетского образования. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;2:50–57.
3. Реше Ж. Социальность университета [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/155951>. (дата обращения: 21.04.2021).
4. Миронов В.В. Метафизика не умирает. Избранные статьи, выступления и интервью. Москва: Прогресс; 2020. 488 с

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БУДУЩИХ СОЦИОЛОГОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Л.В. Филинская

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
filinskalv@gmail.com*

В условиях цифровой трансформации различных сфер общества изменяются требования к подготовке социологов, характеристики их конкурентоспособности. В статье анализируются проблемы, с которыми могут столкнуться в практической деятельности будущие выпускники отделения социологии. Рассматриваются вопросы

совершенствования учебной программы по дисциплине «Методология и методы маркетинговых исследований» с учетом существенных изменений рынка маркетинговых исследований и необходимостью включенности студентов в практическую деятельность.

Ключевые слова: конкурентоспособность; цифровые технологии; междисциплинарный подход; рынок маркетинговых исследований; количественные и качественные методы сбора информации.

Цифровое общество, возникающее благодаря внедрению различных цифровых технологий (коммуникационных сетей, технологий больших данных, искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности, облачных вычислений и др.) требует от исследователей в области социальных наук адекватного ответа на вопрос о том, как меняется современный мир. Сложная технологическая инфраструктура оказывает существенное влияние на появление новых социальных практик, на идентичность, на повседневную жизнь каждого индивида. Стоящие перед социологами задачи включают критическое осмысление цифровизации, алгоритмизации, датификации, а также определение социальных последствий этих процессов.

Новые условия жизнедеятельности людей требуют и новых подходов в обучении специалистов в области социологического знания. Особенно актуально для будущих профессионалов освоение методических приемов и инструментов, основанных на цифровых технологиях, которые представляют новые возможности для проведения социологических исследований. В XXI веке процесс обучения не должен сводиться к набору формальных знаний. За свою карьеру сегодняшние студенты могут сменить 4-5 профессий. Следовательно, при подготовке будущих «аналитиков общества» доминировать должен междисциплинарный подход, обеспечивающий не только сочетание различных гуманитарных предметов, но и комбинацию гуманитарных и технических дисциплин.

Важно также дать студентам возможность выбирать, какие предметы они хотят изучать. На практике такой подход не всегда соблюдается, а следовательно, студенты не могут реально контролировать собственное развитие, формировать чувство ответственности. Право выбора существенно повышает мотивацию, что особенно значимо при дистанционной форме обучения. Результаты опроса студентов 3-4 курсов БГУ (n=1217), проведенного в мае 2021 г., свидетельствуют о том, что среди сложностей прошедшего учебного года на первом месте – спад мотивации к обучению (данную позицию отметили 30,6% респондентов). В условиях виртуального образовательного процесса актуализируется проблема прокрастинации – «успею написать эссе», «дедлайн

преподаватель на портале не зафиксировал», «на дорогу в университет время тратить не надо, утром подготовлю презентацию» и т.д. Уравнение прокрастинации – это мотивация, которая определяется, с одной стороны, ожиданием, ценностью (повышение награды, удовольствия от работы – мотивация растет) и, с другой, - импульсивностью, отсрочками (долгое ожидание поощрения – мотивация снижается). Студенты-социологи 3 курса объясняли в своем эссе, почему они относят себя к прокрастинаторам: «дистанционная форма позволяет весь день спать, лежать с ноутбуком и параллельно заниматься другими делами», «TikTok затягивает», «получаем много бессмысленных заданий, которые преподаватели даже не проверяют», «выбирать тему эссе из предложенного списка совсем не интересно», «в учебе прокрастинация проявляется, когда я расставляю приоритеты в пользу более важных дел – работа, спорт, отдых, общение с друзьями, кажется, что «нелюбимое занятие» никуда не денется», «прокрастинирую» только в отношении учебы, к работе, которую очень люблю, отношусь ответственно, не откладываю задачи «на потом», «произошло эмоциональное выгорание из-за пандемии и компьютерной зависимости». Эти комментарии студентов должны быть услышаны и проанализированы преподавателями для оптимизации учебного процесса в условиях дистанционной или смешанной форм обучения.

С развитием диджитализации, искусственного интеллекта возникают новые проблемы. Социологу придется очень много думать о том, как будет проходить взаимодействие с искусственным интеллектом и цифровой средой, какие методы сбора информации целесообразно использовать, в каких сферах умения и навыки социологов будут востребованы. Уже сегодня, как свидетельствуют результаты опроса Объединения исследователей рынка и общественного мнения (Россия), бизнес все чаще проводит часть исследований своими силами (DIY-исследования) без привлечения подрядчиков или с частичным их привлечением. Активное развитие технологических продуктов, ускоряющих и упрощающих in-house research, способствуют таким новациям. Однако, это вовсе не значит, что социологи не будут востребованы или их заменят роботы.

Будущая конкурентоспособность выпускника отделения социологии – это симбиоз усилий студента и преподавателя. Зачастую именно преподаватель, работая в тесном контакте с заказчиками подготовленных специалистов, может актуализировать свой учебный курс для формирования необходимых профессиональных, социальных навыков

(hard, soft skills) и их применения в различных сферах жизнедеятельности⁶. Конкурентоспособность социолога в академической среде – это умение предвидеть, какие темы будут актуальны в ближайшие 5 лет, чтобы занять на рынке труда нишу, позволяющую выпускнику высшего учебного заведения развиваться.

Одно из важнейших направлений развития системы высшего образования – практикоориентированность. Для экономики важно, чтобы молодой специалист сразу после студенческой скамьи мог активно влиться в работу и решать профессиональные задачи. Учебная дисциплина «Методология и методы маркетинговых исследований» (читается студентам-социологам на 3 курсе в шестом семестре) отличается не только практикоориентированностью, но и требует от преподавателя оперативного совершенствования ее содержания с учетом существенных изменений рынка маркетинговых исследований.

Рынок исследований – это активно развивающаяся, динамичная структура, которая не стоит на месте. Кризис последних лет оказывает значительное влияние на рынок, вынуждая игроков реагировать на изменяющиеся условия как на уровне экономических решений, так и на уровне новых подходов в области инструментария, клиентского сервиса, организации работы. Как будет меняться индустрия маркетинговых исследований и что надо учитывать в образовательном процессе:

бюджеты исследований в сфере маркетинга будут перетекать из сектора FMCG (fast moving consumer goods – товары повседневного спроса) в IT-сектор – мейстримом становятся мобильный интернет, социальные сети и компьютерные игры; технологические компании имеют специфические исследовательские потребности, другие подходы к методам сбора и анализа информации;

исследовательским компаниям не выгодно иметь «полевые» отделы, так как это отвлекает ресурсы, не приносит прибыли, это направление деятельности отдают на «outsourcing»; в настоящее время важно не просто собрать информацию о привычках и поведении потребителей, а предложить новые, коммерчески обоснованные идеи; происходит объединение исследовательской индустрии и бизнес-консалтинга;

происходит переход из офлайн к онлайн исследованиям, но возникают проблемы при использовании количественных методов сбора информации (усталость респондентов от «опросных» методов, падение точности

⁶ Выпускник отделения социологии может работать в маркетинговых фирмах, консалтинговых компаниях, государственных органах управления, в сфере Public Relations, СМК, включаться в проектно-аналитическую и экспертно-консультационную деятельность.

данных); развивается нейромаркетинг; остаются востребованными качественные исследования – фокус-группы, глубинные интервью, этнографические наблюдения;

у клиентов все более актуализируется потребность в индивидуальном подходе к исследованиям; растет запрос на создание исследовательских инструментов и решений под конкретные задачи; глобальные техники и методики, разработанные на международном уровне, часто являются слишком усредненными, не отвечают на запрос отечественного рынка, конкретных отраслей.

возрастают требования к сотрудникам исследовательских компаний – должны владеть комплексом нужных инструментов (анализ, модерация, фасилитация), знать конкретный рынок (банковская сфера, фармацевтика, отдельные ниши FMCG, технологии), соблюдать деловую этику.

Маркетинговые исследования в настоящее время – это не только сбор и анализ нарратива, статистических данных, но обработка уже существующих данных. Мета-исследования – сбор и анализ уже найденных инсайтов – помогают сэкономить деньги заказчиков, а также отследить зарождающиеся тренды и предпочтения потребителей.

Таким образом, анализ выявленных тенденций развития рынка маркетинговых исследований, корректировка учебных планов дисциплин, форм и методов преподавания, включенность студентов в практическую деятельность (разработка инструментария, проведение фокус-групп и глубинных интервью, подготовка онлайн исследований и др.) направлены на подготовку профессионалов-социологов, обеспечивающих высокое качество исследовательского процесса и бизнес-результатов.

СОЦИОЛОГИЯ В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

А.К. Шафаренко

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
shafarenkoanastasiya@gmail.com*

Научный руководитель: Филинская Л.В., кандидат философских наук, доцент.

В статье рассматриваются результаты опроса студентов-социологов первого курса ФФСН. Анализируется информация о том, какие животные ассоциируются у студентов со словом «социология».

Ключевые слова: социология; студенты-первокурсники; ассоциации; животные; элементы образности.

Для того, чтобы точнее выразить мысль, можно использовать образные средства. Нередко в качестве элементов образности используются представители животного мира. Животные могут символизировать плодородие и изобилие, душу и бессмертие, инстинктивные и эмоциональные порывы, человека коварного, хитрого и верного, бдительного. Например, Плутарх говорил, что собаки символизируют консервативное, бдительное, философское начало в жизни. Основные черты характера и манера поведения у животных и людей идентичны. Особый интерес вызывают образы животных как носителей характеристик различных наук.

Студентам первого курса специальности «Социология» был задан вопрос «Какое животное ассоциируется у Вас с социологией?». На вопрос ответили 16 студентов-первокурсников. Были названы следующие представители животного мира: слон, аист, попугай, собака, обезьяна, лиса, хамелеон, кот, сова, муравей, кошка, человек.

Слон: *«Слон – животное, которое ассоциируется с термином «социология», так как слон олицетворяет мудрость, силу и благоразумие».*

Аист – объяснение не представлено.

Попугай: *«Для меня социология ассоциируется с попугаем. Ведь социология изучает общество, непосредственное взаимодействие личностей. Попугаи же разговорчивые, активные, любопытные и являются, по сути, объектами «микрообществ», примером которого может служить семья. И также видно, что эта птица обладает качествами, присущими настоящему социологу».*

Собака: *«Социология ассоциируется у меня с собакой, так как говорят, что собака – друг человека, и, я думаю, что социология – это тоже друг человека, так как деятельность направлена на общество».*

Обезьяна: *«Социология ассоциируется с обезьяной. Это умное животное, которое живет в «обществе», общается и анализирует».*

Лиса: *«У меня социология ассоциируется с лисой. С одной стороны, это очень хитрое животное, а с другой – это расчетливое, доброе животное. Это животное ассоциируется у меня с правильными, грамотными поступками, с добротой и помощью».*

Хамелеон: *«Социология у меня ассоциируется с хамелеоном, так как социология отражает общество и процессы в нем. Хамелеон тоже отражает окружающие его вещи и мир».*

Кот/кошка: *«Для социологии лично для меня характерно такое животное, как кот, так как коты любопытные, и они всегда анализируют. Так и в социологии».*

«У меня социология ассоциируется с кошкой, которая хладнокровно наблюдает за процессами, происходящими вокруг. Кошка – мудрое и в то же время хитрое животное. Так и социолог, владеющий багажом теоретических знаний, может грамотно влиять на общественные отношения».

Сова: *«Для меня социология ассоциируется с совой. Это мудрое, тихое, спокойное животное. Анализ человеческого поведения требует терпения».*

Муравей – объяснение не представлено.

Один из студентов указал, что представителем животного мира является человек. Автор не отметил, в чем фиксируется сходство и различие между человеком и животным.

Человек: *«При слове «социология» у меня возникают ассоциации с таким животным, как Человек. Потому что именно без людей не было бы ни межличностных отношений, ни общества, которое изучает социология, ни любой другой вещи, благодаря которым появились все науки, в том числе и социология».*

Абсолютное большинство представленных ассоциаций являются положительными. Социология как наука и социологи как представители этой науки отличаются мудростью, любознательностью, человечностью, осмысленностью, непредвзятостью, грамотностью, благоразумностью.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Т.В. Щелкова

*Белорусский государственный университет,
Пр. Независимости 4, 220030, Минск, Беларусь
tanar2002@tut.by*

В статье рассматриваются педагогические стратегии и тактики на основе анализа эссе студентов-социологов 4 курса Белорусского государственного университета. Выявлены эффективные формы и методы проведения лекционных и семинарских занятий. Определено, что студенты-социологи ориентированы на активные методы обучения и инновационные технологии социологического образования.

Ключевые слова: *социологическое образование; методы и формы обучения; педагогические технологии; образовательный процесс.*

Вызовы и потребности современного общества ставят перед высшей школой задачи по подготовке высококвалифицированного специалиста

нового поколения, конкурентноспособного на рынке труда, с высоким адаптивным потенциалом и умением работать в команде, инициативного и творческого. Реализация этих задач лишь традиционными педагогическими технологиями невозможна. Именно поэтому особую актуальность приобретает необходимость изменений образовательных стратегий и тактик.

С целью выявления продуктивных методов обучения и эффективных педагогических технологий, был осуществлен анализ 34 эссе студентов-социологов 4 курса Белорусского государственного университета. Данная тема исследования является актуальной для современного студенчества, об этом свидетельствует тот факт, что никто не остался равнодушным и не затруднился описать свои впечатления о приемах и способов обучения социологии.

Результаты проведенного исследования показали, что «традиционная», «классическая лекция» в виде монологической передачи «сухой теории» видится студентам устаревшей и неинтересной.

«Для меня наибольший интерес представляли те лекции, которые организованы в форме диалога между нами (студентами) и преподавателем. Я считаю, что именно такие лекции помогают активизировать мыслительную деятельность и развивать активное мышление. Поскольку подобного рода занятия помогают разобраться во всех тонкостях, получить ответы на необходимые вопросы. Ведь ни для никого не секрет, что изложение материала в скучном, монотонном монологе мешает студенту понять о чём идёт речь на занятии».

«Лично для меня самыми интересными лекциями являются те, на которых преподаватели не просто транслируют информацию из учебника, а всячески дополняют ее различными кейсами из своей практики, интересными историями. Благодаря таким жизненным примерам теория намного легче «связывается» с практикой и не воспринимается как нечто абстрактное и неосознанное, что надо выучить, рассказать на экзамене или зачете, а потом забыть навсегда».

«Я заметила за собой, что становлюсь внимательной, когда преподаватель начинает активно взаимодействовать с аудиторией, не просто читать лекцию, а также задавать вопросы, которые связаны непосредственно со студентами. Тем самым преподаватель заставляет студентов внимательнее слушать, размышлять самим и проецировать полученный материал на собственную жизнь, что повышает шанс пробудить интерес к изучаемому предмету или, как минимум, к изучаемой теме. Мне, например, всегда интересно послушать примеры из жизни, связанные с темой лекции: абстрактные или личные. В таком случае

преподаватель не просто передает сухой теоретический материал, а в каком-то смысле оживляет его, демонстрирует как теория осуществляется на практике».

Сегодняшним студентам - социологам при проведении лекционных занятий наиболее импонирует свободный стиль изложения учебного материала, активное взаимодействие с аудиторией, использование примеров из социологической практики и личного опыта преподавателя, использование мультимедийных средств (презентаций, фильмов, видеосюжетов и др).

«Любая информация, сопровождаемая качественной презентацией, воспринимается легче. Это происходит благодаря ассоциативному ряду, если презентация содержит фото или видео материалы, а также благодаря схемам и коротким выжимкам из основного массива текста, которые студент может легко перенести в свой конспект. Последовательная и четкая презентация помогает привести информацию «в порядок», полностью сосредоточиться на самой информации, а не на способе ее оформления в конспекте».

Вместе с тем есть и противники лекции как ведущей формы организации учебного процесса. По их мнению, количество семинарских занятий возможно увеличить за счет сокращения лекций.

«Лекционный формат занятий, на мой взгляд, не является эффективным, т.к. не требует участия студента. Эффективные способы и методы должны включать в себя максимальную включенность учащегося, определенную степень самостоятельности, возможность «творческого» подхода и предполагать групповое взаимодействие».

«Наиболее интересными методами преподавания социологии для меня оказались игровой метод, мозговой штурм, дебаты, методы демонстрации и иллюстрации. Используя их, повышается интерес не только к предмету, но и в целом к социологии, потому как гораздо интереснее взаимодействовать друг с другом и познавать науку таким образом, чем слушать монотонное чтение лекции».

«Эффективным способом организации образовательного процесса в университете могло стать увеличение часов для практических занятий, так как бывают темы, которые невозможно усвоить за одно семинарское занятие, а на сегодняшний день на лекционные занятия отводится больше часов, чем на практические».

Что касается семинарских занятий, авторы эссе солидарны в том, что наиболее продуктивными методами их проведения является активное обучения. Все студенты выделяли дебаты, ролевые игры, презентации

результатов проектов/исследований, просмотр познавательных фильмов и их комментирование, выступления с сообщениями на интересные темы.

«Я с радостью вспоминаю те занятия, на которых необходимо было демонстрировать свои творческие способности. Например, придумывать собственный инновационный продукт, инсценировать интересные сценки (это способствовало развитию творческого потенциала), играть в различные игры (ведь каждый из нас является по-прежнему тем самым маленьким ребенком) или делать красочные презентации, а затем их представлять перед одноклассниками. Хочу отметить, что подобного рода методы проведения занятий развивают не только творческие способности, но и способствуют сплоченности коллектива и созданию благоприятной атмосферы».

«Если говорить о семинарских занятиях, то тут можно выделить несколько интересных и достаточно эффективных способов обучения. Для меня это различные игры, творческие задания, командные работы (что полезно не только для обучения, но и для накопления социального опыта и сплочения коллектива), задания на структурное мышление (составление различных схем, когнитивных карт и т.д.). К неэффективным способам я отнесу устный опрос, рефераты, доклады, так как при выполнении этих заданий абсолютно ничего не запоминается».

Несмотря на то, что «педагогические подходы и инновации не спасли университеты от образовательной неуспешности студентов» [1, с.17], от применяемых преподавателем методов и форм обучения зависят удовлетворенность учебным процессом, степень усвоения и понимания материала, заинтересованность студентов и их вовлеченность в изучаемую дисциплину, а порой - и будущие профессиональные траектории.

«На мой взгляд, процесс получения высшего образования является невероятным и захватывающим «приключением», если используются эффективные способы и методы проведения учебных занятий, которые действительно способны заинтересовать нас, студентов, в получении знаний. Ведь общеизвестно, что вовлеченность студентов в образовательный процесс напрямую зависит от изложения необходимого материала преподавателем, а также от проведения семинарских /практических занятий».

В качестве основной проблемы социологического образования некоторые авторы указывают недостаточность практико-ориентированных дисциплин. По их мнению, сегодня на рынке труда в большей степени востребован социолог с конкретными умениями и навыками, нежели теоретическими знаниями.

«На сегодняшний день некоторые мои знакомые выпускники говорят о том, что вуз дал больше теории, которой недостаточно для того, чтобы быть конкурентоспособными людьми на рынке труда. Исходя из этого, почему бы тогда в университете не сделать акцент на практико-ориентированных предметах, чтобы, придя на собеседование, выпускник мог с уверенностью сказать, что он может делать «то, то и то».

Данная проблема отражает «...спор «теоретиков» и «практиков» в отношении социологического образования. Первые настаивают на приоритете теоретической и методологической подготовки и вторичности так называемого «полезного знания». Вторые считают, что социологическое образование должно быть, прежде всего, прикладным, прагматичным, «рыночным». Конечно, все согласны, что в идеале необходимо стремиться к балансу: глубокое знание социологических теорий должно сопровождаться твердыми навыками и умениями в прикладных областях; дипломированный социолог должен быть готов трудиться не только на академическом поприще, но и там, где социология служит решению практических задач. Однако достичь такой гармонии в реальной практике достаточно сложно по многим причинам» [2, с. 35].

Не обошли стороной участники исследования и роль преподавателя в образовательном процессе. Студенты видят и чувствуют его отношение к работе. Неравнодушный, увлеченный своей дисциплиной преподаватель «заводит» студенческую аудиторию, порождает ее интерес и желание учиться.

«Главная роль преподавателя, на мой взгляд, в том, чтобы заинтересовать учащегося в своей дисциплине, чтобы научить студента учиться и расширять свои познания и навыки. При этом под словосочетанием «научить учиться» я имею в виду необходимость показывать на собственном примере насколько предмет может быть увлекательным, как его применять в жизни и где черпать новые источники знаний».

«Могу сказать, что как таковой метод для меня не имеет значения. Самое главное, что всегда удается ощутить — это заинтересованность самого преподавателя в своем предмете. Бывало, преподаватель так увлеченно читает лекцию, что пара проходит незаметно. Интерес преподавателя к своему предмету порождает и интерес студентов к нему. Создается пространство, в котором каждый испытывает удовольствие от обучения».

«Для меня главным фактором эффективности любого метода является заинтересованность преподавателя своей работой и предметом. Ведь если человеку что-то действительно нравится, он наслаждается процессом обучения, то он может с легкостью передавать этот энтузиазм и

заинтересованность другим людям. Такой преподаватель превратит любой образовательный процесс в «сказку» для каждого студента».

Таким образом, современные студенты-социологи ориентированы на активные методы обучения и инновационные технологии образования. Им неинтересны пассивные стратегии обучения, они стремятся стать активными участниками учебного процесса. Оптимальная модель социологического образования ориентирована на активизацию учебно-познавательной деятельности студента, его возможности не только владеть знаниями, но и успешно применять их, решая все усложняющиеся задачи профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1.Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 17-27.

2.Скворцов Н. Г., Зырянов В. В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30-40.

Секция 3.
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ

**ИНВАЛИДЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

В.Л. Ананьев

*Белорусский государственный университет,
Пр. Независимости, 4, 220050, Минск, Беларусь
ananiev@bsu.byu*

Во всём мире наблюдается увеличение доли лиц с инвалидностью. Следовательно, одной из важнейших задач социальной политики государства является создание для инвалидов максимально возможных материальных и социальных условий для их полноценной социальной интеграции в общество. Эффективное решение указанной задачи невозможно без качественного научного анализа жизненных проблем инвалидов, а также связанных с ними социальных процессов. В статье рассматриваются особенности социологического анализа проблем инвалидов. Цель исследования: определить специфические особенности социологического исследования инвалидов как социальной группы населения.

Ключевые слова: *инвалиды; люди с инвалидностью; социология инвалидности.*

По оценкам ООН инвалиды составляют около 10 % населения Земли, в Республике Беларусь их доля составляет около 5 % населения страны. Постоянное увеличение доли лиц указанной категории является одной из тенденций развития современного мирового демографического процесса.

Как предмет научного анализа проблемы инвалидов имеют мультидисциплинарный характер, так как их решение включает в себя различные компоненты, связанные с медициной, педагогикой, психологией и другими науками. Однако научным анализом и разработкой практических решений указанных проблем занимаются прежде всего представители медицинской науки. Среди учёных-гуманитариев научным анализом и разработкой практических решений проблем инвалидов занимаются прежде всего специалисты в области коррекционной педагогики, в поле зрения которых находятся прежде всего проблемы образования и воспитания детей-инвалидов.

В социологии проблемы инвалидов относятся к категории малоразработанных. В Республике Беларусь в прошлом десятилетии по указанной тематике проводились лишь эпизодические исследования учеными-социологами БГУ [1, 2] и Национальной академии наук Беларуси [3]. Ряд научных работ был выполнен специалистами НИИ труда

Министерства труда и социальной защиты РБ [4, 5]. В настоящее время данная тенденция сохраняется. Таким образом, проведённые в Республике Беларусь социологические и другие исследования отдельных проблем инвалидов не позволяют составить целостное представление об эффективных путях совершенствования системы их социальной реабилитации.

Социальная группа «инвалиды» как объект социологического изучения имеет свою особую специфику, связанную с её системообразующим признаком – инвалидностью. Так, важной особенностью инвалидов как объекта социологического изучения является наличие значительного числа различных ограничений жизнедеятельности – сенсорная недостаточность, нарушения опорно-двигательного аппарата, интеллектуальная недостаточность и др. Каждое из них, в том числе и степень его выраженности, оказывает ключевое влияние на степень выраженности и конкретное содержание основных жизненных проблем инвалидов. Указанное обстоятельство, на наш взгляд, делает невозможным получения достаточно достоверных результатов, характеризующих многие жизненные проблемы в социальной группе «инвалиды» в целом.

Вместе с тем не следует полностью отказаться от исследований инвалидов как социальной группы населения. Достоверные результаты, по нашему мнению, можно получить прежде всего в том случае, когда изучаемая проблема нейтральна в отношении к инвалидности и касается всего населения, или отдельной его группы – например, политика, религия. В противном случае исследователь неизбежно столкнётся с необходимостью выделения из массива респондентов отдельных групп по признакам, оказывающим значительное влияние на степень значимости и конкретное содержание изучаемой проблемы. При этом возможно использование как общепринятых в науке и социальной практике классификаций инвалидов, так и разработка собственной классификации групп инвалидов исходя из конкретных целей исследования.

Специфическим признаком социальной группы «инвалиды» является наличие в ней статистически значимой подгруппы лиц, не способных быть респондентами в социологических исследованиях. Речь идёт об инвалидах с нарушением интеллекта. Следовательно, для социологических исследований проблем данной категории инвалидов качестве респондентов могут выступать другие лица – их законные представители, члены их семей, эксперты и др. Однако в случае проведения опроса инвалидов с нормальным уровнем интеллекта и лиц, представляющих интересы инвалидов с нарушением интеллекта проводились по одному инструментарию, сравнение полученных результатов, по нашему мнению,

является не корректным, причём использование одного инструментария для опроса инвалидов и законных представителей, фактически являющихся представителями другой социальной группы, является *грубейшей методологической ошибкой*, делающей нерепрезентативными полученные результаты.

В качестве конкретного примера приведём исследование, выполненное специалистами НИИ труда, по обследованию домашних хозяйств, в которых проживали взрослые инвалиды, имевшие психиатрическое заболевания и дети инвалиды в возрасте от 0 до 5 лет (7,5 % и 0,9 % респондентов соответственно) [4, С. 14]. Вполне очевидно то, что отмеченные категории инвалидов – определённая часть взрослых и вес дети-инвалиды по очевидным причинам не могли быть респондентами, вместо них эту роль выполнили их законные представители. Однако из цитируемом нами отчёте видно, что анализ полученных результатов его авторами проводился в целом по массиву, без учёта отмеченных нами факторов.

Таким образом, отмеченные выше специфические проблемы изучения инвалидов порождают определённые трудности, связанные с использованием количественных методов исследования, прежде всего – массового социологического опроса. Так, при расчёте выборки социологического исследования, на наш взгляд, пригодны только региональные базы данных о получателях пенсий комитетов по труду, занятости и социальной защите местных исполнительных органов власти. Вместе с тем, на их основании невозможно точно определить генеральную совокупность (ГС) потенциальных респондентов для опроса инвалидов, так как из всей ГС необходимо исключить инвалидов с интеллектуальными нарушениями, в нашем случае определённо не пригодных для изучения ценностных ориентаций, точное число которых не известно. Обобщая сказанное можно утверждать, что для целей социологического анализа инвалиды Республики Беларусь фактически представляют собой *гипотетическую ГС*.

Исходя из сказанного, для проведения социологических опросов инвалидов целесообразно использовать целевые бесповторные и комбинированные (многоступенчатые) выборки. Размер выборочной совокупности (ВС) необходимо определять таким образом, чтобы количество респондентов в каждой предполагаемой для исследования целевой группе, формируемой по выше предложенным нами признакам, во-первых, было статистически значимым (составляло более 5 % ВС) и, во-вторых, должно быть пригодным для внутреннего анализа группы. Кроме того, при определении объёма ВС следует учитывать и то обстоятельства,

наиболее полезную для анализа социальных проблем инвалидов информацию даёт применение сложных математических методов анализа, прежде всего – факторный и кластерный анализ и др. методы.

Дополнительным обстоятельством, усложняющим проведение социологических опросов инвалидов, является их фактическая труднодостижимость для опроса. Это связано прежде всего с их малым количеством (в Республике Беларусь около 5 % населения) в следствие чего для них характерна высокая степень рассредоточения по населённым пунктам, что неизбежно увеличивает затраты и время на проведение полевых работ. Некоторым исключением из этого правила являются инвалиды по зрению, определённая часть которых компактно проживает в 16 городах РБ около специальных предприятий, созданных для их трудоустройства. Впрочем, указанное обстоятельство, технически облегчающее проведение полевого опроса, тем не менее может играть негативную роль, например, в случае изучения условий проживания, уровня пространственной мобильности инвалидов по зрению. Это связано с тем, что специальные предприятия для инвалидов по зрению и жильё для их работников-инвалидов образуют специальный «микрорайон» для проживания инвалидов по зрению, в котором созданы специальные условия, облегчающие их жизнь, прежде всего – безбарьерная среда.

Для проведения социологических исследований, прежде всего связанных с изучением отдельных категорий инвалидов, например, «инвалидов-колясочников», «студентов с инвалидностью», могут быть использованы нестатистические методы расчёта ВС – «метод основного массива», «метод снежного кома» и др.

Специфика объекта исследования требует нестандартного подхода к осуществлению сбора социологической информации. Сказанное относится прежде всего к лицам с сенсорной депривацией. Так анкетный опрос инвалидов по зрению первой и частично второй группы целесообразно проводить в форме полустандартизованного социологического интервью, бланком которого служит анкета для опроса инвалидов всех категорий. Объективной причиной данного отступления от общепринятой методики является фактическая невозможность слепого человека читать и писать обычным способом. Изготовление для слепых респондентов анкет специальным шрифтом Брайля требует последующего переноса информации с нее в обычные анкеты, что увеличивает затраты на проведение опроса.

В нашей практике сбор социологической информации в группе инвалидов по зрению проводился следующим образом. Интервьюер читал респонденту вопросы анкеты, а затем с его слов заносил его ответы в бланк,

информируя респондента об их содержании. Во многих случаях значительная часть интервью с инвалидом по зрению проходила в форме свободного общения (беседы), при которой интервьюером дополнительно фиксировались ответы на закрытые и открытые вопросы инструментария, а также иные высказывания интервьюируемого, относящиеся к теме интервью. Респондентам, имеющим остаток зрения в основном, инвалидам второй группы, на выбор предлагалось либо самостоятельное заполнение анкеты, либо проведение опроса указанным выше способом. Все инвалиды по зрению третьей группы заполняли анкеты самостоятельно.

Для людей, являющихся глухими с рождения, владеющих письменной речью (чтение и письмо), в социологических анкетах необходима развёрнутая инструкция (возможно с иллюстрациями) по их заполнению. Особое внимание следует уделить формулировке вопросов анкеты, не допуская в них непонятных для респондентов слов и выражений, при необходимости используя дополнительные подсказки и разъяснения. Невозможность восприятия глухими устной речи лишает интервьюера возможности как проведения предварительного устного инструктажа перед началом опроса, так и дачи пояснений респондентам или ответов на их вопросы в процессе его проведения.

Основным итогом проведённого нами анализ особенностей социологического изучения инвалидов является то, что социологическое изучение инвалидности как социального феномена и инвалидов как социальной группы необходимо проводить с учётом двух аспектов – *физического* – особенностей психофизического развития инвалидов и *социального* – социального поведения и социальной позиции инвалидов в обществе, причём в их тесной взаимосвязи друг с другом, и одинаковой степени значимости каждого из них.

Многообразие видов ограничений жизнедеятельности и особенностей психофизического развития, а также степень их выраженности являются условием наличия значительной вариативности содержания и способов решения практически всех специфических жизненных проблем инвалидов. Следовательно, на наш взгляд, невозможно получение достаточно достоверных результатов, характеризующих многие жизненные проблемы в социальной группе «инвалиды» в целом.

Отсутствие статистических данных по многим ключевым признакам инвалидности пригодных для расчёта выборки для массовых социологических опросов. Кроме того, статистически значимая группа инвалидов – лица с нарушением интеллекта, не способна быть респондентами в социологических исследованиях.

Достаточно эффективным способом изучения жизненных проблем инвалидов является широкое использование качественных методов исследования, прежде всего – экспертных опросов и фокус-групп. Причём, в качестве участников таких исследований обязательно необходимо привлекать представителей различных государственных и негосударственных структур, независимых экспертов – представителей различных сфер науки и социальной практики.

Наш опыт изучения проблем социальной реабилитации инвалидов по зрению [1] показывает высокую эффективность комплексного подхода к социологическому анализу проблем инвалидов, предполагающего исследование в нескольких целевых группах. Прежде всего необходимо изучение мнения различных социальных групп населения о месте инвалидов в обществе, о путях решения основных жизненных проблем указанной социальной группы, а также специфики социального поведения различных социальных групп населения по отношению к анализируемой социальной группе. Актуальность предлагаемых исследований определяет то обстоятельство, что конкретное содержание социальной политики государства в отношении различных групп населения, в том числе и к инвалидам, в конечном итоге определяется отношением к ним большинства жителей страны.

Библиографические ссылки

1. Ананьев В.Л. Социальная реабилитация инвалидов по зрению в Республике Беларусь: (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Минск, 2015. 201 с.
2. Стратегические приоритеты государственной молодёжной политики в Республике Беларусь до 2030 г. / Л.С. Кожуховская [и др.]; под общ. Ред. Л.С. Кожуховской. Минск : РИВШ, 2020. 248 с.
3. Смирнова Р. А. Мир инвалида глазами социолога. Минск : Беларус. наука, 2006. 219 с.
4. Обследование положения инвалидов в Республике Беларусь: отчёт / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, Учреждение «Научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь». Программа развития ООН; [составители: С.В. Шевченко и др.]. Минск: Тесей, 2010. 96 с.
5. Обследование качества базовых социальных услуг для людей с инвалидностью в Республике Беларусь : аналитический доклад / Т.Н. Миронова, Н.И. Красовская [и др.]; НИИ труда Минтруда и соцзащиты. Минск : Колорград, 2018. 54 с.

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В.А. Барановский

*Белорусский государственный университет,
Ул.Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
baranowski567@outlook.com*

Научный руководитель: Данилов А.Н – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор

Представлен краткий анализ состояния общества в контексте продуктов массовой культуры (интернет-мемов) и их роли в процессах развёртывания культурного глобализма, проблематика использования механизмов социального опыта в разработке содержания интернет-мемов и реакция общества на представленные культурные манипуляции.

Ключевые слова: мем-оборот; социальная стереотипизация; интернет-мем; диджитализация социума; инфосфера; социокультурная гетерогенность общества; деинтеллектуальная интенция.

Исследованием мема как феномена занимались многие западные ученые с 1970-х годов. Ему посвящена научная дисциплина меметика. В 1976 году английский учёный Ричард Докинз выпустил книгу «Эгоистичный ген», которая ознаменовала зарождение меметики как науки. В меметике происходит перенос концепции дарвиновской теории эволюции на человеческую культуру. В широком понимании это подход, который изучает идеи как единицы культурной информации. Термин «мем» возникает в работах Докинза как аналогия с «геном» в генетике.

Начало XXI века ознаменовало себя чередой кризисных явлений в жизни общества: террористические акты, конфликты на Ближнем Востоке, мировой экономический кризис, эпидемии смертельных болезней. Актуальность данных тенденций характерна и спустя 20 лет. В эпоху глобализации, когда экономика становится зависимой от внешних «раздражителей», особенно актуален вопрос о сохранении экономики и снижения её зависимости от разрушительных социальных процессов. Мемы являются частью общественного механизма и зависимы от всех изменений, происходящих в нём. Концентрация мем-оборота в определённой зоне общества зависит от уровня территориального охвата событием, которое привело в действие механизм социальной стереотипизации.

Для начала дадим определение понятию «интернет-мем» – это идеи, фразы, символы, образы действия, звуки, изображения, видеозаписи,

популярные бренды, строки из песен, ритуалы, распространяющиеся людьми на основе подражания [2]. Современное общество вступило в фазу форсированной мемизации – процесс появления мема, где у каждого из них присутствует создатель и ретранслятор. Источником мема может быть как человек со своими словами или образами, так и неодушевленный предмет.

Процессы диджитализации социума существенно отличаются в зависимости от измерения (области) их функционирования. Технологическое измерение отличается модернизацией производственных сил общества и перевод их в виртуально-компьютерный статус, социальное измерение характеризуется усилением партикуляристских концепций коммуникативного взаимодействия в условиях пандемии COVID-19 и перевод их в виртуальную среду. В таких условиях уместно будет вспомнить концепцию ноосферы В.И. Вернадского, но ноосфера в современных условиях трансформируется в инфосферу, которая характеризуется взаимодействием интеллектуального и виртуального в обществе.

Конструкт современных интернет-мемов – это закономерности, механизмы реализации социального опыта. Выделим несколько таких закономерностей:

1) Трансляция коммуникативных стратегий в малых и больших социальных группах в аспекте базовых (традиционных, современных) явлений социального взаимодействия.

2) Экстраполяция содержания межличностного взаимодействия на процессы развёртывания политического глобализма для придания данным процессам статуса «народного», «мирового», «человеческого».

Культурная модернизация общества – сложный процесс комбинирования доминант различных культурных систем. Здесь необходимо учитывать степень интегрирования и взаимопроникновения концептов существующих в социуме культурных систем. Это качественный признак, по которому определяется *социокультурная гетерогенность макросоциума* - социальное явление, при котором наблюдается сочетание культурных традиций, явлений, принципов в одну макросоциально-культурную систему общества. В данном аспекте можно выделить форсированность экспорта элементов западной культурной системы в восточные путём создания медиа-структур, численность пользователей которых превышает 500-900 млн. человек и активного размещения на данных платформах продуктов, которые содержат в своей структуре элементы соответствующей культурной системы.

Одним из лидеров в распространении интернет-мемов, клипов является приложение «TikTok». В медиапродуктах данной платформы можно

наблюдать комплексное интегрирование эмоциональных явлений (юмор, трагедия, страх и т.д) с биосоциальным содержанием, что, в свою очередь, вызывает у тех или иных людей (в зависимости от аксиологической составляющей личности) соответствующую реакцию: положительное (смех, удовольствие), отрицательное (отвращение). Важным моментом в синтезе подобных медиаматериалов является *деинтеллектуальная интенция* – синтез видео (фото, аудио) материала, в котором целенаправленно создаётся биосоциальный аттитюд(раздражитель) без акцентирования внимания на содержание ролика, что, в свою очередь, «расслабляет» реципиента и минимизирует шанс на критическое осмысление полученной информации в силу превалирующего в сознании человека полученного биосоциального аттитюда(раздражителя). Причём акцент делается на манипулировании эмоциями и стимуляции сексуальной, агрессивной потенции индивида.

Проблема исследования продуктов массовой культуры приобретает характер глобальной. Мемы, в данном случае, это не просто модернизированный анекдот, это социально-культурная технология, имеющая фундаментально-прикладной статус в связи с попыткой использования при синтезе мема как социальных, так и психологических закономерностей и использование специальных платформ для их размещения, что позволяет смело говорить о институционализации мема как продукта массовой культуры в информационном обществе.

Социологизм в аспекте культурного глобализма предполагает проведение комплексного контент-анализа, изучения аксиологических, культурных доминант общества и наблюдения за динамикой эволюции продуктов массовой культуры – интернет-мемов, фильмов, клипов, а также порнографических материалов. Белорусская культурная система – сплав традиционных и современных элементов культуры, сопряжённых с национальным кодом развития. Процессы декодирования белорусской культуры в последнее время протекают форсированными темпами путём осуществления редукции концептов традиционализма, памяти и импликации элементов материализма в сочетании с практицизмом. В данном утверждении наблюдается определённое противоречие с существующими социокультурными реалиями. Почему? Культура в современном мире предполагает сплав тех или иных элементов. Попытка создания культурного «монолита» в многополярном мире приведёт лишь к его развалу по причине того, что реализация коммуникативных моделей в обществе является неопровержимым фактом его развития и благосостояния.

Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализируют проблему наличия культурного кода и необходимости его расшифровки, изучения механизма работы, особенностей функционирования. Культура стала все больше ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия [3, с. 216].

Библиографические ссылки

1. Мемепедия // Мемепедия [Электронный ресурс]. URL: <https://memepedia.ru/about-memes/> (дата обращения: 12.08.2020).
2. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Меметика>. (дата обращения: 12.08.2020).
3. Данилов А.Н. Культура как геном цивилизационного развития // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 215–222.

«GIVE-UP-ITIS» МИРА НОВЫХ МЕДИА: ПСИХОГЕННАЯ СМЕРТЬ ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ^{7*}

А. М. Бельский

*Центр социологических и политических исследований БГУ,
Ул. Академическая, 25, 220072, Минск, Беларусь
ksander_mogilev@mail.ru*

В статье автор на материалах репрезентативного республиканского социологического исследования представляет социальный портрет потребителей контента новых медиа, а также сопоставляет его с аналогичными характеристиками социальных субъектов, полностью отказавшихся от использования сети интернет. Отражаются и анализируются их отличия в разрезе половозрастной структуры, уровня образования, обеспеченности и места проживания. Производится социологическая интерпретация психологического конструкта «give-up-itis» с его реконструкцией в символической коннотации. Представленные материалы актуализируют разработку программ, направленных на включение старших возрастных групп в активное использование технико-технологических решений в повседневности.

Ключевые слова: *give-up-itis; новые медиа; медиапотребление.*

Стремительный рост популярности площадок функционирования новых медиа становится неоспоримой данностью современности. Только на начало две тысячи двадцать первого года аудитория Telegram, ранее характеризуемого как нишевый мессенджер для программистов, а ныне ни много ни мало самая популярная социальная платформа, превзошла отметку в полмиллиарда пользователей. При этом ежедневный прирост

⁷ Публикация подготовлена в рамках поддержанного БРФФИ проекта № Г20М-037

аудитории исчисляется значениями, превышающими миллион, а недавний сбой в виртуальной экосистеме Facebook только за один день привлек в мессенджер сразу семьдесят миллионов новых потребителей его функционала.

М. Кастельс уже давно отмечал то, что пространство сети интернет сегодня выступает не только средой коммуникации, но и куда более сложной организационной структурой современного сетевого информационного общества [1]. Контент социальных сетей и мессенджеров имеет в наших реалиях неоспоримое влияние на повестку дня, тогда как возможность доступа к нему, символический капитал в лице активной аудитории канала, выстраивают определенные иерархии статусов внутри многомерной структуры виртуального общества, которое уже сложно и вряд ли возможно отделить от реального. При этом мы наблюдаем новый вид иерархии, особенностью которого выступает отсутствие жесткости вертикальной связи. Высота верхнего уровня не воспринимается довлеющей, что становится фактором активного взаимодействия с ней сложноорганизованной горизонтальной плоскости, выступающей криэйтором и транслятором контента во многом на энтузиазме, при этом доверяя верхнему ярусу, потенциально «своим». Испанский социолог подчеркивает, что информационные каналы образуют сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность [1].

В тон ему выступают идеи Г. Рейнгольда, обращающего внимание на то, что паблики социальных сетей и каналы мессенджеров по своей сути выступают устойчивым предиктором, успешно трансформирующим атомарную совокупность социальных субъектов в устойчивую целостность, т.е. формируют рефлекслируемую толпу, но это новый вид толпы – «умная толпа» [2]. Такой вид толпы построен на слабых социальных связях, которые оказались мощным цементирующим субстратом. У рядового пользователя сильная связь может быть с не превышающим «число Данбара» количеством пользователей, однако тысячи виртуальных друзей в качестве слабой связи вполне релевантны для эффективной «вирусной» трансляции контента. Выпадение из виртуального информационного поля, в этом случае, во многом совпадает с ощутимым остракизмом от мира реального.

Исследовательский интерес в этом направлении вызывает социальный портрет тех, кто не является потребителем контента сети интернет (наиболее ярко представляется в сравнении с портретом адепта новых медиа). В число новых медиа мы общепринято включаем интернет-сайты,

социальные сети и мессенджеры. Представим некоторые результаты социологического исследования медиапотребления населения Беларуси, реализованного в 4 квартале 2020 года. Сбор информации реализовывался путем опроса «face-to-face» по репрезентативной национальной квотной выборке (пол, возраст, образование, населенный пункт). Объем выборки – 360 респондентов (18–79 лет), подобранных методом «snow-ball», ввиду труднодоступности респондентов в имеющихся эпидемиологических условиях.

Полученные данные подтвердили то, что ощутимая погруженность в сеть интернет не означает субъективное отождествление своего медиа-меню только с продуктами новых медиа. Для белорусских пользователей виртуального пространства характерно микширование источников информации, тогда как для четкости построения портрета необходимо учесть ту часть респондентов, которая использует преимущественно продукты новых или традиционных медиа. Для построения социального портрета исключим из совокупности данных тех, кто сочетает источники. При этом обозначим, что для более глубокого исследования медиапотребления, в будущих исследованиях важно уточнить, какой именно носитель использует респондент, если он отмечает, что обращается к традиционным СМИ, т.к. он довольно часто может быть электронным.

Потребитель контента новых медиа (процентное соотношение рассчитано в соотношении традиционных и новых медиа) скорее мужчина (51,4%), в возрасте 18-44 лет (18-29 – 35,5%, 30-44 – 39,9%), с высшим (32,6%) или средне-специальным (30,4%) образованием, проживающий в столице (32,6%) или областном центре (23,9%) и имеющий средний/выше среднего достаток (40,0% и 28,1 %). Приверженцем традиционных СМИ можно назвать скорее женщину (58,3%), чаще старше 60 (64,3%), реже 45-59 (29,8%) лет, имеющую общее среднее или среднее специальное образование (36,9 и 25,0%) и средний/ниже среднего достаток (46,4% и 40,5%), проживающую в сельской местности или городе численностью менее 199,9 тыс., менее 50 тыс. человек (25,0-20,2-20,2%).

При этом 18,6% респондентов рассматриваемого исследования обозначило, что не пользуется интернетом вообще. Отказавшимися от благ виртуального пространства выступают скорее женщины (56,7%), в возрасте 60 лет и старше (71,6%) – при этом четверть респондентов возраста 45-59 лет также не использует интернет в своей повседневности – имеющие начальное, неполное или общее среднее образование (58,2%), относящиеся к т.н. нижнему или базовому слою покупательской способности (43,3 и 43,3 %% соответственно). Доля таких респондентов увеличивается прямо пропорционально уменьшению численности

населенного пункта, т.е. если в столице их насчитывается порядка 14,9%, то в сельской местности уже 23,9%. В региональном разрезе выделяются гродненская и брестская области, имеющие значение порядка 20%, тогда как для других областей и города Минска значение ближе к 10%.

Справедливость полученного социального портрета подтверждают данные Национального статистического комитета за год, аналогичный году проведения социологического замера [3]. Более 60 % социальных субъектов в возрастной группе 65 лет и старше не используют сеть Интернет. При этом если в городах и поселках городского типа процент таких респондентов чуть более половины, в сельской местности его отметка находится на уровне 80%.

При описании социальных портретов пользователей сети Интернет и приверженцев традиционных СМИ как источников информации, ранее часто использовали клише «конфликт отцов и детей». Современные реалии говорят нам о том, что произошел сдвиг поколений, в результате которого «отцы и дети» солидаризировались, отделившись в выборе наиболее релевантных информационных источников от более старшего поколения. При этом внутри конструкта новых медиа возрастная вариация отражает порядок выделения его составляющих, т.е. младшая возрастная группа (18-29 лет) задает тренд и чаще использует мессенджеры (49,3%), чуть реже социальные сети (45,1%) и ощутимо реже интернет-порталы (34,6%). Однако приобщение к сети интернет «прародителей» происходит уже не так успешно, что и приводит нас к термину «give-up-itis», т.е. к тем, кого в современной психологической литературе называют сознательно сдавшимися [4].

Психологи отмечают, что социальный субъект может утратить способность к научению просто потому, что он устал бороться или чувствует, что положительный результат крайне призрачен [4]. В нашем случае Всемирная паутина в первом приближении для аудитории 60+ изначально выглядит чем-то непостижимым, при этом психологической травмой выступает неохотное желание помочь в процессе освоения обозначенного пространства более молодой аудиторией, являющейся активными пользователями его благ. Столкнувшись с раздражением, упреками или иезуитской помощью – «я лучше сделаю за тебя все сам, что нужно в интернете», наступает психогенная смерть потенциального пользователя виртуального пространства.

Данный термин и состояние не являются красивой метафорой, не связаны с депрессией, а лишь с осознанным актом отказа от борьбы, отказа от постижения нового через психологическое отрицание возможности его постичь. Изменения во фронтально-субкортикальном отделе головного

мозга приводят к снижению целеполагания и мотивации, которые в последующем вернуть крайне проблематично [5]. При этом если в психологии и психиатрии, прогрессирование такого состояние в итоге приводит к физической смерти человека [5], то реконструкция идеи в социальной плоскости в силах привести к символической социальной смерти, учитывая роль сети интернет в объективных процессах современного общества.

Приобщение старшего поколения к уверенному пользованию технико-технологическими решениями XXI века во многом связана с ролью в этом процессе их близких. Мы уже отметили солидаризацию в уровне усвоения нововведений между «отцами и детьми», поэтому на повестке дня ликвидация конфликта «детей и прародителей», каким бы порой непростым не было межпоколенное взаимодействие. Вместе с этим, обозначенное выступает и зоной ответственности государства, активно реализующего социальную политику. Совершенствование медицинской инфраструктуры с целью роста продолжительности жизни населения должно в полной мере сопрягаться с развитием социальной инфраструктуры, обеспечивающей качество этой жизни, важным элементом которого является включение в процессы, происходящие в виртуальном пространстве. Обозначенное, например, может быть включено в функциональность социальных служб и центров временного пребывания в качестве отдельного направления. В стороне не должен быть социально ответственный бизнес и волонтерские движения.

Однако, оценивая количество симулякров и манипуляций виртуального пространства, рассматривая такие явления как кибербуллинг, интернет-мошенничество, nth-room, невольно возникает вопрос: не является ли все же символическая социальная психогенная смерть в сети единственно верным путем к настоящей жизни?..

Библиографические ссылки

1. Рейнгольд Г. Умная толпа. Новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
2. Кастельс М. Гадактика Интернет: размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург. : У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Национальный статистический комитет Рекомендации по оформлению списка литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 21.10.2021).
4. Leach J. «Give-up-itis» revisited: Neuropathology of extremis // Medical Hypotheses №120, 2018. p. 14-21.
5. People can die from giving up the fight / Medical Xpress // University of Portsmouth [Электронный ресурс]. URL: <https://medicalxpress.com/news/2018-09-people-die.html> (дата обращения: 18.04.2020).

МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ В ХОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТУДЕНТОВ БГУ КАЧЕСТВОМ ПОЛУЧАЕМОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Велько

*Белорусский государственный университет,
Пр. Независимости 4, 220030, Минск, Беларусь
velko@bsu.by*

Научный руководитель: Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор.

Статья посвящена социологическому изучению удовлетворенности студентов качеством получаемого образования. В статье описана методологическая основа исследования удовлетворенности студентов Белорусского государственного университета качеством высшего образования. Особое внимание в статье уделено анализу частных показателей удовлетворенности получаемым образованием в вузе, а также оценке их вклада в общую удовлетворенность. Материалы, представленные в публикации, подготовлены по данным социологического исследования, проведенного среди студентов Белорусского государственного университета в мае – июне 2021 г.

Ключевые слова: *качество образования; студенческая удовлетворенность; социологическое исследование; удовлетворенность учебным процессом; социальная удовлетворенность.*

Если рассматривать процесс получения образования в высшем учебном заведении с точки зрения его социальной эффективности, то важным критерием, характеризующим данный процесс, является удовлетворенность студента качеством получаемого образованием. Как показывает анализ новейших публикаций, качество образования в целом и качество высшего образования в частности стало одной из самых популярных тем исследования многочисленных авторов из постсоветских государств (России, Украины, Казахстана и др.). Это связано с тем, что образование, в том числе и высшее, имеет большое значение для развития современного общества, создания интеллектуального потенциала и обеспечении жизненного благополучия [1, с. 66].

Автор занимается социологическим изучением удовлетворенности студентов Белорусского государственного университета получаемым образованием. Идея изучения удовлетворенности студентов качеством получаемого образования появляется в контексте рассуждений о социальной значимости университета и результатах его деятельности.

Разработаем теоретико-методологические положения для социологического исследования удовлетворенности студентов Белорусского государственного университета качеством получаемого образования. Заметим, что качество высшего образования выступает

именно социальной категорией и является многомерным понятием, охватывающим все стороны деятельности вуза: учебные и академические программы, учебную и исследовательскую работу, профессорско-преподавательский состав и студентов, учебно-материальную базу и ресурсы [2, с. 280]. Так, например, в своей педагогической теории Джон Дьюи предлагает рассматривать личность учащегося не изолированно, а как действующую в социальных взаимоотношениях и выделяет две стороны в образовательном процессе: психологическую и социальную. Психологический аспект образовательного процесса включает в себя исходный материал любого учебного процесса, а именно способности и характеристики учащегося, а социальный представляет взаимоотношения учащегося во время обучения. Для обучения и развития личности важны как психологическая сторона, так и социальный опыт, который приобретается через включенность в социальные отношения. Эти постулаты согласуются с идеями о социальной обусловленности обучения и важности взаимодействия преподавателя и учащегося.

В рамках социологического исследования удовлетворенности студентов Белорусского государственного университета получаемым образованием на первом этапе была проведена беседа со студентами 1, 2, 3 и 4-го курсов факультета философии и социальных наук. По результатам этой беседы была составлена анкета для изучения удовлетворенности студентов факультета философии и социальных наук и механико-математического факультета получаемым образованием. В онлайн анкетировании на межвузовском портале приняли участие 200 студентов факультета философии и социальных наук и 202 студента механико-математического факультета.

В качестве общей оценки удовлетворенности качеством высшего образования было решено использовать ответ на следующий вопрос: «В какой степени Вы удовлетворены качеством высшего образования в БГУ? Используйте 5-ти балльную шкалу, где 1 – абсолютно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен».

Проведенный опрос показал, что студенты выбранных факультетов в целом удовлетворены качеством обучения в вузе. Низкая (1–2 балла) удовлетворенность характерна только для 9 % студентов. Другими словами, доля студентов, неудовлетворенных качеством высшего образования, составляет в БГУ не более 10 %. Около 35 % студентов в целом удовлетворены качеством образования и обладают средним уровнем удовлетворенности в 3 балла. Большинство студентов БГУ (56 %) отметили в ходе опроса высокую и очень высокую удовлетворенность качеством получаемого образования (около 40 % – 4 балла и около 16 % – 5 баллов,

соответственно), что свидетельствует о том, что подавляющее большинство в основном удовлетворено качеством получаемого в БГУ образования на достаточно высоком уровне (см. Рис.).

Вопрос 3. В какой степени Вы УДОВЛЕТВОРЕННЫ качеством высшего образования в БГУ?
Используйте 5-ти балльную шкалу, где 1 – абсолютно не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен
402 ответа

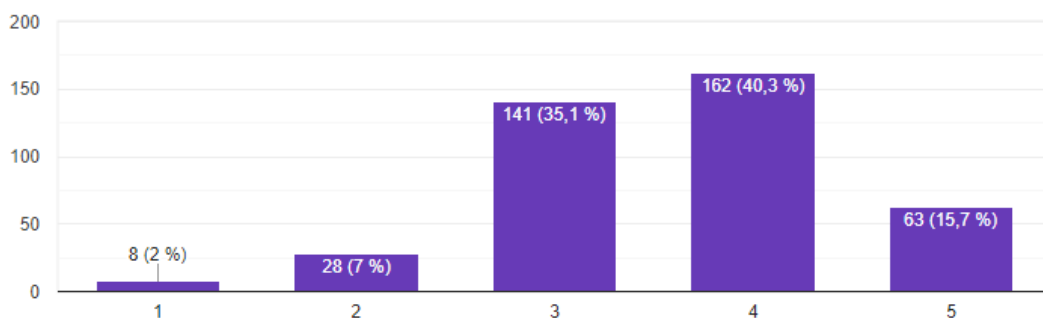

Рис. Степень общей удовлетворенности качеством высшего образования

Проанализируем частные показатели удовлетворенности получаемым образованием в вузе, а также оценим их вклад в общую удовлетворенность. После беседы с фокус группой было установлено, что удовлетворенность студентов качеством высшего образования имеет три измерения: удовлетворенность учебным (образовательным) процессом, социальную удовлетворенность, удовлетворенность деятельностью вуза по созданию благоприятной образовательной среды [3, с. 112].

Удовлетворенность образовательным процессом представляет собой удовлетворённость условиями, созданными для обучения в БГУ, удовлетворённость различными формами обучения в БГУ и удовлетворённость характеристиками читаемых курсов. Удовлетворённость условиями, созданными для обучения в БГУ была измерена как оценка следующих десяти аспектов (каждый аспект измерялся по шкале от 1 до 5, где 1 – абсолютно не удовлетворен, 5 – абсолютно удовлетворен): условия для обучения в аудиториях (вместимость, удобство, оснащённость аудиторий и т.д.); условия для дистанционного обучения (разработанность курсов на образовательном портале БГУ); доступность учебной литературы и материалов для обучения; возможность для участия в научных конференциях и семинарах; дополнительные занятия для более глубокого изучения профессиональных предметов; удобное расписание, с равномерным распределением учебной нагрузки; условия для практической подготовки по специальности; доступность Интернета на территории университета; возможность

обратиться за помощью в деканат, на кафедру или ректорат; условия для самостоятельных занятий и самообучения (доступность компьютерных классов, аудиторий для самостоятельных занятий и т.д.).

По каждому аспекту удовлетворенности образовательным процессом была показана высокая и очень высокая удовлетворенность. Лишь менее 14 % студентов показали низкую удовлетворенность (1–2 балла).

Удовлетворённость следующими формами обучения в БГУ: традиционные лекции; лекции в режиме диалога, дискуссии, мозгового штурма и в др. интерактивных формах; семинарские, практические занятия; лабораторные работы; рефераты; контрольные срезы знаний студентов; коллоквиумы; самостоятельная работа студентов; курсовые и дипломные работы; дистанционное обучение измерялась по шкале от 1 до 5, где 1 – ни по одному предмету, 2 – на меньшей части предметов, 3 – на половине предметов, 4 – на большей части предметов 5 – на всех предметах. Студенты наиболее удовлетворены традиционными лекциями, семинарскими, практическими занятиями и дистанционным обучением, а наименее удовлетворены рефератами и коллоквиумами.

При оценке наличия следующих характеристик читаемых курсов: актуальность и востребованность информации преподаваемой на занятиях; способность преподавателей заинтересовать студентов в процессе обучения; объективность оценки преподавателями знаний студентов; умение преподавателей излагать материал ясно, доступно, последовательно; умение преподавателей использовать дистанционные формы обучения; владение глубокими теоретическими и практическими знаниями; желание преподавателей использовать современные формы, методы, технологии обучения (авторская подача материала, эвристические задания); желание преподавателей находить индивидуальный подход к каждому студенту; умение преподавателей использовать современные информационные технологии; наглядность изложения материала (презентации, пособия, рассмотрение практических примеров) использовалась 5-ти балльная шкала, где 1 – ни по одному предмету, 2 – на меньшей части предметов, 3 – на половине предметов, 4 – на большей части предметов 5 – на всех предметах. Только по двум характеристикам: желание преподавателей находить индивидуальный подход к каждому студенту и желание преподавателей использовать современные формы, методы, технологии обучения (авторская подача материала, эвристические задания) большинство студентов отметили, что эти характеристики используются на половине предметов, причем остальные характеристики используются либо на большей части предметов, либо на всех.

Рассмотрим социальную удовлетворенность. Она характеризуется удовлетворенностью отношениями студента с другими студентами, удовлетворенностью отношениями студента с преподавателями, удовлетворенностью внеучебной деятельностью. Большинство студентов БГУ (92 %) отметили в ходе опроса высокую, очень высокую или среднюю социальную удовлетворенность.

Удовлетворенность деятельностью вуза по созданию благоприятной образовательной среды была измерена как средняя оценка девяти аспектов (каждый аспект измерялся по шкале от 1 до 5, где 1 – абсолютно не удовлетворен, 5 – абсолютно удовлетворен): 1) Организация питания в учебных корпусах; 2) Возможности для занятий спортом (оснащенность и доступность залов и т.д.); 3) Доступность медицинской помощи; 4) Возможность пользоваться библиотекой; 5) Возможность получения общежития; 6) Возможности для получения материальной поддержки (наличие стипендий, разовых выплат и пр.); 7) Удобное расположение учебных корпусов; 8) Возможность получения путевок в оздоровительные учреждения (пансионаты, санатории, профилактории и т.д.); 9) Доступность психологической помощи. Меньшинство студентов БГУ (15 %) отметили в ходе опроса низкую или очень низкую социальную удовлетворенность деятельностью вуза по созданию благоприятной образовательной среды.

Таким образом, развитие теории и методологии изучения удовлетворенности студентов качеством получаемого образования является актуальной задачей для исследователей высшего образования и отражает потребности эмпирических исследований, реализующихся в практических целях.

Библиографические ссылки

1. Велько О. А. Изучение удовлетворенности студентов БГУ получаемым образованием (методологический аспект) // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. Вып. 8: Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи / под науч. ред. И.И. Калачевой. Минск : РИВШ, 2020. С. 64–68.

2. Велько О.А. Современные подходы к социологическому изучению удовлетворенности студентов БГУ качеством образования // Социологический нарратив 2021: Общество в контексте новых вызовов: риски и возможности: Сборник статей по материалам XX Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов: РГГУ, 2021. С. 277-283.

3. Велько О.А. Социологический онлайн мониторинг удовлетворенности студентов БГУ качеством получаемого образования // Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. Выпуск 9. Минск : РИВШ, 2021. С. 109-114.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

М.И. Веренич

ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
Ул. Сурганова, 1 к. 2 г. Минск, Беларусь
lad05@yandex.ru

Проблематика памяти является сегодня актуальной и хорошо разработанной темой. Однако этого нельзя сказать о методах и формах ее фиксации и интерпретации. Тема фиксации и интерпретации воспоминаний свидетелей событий и формирования коллективной памяти группы, страты, рода, нации привлекает внимание ученых-гуманитариев, но осмысливается в основном в теоретическом аспекте и в привязке к тематике Второй мировой войны. Нами предпринята попытка актуализации метода качественных исследований памяти с целью ее универсального применения к различным историческим и культурным событиям и датам на локальном, территориальном, региональном, государственном и общемировом уровне.

В рамках имплементации данной методики исследования памяти можно выделить составляющие памяти: память как институт, как информационная система и как система социально-культурной деятельности и ряд критериев анализа памяти: территориальная локализация (региональная, общереспубликанская или мировая), хронологическая локализация (период до XX в., XX столетие, постсоветский период), тип (личность, событие, место), тематика (сфера, событие).

Такого рода анализ позволит выявить наиболее востребованные символы памяти и сделать выводы об отдельных направлениях сохранения и популяризации памяти и ценностных стратегиях современной политики памяти.

Ключевые слова: *память; культура; культурная память; социальная память; коммеморация; качественные исследования.*

Изучение концепта памяти является достаточно распространенным в ряду социально-гуманитарных исследований на протяжении последних ста лет.

Работы М. Хальбвакса [1], П. Нора [2], [4], А. Ассман [3], А. Эткинда [4] и других авторов, считающиеся базовыми и классическими для современных исследований памяти, формируют общие эпистемологические рамки междисциплинарного направления исследований под названием Memory Studies.

Несмотря на многочисленные попытки анализа и многочисленные изданные тексты, единого подхода к осмыслению и разъяснению ее сущности и ее функциональной нагрузки так и не выработано. Однозначно есть водораздел индивидуальная и коллективная память и различные их ответвления. Различные дисциплины видят память индивида то в человеческом мозге (нейрология и нейробиология), то в психике

(психология, когнитивная психология) то в социально-культурном аспекте (философия, социология, культур-антропология). Индивидуальная память не локализуется только в голове, а к процессу воспоминаний причастны как органы чувств, так и возникающие вне тела человека ощущения, запускающие сами процессы памяти, воспоминания: запахи, звуки, изображения, слова, вкусовые ощущения, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни [5].

До сих пор происходит обсуждение и операционализация основных понятий «память», «забвение», «индивидуальная память», «коллективная память», «социальная память», «культурная память», коммеморация и т.д.

Уже Платон, Аристотель, Августин рефлексировали над некоторыми концептами. Изучение индивидуальной памяти и механизмов сохранения общественной и социально значимой информации и передача ее другим переросло в изучение социальной, коллективной, исторической, культурной памяти. Историческая память, память коллективная (социальная), хранящие накопленные в процессе развития человечества опыт и транслирующие культурные ценности из поколения в поколение, стали выделяться в отдельные направления научного интереса уже с XVII века. В учениях Бэкона и Декарта происходят попытки создания универсального метода осмысления феномена памяти. Чуть позже активизируются социологи Э. Дюркгейм, М. Мосс, Л. Леви-Брюль и др. А. Моль рассуждает о «памяти мира», а Г. Шуман и Ж. Скотт формулируют определение «коллективная память поколений». Также термин «коллективная память» использовал основатель школы «Анналов» М. Блок.

В статье «Индивидуальные и коллективные представления» (1898 г.) Э. Дюркгейм отвергал исключительно физиологическую природу памяти и относил ее к области психической жизни, обосновал, что само существование памяти является доказательством существования «коллективных представлений», а сама «психическая память» выступала, по его мнению, свидетельством существования индивидуальных представлений. Дюркгейм подчеркивал важность понимания того, что представления способны сохраняться в сознании, а не возникают каждый раз заново, но при этом в определенной мере независимы от него, поскольку зачастую остаются в

Понятия «коллективная память», «историческая память», «социально-историческая память», «культурно-историческая память» использовали в своих работах как отечественные, так и зарубежные исследователи: Л. Н. Гумилев, И. В. П. Берк, Л. Февр, Р. Шартье., И.С.Майр.

Во всем многообразии социальных и гуманитарных исследований, авторы которых затрагивают понятие «память», подразумевая при этом совершенно разные вещи, можно обнаружить нечто общее. Однозначно, память - это способ конструирования людьми своего прошлого. С одной стороны, она может изучаться как память-свидетельства людей, переживших некий опыт, например, выживших в холокосте. С другой стороны, это понятие используют для анализа репрезентаций прошлого и его конструирования через средства передачи памяти - книги, фильмы, памятники, церемонии и т. д.

Возникает вопрос технологий и методов исследования памяти. Основные из них это - методология социальной и культурной антропологии, философско-антропологические принципы исследования культуры, как многовекторной подвижной системы, это структурно-семиотический подход, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы. При анализе философских и социологических концепций памяти важно использовать герменевтику как метод интерпретации смыслов, толкования и соотнесения идей с культурным и мировоззренческим контекстом, компаративистский подход, позволяющий выделить две основные парадигмы в рассмотрении феноменов памяти (классическую и неклассическую), а также прикладные методы. При описании современных практик памяти, конструирующих социокультурное пространство и время зачастую используется социально-феноменологический метод, разработанный Я. и А. Ассман применительно к анализу культурной памяти, а также, топология П. Бурдьё, указывающая на телесный характер культурных практик памяти и забывания, реализующихся в процессе взаимодействия людей.

Но и в 21 веке дискуссионными остаются вопросы интерпретации различных коннотаций и нарративов памяти, направленности ее изучения, представления о ее функциях и роли в сообществах, социуме либо современном социокультурном пространстве в целом.

Здесь можно сослаться на цитируемый Алейдой Ассман в книге «Новое недовольство мемориальной культурой» фрагмент историка Райнхарда Козеллека: «У меня нет воспоминаний, не обусловленных личным опытом. Я бы даже сказал, что каждый человек имеет право на собственные воспоминания. Это право на собственную биографию и собственное прошлое; данное право нельзя отнять никакими ссылками на коллективность и гомогенизацию, никакими требованиями или ожиданиями. Мое воспоминание есть нечто совершенно иное, нежели то, что является частью официальной коммеморации немецкого народа 27 января, в день освобождения Аушвица советскими войсками» [6, с.17].

Здесь мы имеем выход на культуру, культурную память и коммеморацию. Главная идея состоит в трактовке культуры как особого рода языка (ценностей, знаний, норм, требований), освоение которого связывает новые поколения людей со всей предшествующей историей, позволяет новым поколениям овладевать опытом прошлых поколений и приумножать его. “Чтобы культура существовала, чтобы принятые в данном обществе образцы, нормы, ценности могли поддерживаться, надо их сохранять”. Таким образом, поддержание “социальной памяти” рождает целую систему социальных институтов, вырабатывающих и сохраняющих ценности, нормы, требования, санкции.

Основную роль в этом призваны сыграть система образования и семья, как самые действенные институты социализации.

Такой подход позволяет развивать связь между образованием, воспитанием и культурой с одной стороны, и воспроизводством исторического опыта людей в конкретном регионе, местности, в связи с определенными событиями, с другой стороны. Отсутствие этой связи приводит к тому, что люди перестают понимать смысл своей жизни именно в данном регионе, на данной территории, в данном социокультурном пространстве.

Позже эта идея нашла свое отражение в теории «исторической памяти» Ю.Н.Давыдова. Согласно этой теории, вопрос об исторической памяти - это вопрос о «сокровенной сути», о том, что делает народ - народом, культуру - культурой, человека - человеком. Человеческая специфика памяти, по его мнению, связана с тем, что люди одновременно принадлежат к культуре, которая служит основой их социализации и отличия человеческих форм общности от “естественных общностей”.

Сама память представляется трехмерным социокультурным образованием, где формируются различные по своей структуре культурные и исторические продукты, артефакты, способствующие ее сохранению:

это уникальный институт, созданный людьми для воспроизводства материальных и духовных ценностей цивилизации (учреждения культуры, музеи архивы, фонды и банки информации); социальной памятью образуются артефакты порядка общества;

это всеохватывающая информационная система, где действуют особые закономерности сохранения, переосмысления и воспроизведения информации о прошлом;

память может быть представлена в виде сложной системы социокультурной деятельности.

Именно с учетом вышесказанного важны механизмы фиксации и меморизации ежедневного опыта, личных воспоминаний индивида,

транслируемых в будущем в воспоминания, ценные кирпичики социальной, культурной памяти социальной группы, страты, рода, нации в целом.

И сегодня, при тотальной цифровизации и технологизации, обилии технических средств записи и воспроизведения информации важно найти способы фиксации, аккумулирования, анализа, обобщения и интерпретации личного опыта, переживаний, понимания текущего момента. Реализовать это возможно через качественные методы социологии, которые сейчас, к сожалению, крайне редко используются, хотя именно в связи с носителями социальной информации (технические системы, социальные связи, предметы культуры, язык) выстраиваются программы социальной памяти, структурируются артефакты социально-культурного, исторического и информационного пространства.

Один из методов качественных исследований является качественный сравнительный анализ (QCA), который применяется сравнительно недавно (1987г.), но получил широкое распространение, в том числе в разных областях гуманитарных исследований. С 1987 г., то есть с момента появления, примерно до 2013 г. эта стратегия использовалась более чем в 750 исследованиях [7].

В основе качественного сравнительного анализа лежит булева алгебра, которая предполагает анализ эмпирических данных путем формализации качеств («причин» и «следствий») с помощью высказываний, оцениваемых как истинные (наличие качества) или ложные (отсутствие качества), их сведение в таблицы истин, а также анализ таблиц истин путем различных процедур, в частности, минимизации логических выражений.

Этот тип анализа возможен, в том числе, и в рамках фиксации личного опыта воспоминаний, оценки событий, связанных с памятью.

В Республике Беларусь исследования памяти чаще всего касаются событий Второй мировой войны. Например **«Историческая мастерская имени Леонида Левина» в рамках качественных исследований изучает** ранее неизвестные или мало изученные в Германии и Беларуси события истории Второй мировой войны, особенно об узниках Минского гетто и лагеря смерти Малый Тростенец, фиксирует и публикует личные воспоминания свидетелей.

В указанном контексте, нам представляется интересным для изучения проект «Актуальные практики памяти: концептуализация прошлого и конструирование идентичности в современной культуре Казахстана» (2015-2017), который стал одним из первых комплексных теоретико-

методологических исследований в данной сфере на всем постсоветском пространстве и связан с концепцией памяти народа в целом.

Сохранение актуальной и достоверной информации о прошлом позволяет формировать интеллектуально-духовные артефакты, социально-знаковые системы и символы, призванные формировать своеобразные коды, матрицы общественного сознания, мировоззрения своего времени в контексте эпохи.

Библиографические ссылки

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти //М.: Новое издательство. 2007. Т. 278.
- 2 Нора П. и др. Проблематика мест памяти //Франция–память/П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок.–СПб.: Изд–во С.–Петерб. ун–та. 1999. С. 17-50.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – Новое Литературное Обозрение, 2014.
- 4 Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма //М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
6. Алейда Ассман. Новое недовольство мемориальной культурой. Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.232 с.
7. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: НесторИстория, 2018. 224 с.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО

О.Н. Корело

*ГУО «Республиканский институт высшей школы»,
Ул. Московская, 15, 220007, Минск, Беларусь
korelo08@yandex.ru*

В статье предложен обзор основных цифровых систем, которые участвуют в оценке эффективности научной деятельности ученых. Рассмотрен ряд метрик современных информационных баз данных, формирующих научный рейтинг исследователя и аффилированных с ним организаций. Объектом исследования выступает научная публикация как источник нового знания. Целью является изучение количественных методов оценки научного знания по средствам измерения показателей электронных баз данных.

Ключевые слова: *информационные технологии; наукометрия; базы данных; научная публикация; метрики; индекс научного цитирования.*

Современное информационное общество имеет один характерный признак – массовое потребление цифровой информации. Производство нового цифрового продукта способствует активному развитию всех

секторов экономики, в том числе науки и образования. В условиях цифровой трансформации теоретическое знание выступает локомотивом инноваций, источником инвестиций в человеческий ресурс и профессиональные знания.

Современное общество, опираясь на взаимосвязанные технологии (*интернет вещей*), неограниченное информационное пространство (*Big Data*), умные механизмы (*искусственный интеллект*) с расчетом на безопасность функционирования этих систем (*кибербезопасность и конфиденциальность*) формирует блок технологических запросов, основанных на инновационных процессах, которые могут быть обеспечены актуальным научным знанием. В этих условиях перед преподавателем стоит задача трансформации учебного материала в электронный ресурс. Распространяя знания на электронных носителях, система образования формирует базы данных, которые позволяют не только расширять систему образовательного контента (продукта), но и развивать науку, производить оценку результатов учебной и научной деятельности.

В цифровизации образования и науки активно развиваются системы подсчета показателей эффективности деятельности ученых и молодых специалистов.

Прежде всего речь идет о *наукометрии* (англ. scientometrics) как области науковедения, в системе которой проводятся исследования науки количественными методами [1]; научная дисциплина, изучающая эволюцию науки через многочисленные измерения и статистическую обработку научной информации (количество научных статей, опубликованных в данный период времени, цитируемость и т. д.) [2; 3].

Системой измерения научного знания выступает *библиометрия*, которая в своей работе использует математические и статистические методы изучения книг, периодических изданий и прочих публикаций [4]. *Библиометрия* (от греч. *Biblion* – книга и *metron* – мера, *metreo* – измеряю) – направление в исследованиях науки, связанное с количественным анализом документальных потоков [5]; в ее системе анализируется распределение публикаций по времени, областям знания, географическим регионам, что позволяет выявить связи между объектами, провести их классификацию. Статистический анализ публикаций и их цитирование, по мнению А. Беленького, позволяет определить эволюцию закономерностей и темпов развития различных отраслей знания [6].

Вебометрия связана с изучением параметров web-пространства и выявлением в нем информационных профилей и структур [6].

В системе информатизации научного знания необходимо назвать *киберметрию* как более поздний термин вебометрии. Киберметрия (от

англ. Cybermetrics) – анализ потоков киберинформации (всех видов медиаинформации) с использованием наукометрических, библиометрических и информационных подходов. Область, которая отражает новые возможности по обработке информации, хранимой в электронном виде, и ее визуализации. По мнению А. Беленького, киберметрия дала новый импульс развитию инфометрии и наукометрии. «Появление баз данных и компьютерных методов анализа хранимой в них информации... позволило ввести ряд новых количественных критериев для оценки состояния науки в целом и отдельных ее областей, а также оценить вклад различных стран в общемировой прогресс» [6].

Инфометрия, согласно Википедии, – это дисциплина, предметом которой являются количественные измерения хранимой и используемой информации.

И наконец, *альтметрики* – новые методы наукометрии, которые оценивают результаты исследовательской деятельности не на основе числа цитирований публикаций в научных журналах (академический вес, *scholarlyimpact*), а по их присутствию, упоминанию и использованию в интернете и традиционных СМИ (общественный вес, *socialimpact*) [7]. По альтметрикам возможно измерить уровень внимания к результатам научного труда (скачивания, просмотры публикаций), их распространение (обсуждение в блогах и на форумах, упоминание в новостях, репосты в социальных сетях), а также какое влияние они оказывают на общество (например, ссылка на научную публикацию в экспертных заключениях и правительственных документах) [7].

Научная публикация сегодня – это не только требование публичного представления результатов научных исследований, но и средство повышения статуса ученого. Кроме того, публикация в мире научных коммуникаций позволяет представлять новые научные методы и разработки, результаты исследований как в традиционном печатном формате, так и цифровом, безгранично расширяющем горизонты научного знания.

Библиографические базы данных о научных публикациях позволяют подсчитывать количественные показатели и определять рейтинги для отдельных научных работников, подразделений и организаций. По числу библиографических ссылок на авторов (их цитируемости) рассчитывается эффективность вклада отдельных стран в развитие современной научной мысли, их влияние на мировой информационный поток. Здесь намечается определенная конкуренция, что заставляет авторов активнее осваивать новые базы данных.

На примере академической мобильности ведущих университетов Беларуси (БГУ, БНТУ, БГЭУ, БГУИР) вы можете видеть на графике рост публикационной активности научного сообщества в период с 2011 по 2020 гг. (см. рисунок 1, 2), что стало возможным благодаря новым информационным платформам, среди которых наиболее популярная на постсоветском пространстве Elibrary.ru. Для сравнения в выборке представлены учреждения Республики Беларусь, в которых наиболее активно проявился интерес к рейтинговым информационным технологиям.

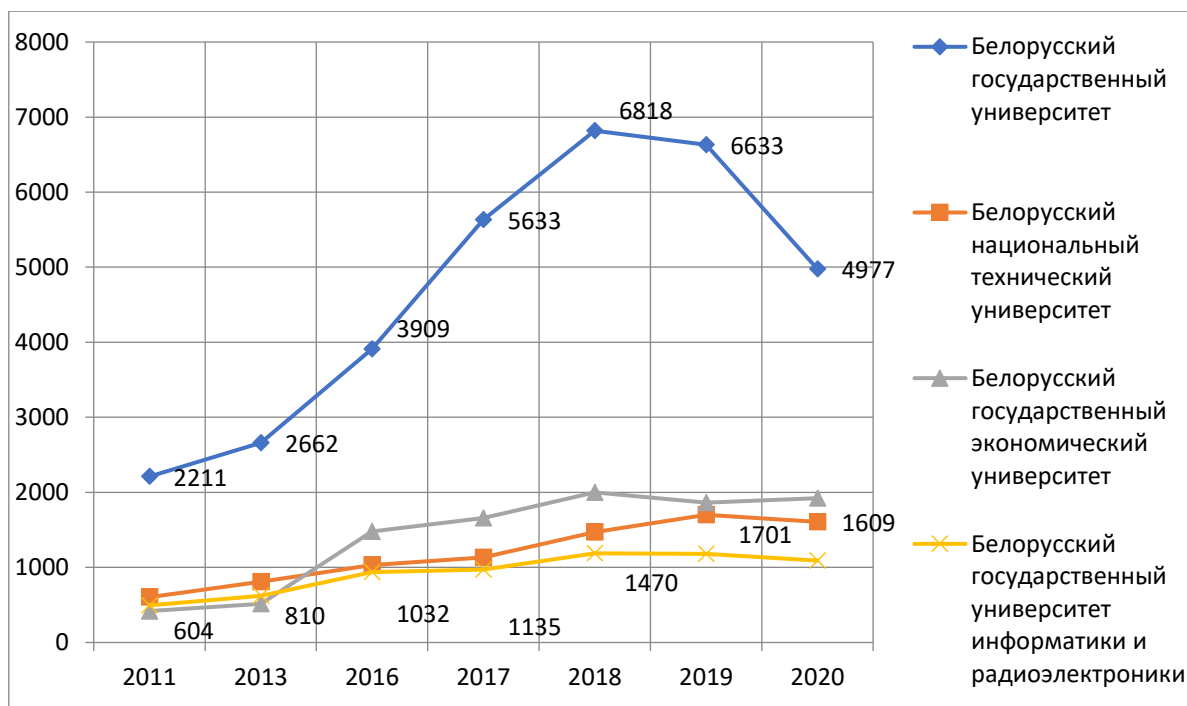

Рис. 1. Число публикаций учреждений образования в базе Elibrary.ru
 Источник: собственная разработка на основе данных Elibrary.ru

Сегодня можно констатировать, что информационные технологии обеспечивают современные образовательные платформы новым знанием, которое расширяет научные коммуникационные каналы. Изменяются формы и требования к научным публикациям, форматы признания научных результатов и их обсуждение выходит за границы узкого академического сообщества. Традиционные наукометрические методы оценки научных публикаций расширяют свои границы и создают новые формы. В расчете научного рейтинга участвуют не только статьи в академических журналах, но и учебные материалы, наборы данных, препринты, видеоролики, записи в блогах, фотографии и пр.» [7]. Разнообразие методов и форм учета научного знания активизирует научную

коммуникацию в глобальном пространстве, синтезируя науку и создавая междисциплинарные связи.

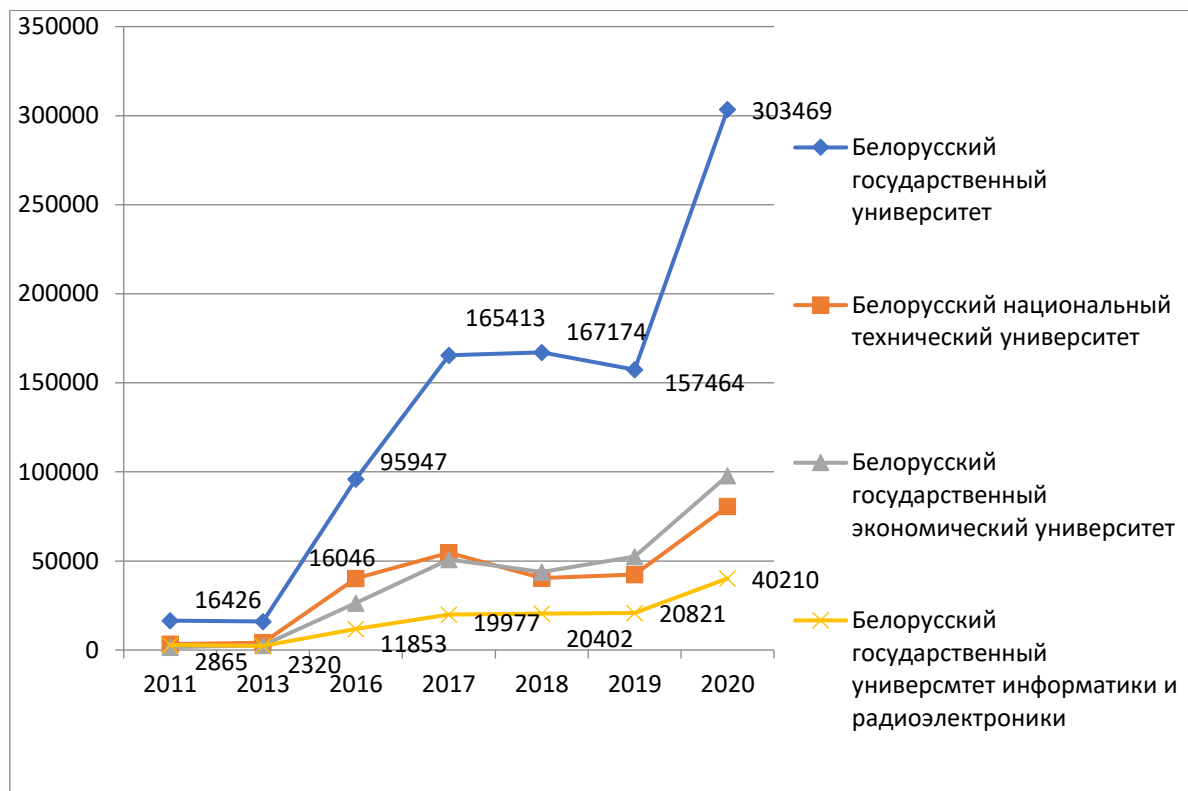

Рис. 2. Число просмотров публикаций учреждений образования в базе Elibrary.ru
Источник: собственная разработка на основе данных Elibrary.ru

Библиографические ссылки

1. Огурцов А. П. Науковедение // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М., 2017. Т. 22.
2. Наукометрия // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p. (дата обращения: 02.09.2021).
3. Мирский Э. М. Наукометрия // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010.
4. Bibliometrics. OECD Glossary of Statistical Terms [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki. (дата обращения: 20.09.2021).
5. Библиометрия [Электронный ресурс]. URL: epistemology_of_science.academic.ru. (дата обращения: 12.09.2021).
6. Беленький, А. Визуализация в инфометрии – красота, да и только [Электронный ресурс]. URL: compress.ru/article.aspx. (дата обращения: 14.09.2021).
7. Еникеева, А. Внимание и влияние: альтметрики как способ их измерить [Электронный ресурс]. URL: okna.hse.ru/news/204207440. (дата обращения: 12.09.2021).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ

Н.Н. Малишевский

*ГУО Республиканский институт высшей школы,
Ул. Московская, 15, 220007, Минск, Беларусь
kftuionihe@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению социологических опросов в рамках эмпирических исследований как эффективных политтехнологических инструментов формирования индивидуального и массового сознания.

***Ключевые слова:** опрос; социологические опросы; политтехнологии; массовое сознание.*

Социологические опросы могут выступать в качестве эффективных политтехнологических инструментов формирования как индивидуального, так и массового сознания. Этому, даже вне политтехнологического контекста, способствуют уже сами вопросы опросников и своего рода эмпиричность, которые составляют содержание социологического опроса.

Вопросы социологического исследования, сами по себе являющиеся ценностным суждениями или пристрастными по содержанию, способны создавать установочные рамки, в которые респондент попадает уже в силу своего участия в процессе. Еще существеннее то, что это влияние распространяется и на тех, кто непосредственно не принимает участия в опросе. Соответственно, определенному влиянию, когда публикуются или передаются через масс-медиа результаты социологических исследований, могут подвергаться очень крупные социальные группы и регионы. Таким образом, даже пассивный процесс соцопроса может служить инструментом формирования мнения не только его непосредственных участников, но и миллионов других людей, узнающих из опросов, каковым, к примеру, должно быть отношение нации к тем или иным политическим проблемам.

Эмпирическое исследование, осознаем мы это или нет, всегда предполагает существование какой-то изначальной концепции. Выбор объектов исследования и определение подхода включают неэмпирическую оценку, равно как для интерпретации результатов и их практического использования необходима концептуальная система, такая, которой подойдут ответы, полученные в результате эмпирических исследований. Вывод этот подкрепляется и положениями теории информации: в науке не существует «фактов»; только бесконечность

возможных вариантов, из которых нужно сделать выбор, а выбор того или иного варианта не может не определяться «гипотезами» выбирающего.

В политтехнологическом смысле знание, как таковое, не имеет ценности. Все знания без исключения служат средством достижения какой-то цели. С точки зрения теории информации – информация заключена во всем, но знания образуются лишь в контексте применяемой для достижения каких-то целей системы. Следует отметить, что влияние интервьюера на респондента есть в любом социологическом вопросе. Однако если в грамотном, научном опросе исследователи стремятся сгладить воздействие вопроса, выявить реальное общественное мнение, то в случае использования соцопроса как как политтехнологического инструмента, в вопрос заложен прогнозируемый ответ, не имеющий альтернатив.

Кроме того, как и всякое другое, входящее в политическую систему общества, а значит предельно медиатизированное, искусство проведения социологических опросов может не быть нейтральным. Прежде всего, если проводящая их организация, получив заказ на проведение исследования отталкивается от того, что хотелось бы финансирующему его заказчику и, исходя из этого, формулирует вопросы. Например, в процессе избирательных кампаний социологические опросы могут легитимизировать определенных кандидатов и определенные проблемы и соответственно выбивать почву из-под ног у других кандидатов и проблем, тем самым определяя содержание политических процессов в соответствии с их собственными, точно не установленными критериями.

В качестве уже ставшего «классическим» в западной социологии примера подобного явного введения в заблуждение можно привести социологический опрос службы Гэллага на тему: «Кто, по-вашему, из этих двух политиков — Ричард Никсон или Губерт Хэмфри — способен быстрее решить проблему войны во Вьетнаме?». При этом уже в 1968 году во время проведения этого опроса было ясно, что ни один из названных политиков не намеревался всерьез решать данный вопрос.

Социологические опросы, проводимые ангажированными институтами и другими социологическими службами, зависящими от оплачивающего их заказчика, стремятся навязывать электорату определенных политиков или кандидатов в качестве «фаворитов» и, соответственно, выбивать почву из-под ног у других политиков, тем самым, определяя содержание политических процессов в соответствии с их собственными критериями. Кроме того, структуры, занимающиеся проведением социологических опросов и зондажей, могут, используя своеобразную

тактику опережения событий, не только создавать событийный «феномен», но и способствовать навязыванию журналистам «правил игры», так как предоставляют им возможность говорить как бы от имени общественного мнения, основанного на результатах опросов. Именно поэтому, в ряде стран введена заслуживающая внимания практика - публикуя результаты социологических исследований, так или иначе имеющих отношение к выборам и политическим кампаниям, масс-медиа, помимо прочего обязаны указывать - кто заказал опрос и кто оплатил его публикацию.

Человек сам по себе – существо социальное, соответственно «поведение людей не может не зависеть от теорий, которых они сами придерживаются... наше представление о человеке влияет на поведение людей, ибо этим определяется, что каждый из нас ждет от другого... представление способствует формированию действительности»[1, с.30]. Однако и абсолютизировать силу воздействия соцопросов не следует. Ведь построить талантливую политическую кампанию, слепо следуя лишь данным социологических опросов, может просто не получиться. В качестве наглядной иллюстрации этого можно привести слова президента США Гарри Трумена: «Интересно, как далеко бы продвинулся Моисей, если бы начал проводить опрос в Египте? Что бы проповедовал Иисус Христос, если бы он провел опрос в Израиле? Как далеко продвинулась бы Реформация, если бы Лютер провел опрос? Важен не сам опрос или сиюминутные настроения общественности. Эпохи в истории мира делают люди — смелые, честные, верящие в правоту своего дела».

Библиографические ссылки

1. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.

ЛИЧНОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОГО ИГРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Д.С. Мальцева

*Белорусский государственный университет,
Ул.Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
daryamaltseva@gmail.com*

Научный руководитель: Купчинова Т.В., кандидат социологических наук, доцент

Исследование формирования личностной идентичности и личностной трансформации имело место со времен Аристотеля. В обществе постмодерна с углублением проникновения информационных технологий в жизнь общества в практику бытия вошла виртуальная реальность. Для современного игрового виртуального пространства характерны социальные процессы, нормы и порядки, которые являются значимыми для индивида, погруженного в данное пространство.

Так, виртуальное игровое пространство стало не только средством проведения досуга, но и средой личностной трансформации вовлеченных в нее индивидов. Актуальность изучения трансформации личности в виртуальном игровом пространстве обусловлена возрастающей ролью игровой индустрии в повседневности, а также возрастающим жанровым разнообразием игр.

Ключевые слова: личностная идентичность; личностная трансформация; виртуальное пространство; игра; конструирование идентичности.

Игровой мир – особый мир значений и смыслов, исследование которого носит междисциплинарный характер. Виртуальное игровое пространство не только позволяет переместиться в иные миры, исторические периоды, приобрести уникальные способности, но и расширяет границы для социальных взаимодействий и дает возможность непосредственно участвовать в построении механизмов социального взаимодействия в игровой среде. Немаловажно и конструирование желаемого внешнего облика персонажа в игровом виртуальном пространстве включая выбор гендерной и расовой принадлежности, а также происхождения и истории героя.

Особенностью виртуальных игровых пространств является заимствование содержания и механик из трудовой деятельности и социокультурных практик повседневности того ли иного народа. Так важной частью игровых миров в целом и виртуальных игровых пространств, в частности, являются нарративы, которые конструируют повествование и общую историю мира [1].

Виртуальная игра, благодаря своим временным и пространственным возможностям, позволяет за короткий период перепробовать, примерить на себя разные роли, освоить эмпирически окружающий мир, через уподобление предметам, вещам, объектам окружающего мира. Игровой мир также имеет свои нормы и правила, которые обеспечивают нужное действие игры и могут отличаться от тех, которые приняты за пределами игрового мира. Несогласный с правилами и нормами не имеет возможности продолжать игру. Действие в пределах установленных правил заставляет игроков находить выход из ситуаций в рамках определенных границ. С одной стороны, подражание, а с другой – интерпретация и способствуют вовлечению и реальному проживанию субъектом конкретной игровой роли.

Необходимо отметить, что для игрового виртуального пространства характерна трансмедийность. Под этим понимается процесс деления информации (или истории) и распространение ее на множестве различных платформ таким образом, чтобы на каждой из них передавалась только часть всей информации. Так, для полного погружения в игровой мир

используется не только игра как таковая, вместе с непосредственными игровыми взаимодействиями применяются взаимодействия на других платформах. Виртуальное игровое пространство может дополняться за счет выпуска литературных произведений, фильмов, анимационных роликов и других материалов, раскрывающих историю игрового мира. Так виртуальное игровое пространство имеет воплощение не только непосредственно в самом себе, но и в других измерениях, где игрок может все еще оставаться причастным к игровому миру, хотя и находясь за его пределами. Также стоит отметить, что посредством использования атрибутики игры за ее пределами игрок идентифицирует себя как часть того или иного игрового мира перед индивидами, которые не причастны к игре.

Игра сама по себе является всеобщим принципом конструирования личностной идентичности, основываясь на том, что она служит способом понимания себя посредством развертывания в игровом действии своего отношения к «Другому». Согласно Й. Хейзинге актер или же игрок, находящийся уже как бы за пределами обычного мира благодаря надетой маске, «сам словно бы перемещается в иное «я», которое он уже не представляет, а осуществляет, воплощает» [2]. Данная особенность игры и позволяет трактовать ее как способ конструирования личностной идентичности посредством деятельностного развертывания собственного «Я», хотя и осуществляющегося в форме другого «Я», так как в процессе деятельностного развертывания «Другого» личность реализует и свои возможности. Подтверждение этому мы находим в герменевтике Х.Г. Гадамера, который видит суть игры в «самоизложении, самоизображении» субъекта [3].

Концепты теорий игры З. Фрейда, построенные на реализации вытесненных желаний, прежде всего, указывают на идентификационные возможности игровых практик, позволяющих реализовывать в игре то, что не удастся в повседневности. Как реальная прикладная действительность, игра редко в данном контексте приносит самодостаточность и полноценность, она чаще является не способом жизни, а становится убежищем от нее. Также это применимо и к виртуальному игровому пространству, что выделяет и М. Гриффитс. В исследовании М. Гриффитса проведенного в 1998 г., выделено два типа мотивационного поведения, привлекающего людей к компьютерной игре, виртуальному миру. Первый тип игрока играет ради получения удовольствия от игры, ему интересны игровые механики, достижения, победы и игровой прогресс. Индивид при этом не отказывается от других форм реальности, игра не является для него центральным элементом существования. Игра – досуг, развлечение,

приятное времяпрепровождение, способствующее самопознанию, самовыражению, саморазвитию и тренингу определенных умений. Второй тип игрока ориентирован на эскапизм. Он более активно вовлечен в игровой мир, часто воспринимая его как единственную значимую реальность. Переход в данный тип может быть вызван травматическими событиями в других сферах, а также коммуникативными проблемами [4].

Важно подчеркнуть, что в игре достигается двойное понимание, так как в ней всегда осуществляется воспроизводство, с одной стороны, разнообразных социокультурных практик, а с другой – собственного опыта субъекта. В результате индивид овладевает сразу двумя пониманиями: пониманием воспроизводимого в игре социокультурного содержания, например, той или иной игровой роли, и пониманием себя в этой роли [1]. Таким образом, специфика игры как способа конструирования личностной идентичности состоит в том, что понимание себя и другого происходит через собственное проживание и бытие в определенной социокультурной ситуации. Благодаря этому в игре осуществляется преодоление собственной ограниченности, расширяются ценностно-смысловые и содержательные горизонты личности.

Игра способствует деятельностному выявлению личностных возможностей, так как благодаря перемещению в другое Я играющий как бы обращается к другому миру – миру возможного, открывается навстречу ему, приобретает способность саморазвития. Кроме того, важнейшая характеристика игры как способа конструирования личностной идентичности состоит в том, что она является моделью взаимопонимания, так как игр в одиночку не бывает. Согласно Г. Гадамеру, чтобы игра состоялась «другой» не обязательно должен в ней действительно участвовать, но всегда должно наличествовать нечто, с чем играющий ведет игру и что отвечает на встречный ход игрока» [5]. Поэтому игра в своей глубинной основе разворачивается как движение навстречу, требующее ответного хода, что соответствует структуре диалога: вопрос – ответ. При этом ни вопрос, ни последующий ответ не известны заранее. Они являются результатом выбора играющего, который осуществляется в ситуации игры.

Особую значимость игре как способу конструирования личностной идентичности придает ее творческий характер. Она предполагает реализацию либо собственного замысла, либо замысла автора. Как осуществление собственного замысла игра означает свободное проявление сил и способностей, развертывание творческих потенций личности. Если в игре реализуется авторский замысел, то играющий выступает как интерпретатор и соавтор, осуществляющий творческое воспроизведение

авторского замысла. Как форма креативности игра обладает способностью к неисчерпаемости смыслов и, следовательно, расширяет ценностно-смысловые горизонты личности, являясь не только средством развития ее творческих способностей, но и средством ненасильственного воспитания, самовыражения и самопознания, средством экспериментирования с собственной идентичностью [6, с. 36-39].

Каждый игрок, прежде всего, манипулирует самим собой, перестраивается, изменяется в соответствии с новыми реалиями и правилами. Инновационное в человеческой жизнедеятельности происходит от иррациональной установки игры, которая способствует тому, что играющий верит (или не верит) во все, что происходит в сюжете игры, и выходит в своих фантазиях за ее рамки. Раз за разом, проигрывая одну и ту же ситуацию, индивид не только закрепляет свои знания, но и совершенствует навыки. Он не живет игрой ради приобретения подготовки к жизни, а в ходе игры естественно приобретает данную подготовку, так как у него возникает потребность разыгрывать именно те действия, которые для него непривычны, что способствует более глубокому самопознанию, самопониманию и более адекватному осознанию личностной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Беляева Л.А. Игра как выражение практически-поведенческой модели понимания. Проблема понимания в педагогической деятельности // Екатеринбург: УГЛУ, 2016. 131 с.
2. Хейзинга Й. Homo Ludens // М.: Прогресс Традиция, 1997. 416 с.
3. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики // М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Griffiths M. D. Internet addiction: Internet fuels other addictions // Student British Medical Journal, 1999. V. 7. P. 428–429.
5. Новикова О. Н. Игра как способ конструирования личностной идентичности // Образование и наука, 2012. №5. 10 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса // М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС РАЙОНОВ БЕЛАРУСИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Е.В. Мартищенко

*Институт социологии НАН Беларуси,
Ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь
marti.74@mail.ru*

Статья подготовлена на основе эмпирических данных, полученных при реализации задания Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 годы, Объектом исследования является взрослое (16 лет и старше) население Республики Беларусь, проживающее на территориях, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС (N=2400). В статье представлены оценки уровня развития социальной инфраструктуры населенных пунктов. Выявлено, что у населения районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС наибольшую обеспокоенность вызывает ситуация на рынке труда, состояние дорог и качество питьевой воды. Полученные результаты работы могут быть использованы республиканскими и местными органами власти и позволят сконцентрировать их внимание в первую очередь на проблемных аспектах социально-экономического развития данных территорий.

Ключевые слова: общественное мнение; оценки населения; уровень удовлетворенности; социальная инфраструктура; пострадавшие от аварии на ЧАЭС территории.

Институт социологии НАН Беларуси совместно с Белорусским государственным экономическим университетом в 2021 году приступил к реализации научно-исследовательского проекта «Провести мониторинг общественного мнения о проблемах и перспективах социально-экономического развития пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 годы. Одной из задач данного исследования является оценка уровня (в статике и динамике) удовлетворенности жителей пострадавших от аварии на ЧАЭС районов жилищно-коммунальной и социальной инфраструктурой своих населенных пунктов по наличию, доступности и качеству услуг социальных, культурных, экономических и других объектов.

Перед тем как приступить к анализу полученных результатов, подчеркнем, что «социальная инфраструктура является одной из важнейших функциональных подсистем населенного пункта, неотъемлемая часть его народно-хозяйственного комплекса, включающая в свой состав учреждения, предприятия и сооружения различных отраслей непродовольственной сферы, связанные с удовлетворением разнообразных

социально-культурных и социально-бытовых потребностей человека, созданием необходимых условий и средств для всестороннего развития духовно и физически полноценной личности, для повышения культурно-образовательного уровня и улучшения бытовых условий проживания населения» [1, с. 399]. Удовлетворенность уровнем развития социальной инфраструктуры выступает одним из компонентов социального самочувствия населения, которое «... является наиболее чувствительным показателем, который отражает не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид ...» [2, с. 170]. Социальная инфраструктура, обеспечивая многие процессы общественной жизни, направлена на удовлетворение потребностей людей в повышении уровня и качества жизни, и, развиваясь в лучшую сторону, делает ее (жизнь населения) более комфортной, рациональной и эффективной.

Также отметим, что социальная инфраструктура носит ярко выраженный территориальный характер, так как связана с обслуживанием человека, который не зависимо от того, где он проживает – в городе или сельском населенном пункте – должен быть обеспечен необходимыми условиями для физического и духовного развития. Неудовлетворенность состоянием и уровнем развития социальной инфраструктуры своих городов и поселков может привести к росту миграционных установок части населения загрязненных территорий.

Итак, рассмотрим, каковы оценки населения по результатам социологического опроса, проведенного в апреле-мае 2021 года. Для выявления того как население оценивает происходящие изменения в уровне развития инфраструктуры в своем населенном пункте, в инструментарий был включен вопрос: «Как, на Ваш взгляд, изменилась ситуация в Вашем населенном пункте по следующим характеристикам за последние 5 лет?». Респондентам предлагалось оценить, с учетом динамики ситуации («изменилась в лучшую сторону», «изменилась в худшую сторону», «не изменилась» и «затрудняюсь ответить»), свои населенные пункты по таким характеристикам как возможности трудоустройства и создания новых рабочих мест; обеспеченность жильем; качество предоставляемых услуг в детских дошкольных учреждениях; качество школьного образования; качество медицинского обслуживания; работа службы быта (химчистка, парикмахерская, ателье и т.д.); работа клубов, кинотеатров и других объектов культурного досуга, отдыха; работа объектов спортивно-оздоровительной направленности (спортзалы, спортплощадки, спортивные секции и т.д.) и др.

Для более детального анализа полученных в ходе социологического исследования данных, а также в целях визуализации результатов, рассчитывался индекс контрастности (ИК) по каждой из изучаемых характеристик населенного пункта и рассчитывается по формуле: $ИК = A - B$, где A – количество респондентов, отмечавших улучшение определенной характеристики, B – количество респондентов, отмечавших ухудшение определенной характеристики. Данный индекс находится в пределах от «-100» до «100», где «100» – означает, что все опрошенные отмечали улучшение, «-100» – все опрошенные отмечали ухудшение определенной характеристики. При интерпретации результатов следует учитывать, что, если индекс контрастности по конкретной характеристике имеет положительное значение, то позитивные оценки опрошенных преобладают над негативными и население более удовлетворено уровнем развития рассматриваемой характеристики и, наоборот, отрицательное значение индекса означает преобладание негативных оценок населения (см. рисунок).

Проведенное исследование показало, что по большинству характеристик социальной инфраструктуры своих населенных пунктов жители пострадавших от аварии на ЧАЭС регионов в целом по выборке отмечают улучшение – индексы контрастности имеют положительное значение. Примечательно, что по этим же характеристикам в среднем от 20 до 40% опрошенных отмечали, что ситуация не изменилась, причем их текущее состояние оценивается как удовлетворительное. Это позволяет сделать вывод о том, что предпринимаемые местными органами власти меры по улучшению качества жизни населения имеют положительный результат по многим аспектам. Население достаточно высоко оценивает работу учреждений школьного и дошкольного образования, работу объектов развлекательного и оздоровительного характера. Респонденты отмечали также значительное улучшение доступности и качества услуг организаций банковского обслуживания, телефонной связи и почты, организаций социальной защиты. Работа торговых точек оценивается в 2021 году наиболее высоко, как и на протяжении всего периода исследований по чернобыльской тематике, проводимых Институтом социологии (2013-2020 гг.). Следует отметить, что впервые с 2013 года положительную динамику мы увидели по такому показателю, как «работа общественного транспорта» (хотя пока только для городского населения), который по результатам предыдущих исследований чаще показывал отрицательные значения.

В то же время, в ходе исследования были выявлены и негативные тенденции – отрицательные значения ИК имели следующие

характеристики населенных пунктов (по убыванию): *возможности трудоустройства, создание новых рабочих мест (-47,0)*; *качество дорог (-24,7)*; *качество питьевой воды (-12,3)*; *состояние окружающей среды (-11,3)*; *обеспеченность жильем (-10,8)*; *работа служб коммунального хозяйства (-0,9)*; *качество медицинского обслуживания (-0,8)*. Особое внимание считаем необходимым обратить на первые три характеристики из списка с отрицательными значениями индексов контрастности.

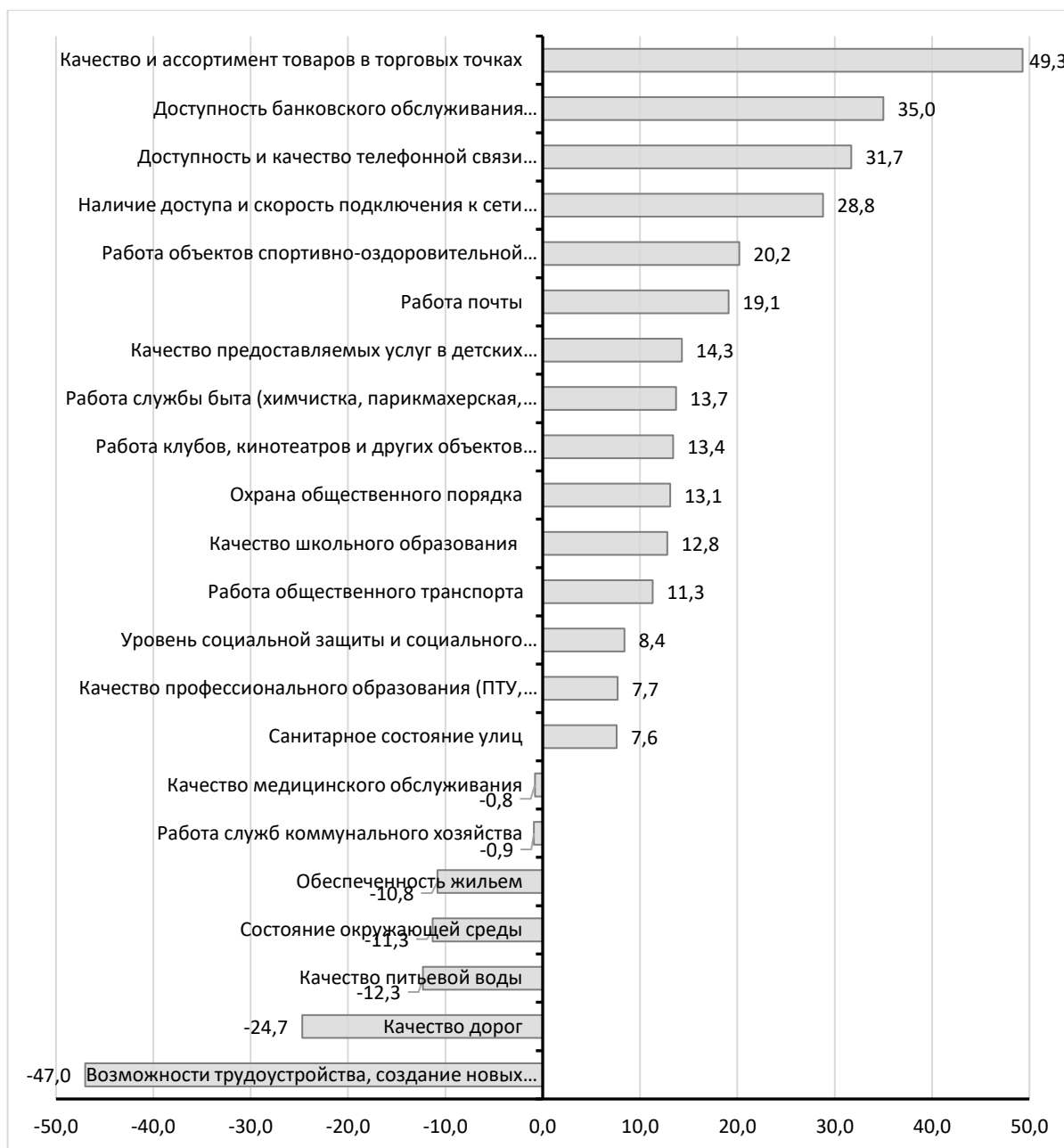

Рис. Уровень развития социальной инфраструктуры пострадавших от аварии на ЧАЭС регионов по оценкам их жителей, Индексы контрастности

Итак, на протяжении всего периода исследований (2013-2020 гг.) такая характеристика населенного пункта как «возможности трудоустройства, создание новых рабочих мест» оценивается населением пострадавших регионов наиболее низко (индексы контрастности имеют отрицательное значение). Респондентов, удовлетворенных данным показателем минимальное количество, а неудовлетворенных наибольшее. Социологический опрос 2021 года показал такие же отрицательные результаты – 1/5 опрошенных ответили, что ситуация не изменилась (т.е. осталась такой же не удовлетворительной), 55,9% отметили ухудшение и только 8,9% заметили улучшение по данной позиции, 15,4% в целом по выборке затруднились с оценкой (в основном это молодежь 16-29 лет и респонденты 60 лет и старше – одни в большинстве своем еще не работают, другие уже не работают). В данном контексте следует обратить внимание на то, что, оценивая данную позицию, респонденты учитывают не столько наличие в населенном пункте свободных вакансий, сколько предлагаемый по ним уровень заработной платы, который чаще всего достаточно низкий.

Также постоянным присутствием в списке аутсайдеров в оценках населения отличается и такой показатель как «качество дорог» – из года в год также набирает минимальное количество положительных оценок. В этом году 30,7% опрошенных отмечали неизменность ситуации, 43,2% – ухудшение, 18,6% – улучшение и 7,5% затруднились ответить.

Неблагоприятная ситуация в пострадавших от аварии на АЭС районах наблюдается и с качеством питьевой воды – индекс контрастности имеет отрицательное значение (-12,3). Ниже, чем другие категории данную позицию оценивает молодежь 16-29 лет (ИК = -21,4). И это не удивительно, т.к. необходимое качество питьевой воды – это не только забота о здоровье, но и бытовой комфорт (долговременная работа современной бытовой техники), к которому наиболее чувствительна молодежь.

Полученная в ходе исследований информация позволила выявить проблемные позиции в развитии социальной инфраструктуры по месту их жительства, что в последствии позволит сформулировать предложения для местных органов власти для оказания адресной помощи, учета мнения людей по многим бытовым вопросам. Вполне очевидно, что проводимый в рамках реализации государственных программ комплекс мероприятий направлен на то, чтобы изменить в лучшую сторону уровень жизни населения пострадавших от аварии на ЧАЭС районов, однако как показали результаты проведенного исследования, желаемого эффекта от проводимых мероприятий, удалось достигнуть пока не в полной мере.

Конечно, обозначенные проблемные позиции инфраструктуры населенных пунктов характерны и для республики в целом, но для

пострадавших от аварии на ЧАЭС районов Беларуси они особенно актуальны, т.к. на этих территориях наличие некоторых социально-экономических нерешенных вопросов усиливается пока еще радиологическим компонентом. Следствием обозначенных тенденций является усложнение процесса социальной реабилитации жителей загрязненных территорий.

Библиографические ссылки

1. Экономика региона: учеб. пособие. Мн.: БГЭУ, 2002. 432 с.
2. Шавель С. А. Перспективы развития социума. Минск : Беларуская навука, 2015. 507 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А.А. Мисун

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
alina.misun@mail.ru*

Научный руководитель: Кучко Е.Е., доктор социологических наук, профессор

В статье рассматриваются способы формирования социальных ценностей в контексте вызовов и угроз современного общества. Раскрывается специфика социальной рекламы, ее цели и задачи в ракурсе проблемного поля социологии. Социальная реклама раскрывается как специфический инструмент и информационно-коммуникационная технология, обладающая возможностями по изменению ценностных ориентаций, преобразованию мотивации конкретных целевых групп общества.

Ключевые слова: *социальная реклама; социальные ценности; актуальные социальные проблемы; современные темы и виды социальной рекламы.*

Реклама оказывает разностороннее воздействие на человека, его представления, поведение и оценки. Она не только влияет на все слои общества, в которых распространяется, но и отражает различные ценности этого общества, его социальную структуру и культуру.

Каждый человек обладает определенным набором ценностей, которые регулируют его поведение и деятельность. Усвоение же ценностей индивидом является одной из первостепенных задач, так как без этого невозможен грамотный процесс социализации. В связи с этим видится необходимым наличие такой социальной рекламы, которая способствовала бы формированию, развитию и закреплению в сознании людей социальных ценностей.

Особое значение социальная реклама как вид воздействия на массовую аудиторию получает в переходные периоды, на новом этапе развития общественных и социальных отношений, именно тогда, когда стоит задача формирования новых ценностных парадигм. В это время она выявляет широкие возможности для распространения и утверждения в обществе духовных, эстетических, нравственных и социальных приоритетов [1, с. 11].

Роль социальной рекламы в обновлении ценностных парадигм становится более важной в контексте социальных трансформаций: социально-экономических и политических изменений, войн, экологических катастроф, пандемий, распространения асоциальных явлений - алкоголизма, наркомании, курения и т. д. [1, с. 13].

Человечество изменяется не только с каждым веком, но и с каждым годом. Меняются цели, интересы, мировоззрение людей, не остаются в стороне и ценностные ориентации современного человека.

В отличие от ценностей ценностные ориентации - особое субъективное, индивидуализированное и мотивированное отражение в сознании человека или социальной группы ценностей общества на конкретном этапе его исторического развития. Именно они являются основным фактором, регулирующим как мотивацию, так и поведение отдельного индивида, социальных групп и общества в целом.

Социальная реклама как специфический инструмент и информационно-коммуникационная технология обладает возможностями по изменению ценностных ориентаций, преобразованию мотивации конкретных целевых групп, а значит, формированию новой ценностной картины.

Стоит отметить, что социальная реклама стремительно отличается от других видов реклам, например от коммерческой, целью которой является побуждение к покупке определенного товара, в то время как социальная реклама направлена на изменения отношения к определенной проблеме, поиск решения и способов его реализации, а в дальнейшей перспективе - создание новых социальных ценностей. Именно поэтому результат применения социальной рекламы практически никогда не является молниеносным [2, с. 21].

В Республики Беларусь согласно данным Национального Центра правовой информации Республики Беларусь социальная реклама может быть размещена на билбордах в виде плакатов, принимать вид телевизионной рекламы в виде серии видеороликов, радиорекламы в виде серии аудиороликов, а также рекламы в транспорте.

Так как социальная реклама является определенным регулятором общественной жизни, то ее используют различные организации для реализации поставленных целей.

Данные организации можно объединить в три крупные группы: некоммерческие институты, различные ассоциации, государственные структуры.

Некоммерческими организациями в данном случае являются больницы, церкви, различные благотворительные фонды. Характер их деятельности - помощь больным и нуждающимся людям, обуславливает и характер социальной рекламы, размещаемой ими. Главными задачами, поставленными перед социальной рекламой в данных организациях, являются привлечение средств на благотворительность. Примерами могут быть как пожертвования на строительства храма или другого архитектурного строения, так и на лечение определенного человека, а также сбор средств в приюты для животных [2, с. 22].

Кроме этого, в рекламе некоммерческих организаций присутствует явный призыв к действию с целью изменить ситуацию и решить насущную проблему.

Реклама некоммерческих организаций носит двусторонний характер, так как ее распространение способствует как привлечению средств, так и помощи большему количеству людей за счет увеличения обращений за помощью.

Примерами социальных реклам от некоммерческих организаций является акции «СПАСИбо» и серия рекламных видео благотворительного фонда «Шанс». Деятельность данных акций направлена на сбор средств на лечение детям, которые в этом поистине нуждаются.

Различные профессиональные, торговые и гражданские ассоциации также пользуются рекламой для достижения своих целей. Часто целью такой рекламы является создание позитивного общественного мнения, общественного спокойствия [2, с. 22].

Типичным примером являются рекламы кампании А1: «Есть время на семью», «Чытаем па-беларуску з Velcom».

К государственным организациям, активно использующим социальную рекламу в нашей стране, относятся налоговая инспекция, ГАИ.

Государственные органы могут объяснять свои действия посредством данного вида рекламы, тем самым повышать понимание своих действий со стороны общества.

Более того, с помощью социальной рекламы становится возможным создание положительного имиджа государственных ведомств.

Наиболее распространенными примерами реклам, разработанных государственными органами, являются рекламы, посвященные уплате налогов («Налоги – это наше искусство»), популяризации белорусского языка и патриотизма («Я люблю Беларусь», «Мой город»).

В условиях пандемии, охватившей все мировое пространство, очевидным представляется развитие социальной рекламы, способствующей формированию мотивированного поведения вакцинироваться и заботиться о своем здоровье.

За последнее время обширное развитие получили памятки-здоровья («Профилактика коронавируса», «Осторожно! Коронавирус», «Остановим распространение Covid-19! Каждый может внести свой вклад», а также баннеры («Не трогайте руками глаза, нос и рот», «Касается всех, кто касается»). Распространение интерпретаций социальной рекламы позволяет напомнить гражданам о способах защиты от коронавирусной инфекции, а также получить дополнительные сведения о данном заболевании.

Более того, повышенную распространенность получили социальные ролики, которые стали прогрессивно появляться на телеэкранах белорусов. Это реклама с участием известных медиа персон, врачей, обычных простых людей, сталкивающихся с заболеванием. Наличие ярких и авторитетных примеров позволяет почувствовать зрителю необходимость беспокойства о собственном здоровье и продумать свои действия по его защите.

В 2021 году остро встал вопрос вакцинации, о которой в данный момент имеется большое количество достоверной и недостоверной информации. Видеосюжеты с участием вакцинированных граждан, которые на своем примере показывают безопасность вакцинации и указывают на ее необходимость, позволяет развеять мифы.

Социальная реклама создается с целью повлиять на мировосприятие людей и достучаться до них. В такие моменты используются различные механизмы влияния на чувства людей: желание получить улыбку, слезы, недопонимания или одобрения.

В то же время необходимо отметить, что в борьбе за общественное мнение разработчикам социальной рекламы не следует забывать об этичности сюжетов. Вопреки тому, что тема пандемии, на данный момент, находится в топе, в нашем мире происходят и другие события, которые никак не относятся к данной ситуации. Иногда телевизионные ролики затрагивают темы жизни и смерти, а также потерю близких. К сожалению, данные трагические события происходят по различным причинам, порой абсолютно не относящихся к эпидемиологической ситуации. Наличие данных роликов может непосредственно задеть чувства людей, для

которых такая потеря стала ударом и, безусловно, такая реклама не получит ожидаемого эффекта в борьбе против коронавируса.

Таким образом, можно сделать следующий вывод:

Роль социальной рекламы в формировании социальных ценностей очевидна и многозначна.

Социальная реклама говорит с людьми на понятном им языке и проникает вглубь их мировоззрения, а также, благодаря постоянному повторению и оригинальности сообщения, постоянно сменяющейся интерпретации важной информации, формирует динамический стереотип поведения, положительно влияющий на всю ситуацию в целом.

Немаловажное место в значении социальной рекламы для общества играет тот факт, что она может способствовать консолидации и стабильности общества, так как решение общественно значимых проблем, которые находят отклик в сердцах многих людей, способствует достижению определенных целей и мотивирует на новые действия.

Особое значение социальная реклама как вид воздействия на массовую аудиторию получает в переходные периоды, на новом этапе развития общественных и социальных отношений, именно тогда, когда стоит задача формирования новых ценностных парадигм. 2020 год стал стимулом для формирования новых ценностных ориентаций. У современного населения появилось более ответственное отношение к своему здоровью и организации своего досуга.

Библиографические ссылки

1. Калачева И. И. Социальная реклама : учебное пособие. Минск : БГУ, 2017. 135с.
2. Бернадская Ю. С. Основы рекламы : учебник. М. : Наука, 2005. 281 с.

РАЗНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ – ЕДИНАЯ ПАМЯТЬ (ИЗ ОПЫТА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Н. Л. Мысливец

*ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
Ул. Сурганова, 1, кор. 2, 220072, Минск, Беларусь
n.myslivets@gmail.com*

В статье обосновывается актуальность изучения темы исторической памяти и необходимость проведения сравнительных исследований в данной области. Подчеркивается социализирующее значение исторической памяти и ее консолидирующий характер в общественном развитии. Описывается объект исследования: студенты младших курсов учреждений высшего образования и лица пенсионного возраста. Цель исследования: выявить особенности формирования и сохранения исторической памяти разных поколений белорусов. На основе полученных эмпирических данных описаны некоторые содержательные особенности

исторической памяти о Великой Отечественной войне двух поколений. Материалы проведенных исследований и результаты сравнительного анализа могут быть рекомендованы органам государственного управления для использования в качестве научных критериев и экспертных оценок при реализации основных направлений государственной молодежной политики в Республике Беларусь. Также они могут найти применение в образовательном процессе, при организации курсов повышения квалификации педагогических работников, в системе организации идеологической работы с населением.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; поколения; студенты, лица пенсионного возраста.

В последние годы изучение особенностей формирования и сохранения исторической памяти населения в целом и молодежи в частности стало чрезвычайно актуальным социологическим трендом, который продолжает набирать все большую популярность. При этом в сферу исследовательского интереса не так часто, как этого следовало бы ожидать, оказываются включенными другие социально-демографические группы общества [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Мы решили попытаться восполнить такой пробел и внести свой вклад в дело изучения содержания и некоторых особенностей сохранения исторической памяти представителей старших поколений.

Объектом проведенных нами социологических исследований являлись две большие целевые группы: студенты и лица пенсионного возраста. Первую группу составили студенты 1-2 курсов четырех учреждений высшего образования Гродно (Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродненского государственного медицинского университета, Гродненского государственного аграрного университета, Гродненского филиала «БИП – Университет права и социально-информационных технологий»). Опрос был проведен в 2021 году. Выборка – 504 респондента. Выборка квотная: в качестве квот выступали пол, курс, направление получаемой специальности (естественные науки, точные (технические), гуманитарные, социальные). Ошибка выборки не превышает 5%. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос.

Вторую целевую группу составили лица пенсионного возраста, представляющие все области нашей страны. Объем выборочной совокупности – 467 человек. Опрос был проведен весной 2021 года. Ошибка выборки не превышает 5%. В качестве метода сбора информации использовался анкетный опрос. Все опросы были проведены по однотипной методике, что обеспечило возможность сравнительного анализа полученных данных.

Представителям обоих поколений предлагалось ответить на ряд вопросов и выразить таким образом собственное отношение к проблеме сохранения памяти о событиях прошлого. Анализ полученных данных позволил выявить не только глубину знаний и понимания роли ключевых событий прошлого представителями различных социально-демографических групп общества, но и проследить особенности межпоколенческой эволюции взглядов, суждений и оценок в отношении Великой Отечественной войны.

Представителям обеих целевых групп был задан вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны является Великая Отечественная война?» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны является Великая Отечественная война?», в % от числа опрошенных

	молодежь	пожилые люди
Да, безусловно, это так	80,7	76,9
Нет, я так не считаю	9,3	10,9
Затрудняюсь ответить	8,4	12,2
Другой ответ	1,6	–
Итого	100,0	100,0

Как свидетельствуют полученные данные, представители обоих поколений разделяют понимание того, что Великая Отечественная война является одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны: так считает 80,7% всего массива опрошенных студентов и 76,9% пенсионеров. Что интересно, студентов, придерживающихся данной точки зрения, даже несколько больше, чем представителей старшей возрастной группы.

Противоположного мнения придерживается 9,3% юношей и девушек и 10,9% их более взрослых соотечественников. В данном случае удельный вес пожилых несколько выше, чем молодежи. Наконец, среди тех, кто затруднился ответить на указанный вопрос, пожилых людей почти в 1,5 раза больше, чем молодежи (12,2% и 8,4%, соответственно) (см. таблицу 2).

Не менее интересным представляется распределение ответов респондентов на вопрос, какие мысли и чувства они испытывают в связи с приближением 76-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне (опрос проводился накануне 9 мая 2021 года).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Приближается 76-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?», в % от числа опрошенных

	молодежь	пожилые люди
Память о войне навсегда сохранится в сознании жителей моей страны	24,6	43,3
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений	32,0	15,4
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	28,3	22,9
Героизм и самопожертвования советских людей становятся чуждыми значительной части современной молодежи	4,9	10,1
Затрудняюсь ответить	6,6	8,3
Всего	100,0	100,0

В каждой целевой группе практически одинаков удельный вес респондентов, которые выбрали варианты ответов, выражающие надежду на то, что память о войне навсегда сохранится в сознании белорусов, а совершенный старшими поколениями подвиг будет служить примером для молодежи. Среди студентов так считает 56,9% опрошенных, среди представителей старшей возрастной когорты – 58,7%. При этом надежду на сохранение памяти о Великой Победе выражают чаще всего представители старшего поколения – поколения детей и внуков победителей (43,3% респондентов). Тогда как среди молодежи (поколение правнуков Победы) об этом заявляет лишь каждый четвертый (24,6%). В то же время молодые респонденты чаще отмечали воспитательное и социализирующее значение подвига старших поколений, проявленных ими самоотверженности и любви к Родине (32,05). Среди старшей возрастной группы такой вариант ответа выбрало 15,4% опрошенных.

Суммарная доля респондентов, которые выбрали три последних варианта ответа («с годами память о войне все более стирается ... », «героизм и самопожертвования советских людей становятся чуждыми значительной части современной молодежи», «затрудняюсь ответить») составила 39,8% опрошенных студентов и 41,3% опрошенных пожилых. То, что с годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений и ее заслоняют иные события и проблемы, волнует 28,3% опрошенных юношей и девушек и 22,9% пожилых респондентов. Среди

пожилых гораздо больше тех, кто считает, что героизм и самопожертвования советских людей становятся чуждыми значительной части современной молодежи: 10,1% и 4,9%. И в каждой возрастной группе примерно одинаков процент затруднившихся дать ответ.

Одной из важнейших составляющих исторической памяти любого народа служит чувство гордости за героическое прошлое своего народа. В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Можете ли Вы с уверенностью сказать: «Я горжусь тем, что живу в стране, которая вместе с другими странами одержала победу в Великой Отечественной войне?»» (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Ответы на вопрос «Можете ли Вы с уверенностью сказать: «Я горжусь тем, что живу в одной из стран, одержавших победу в Великой Отечественной войне?»», в % от числа опрошенных

	молодежь	пожилые белорусы
Да, я в этом абсолютно уверен	53,9	61,0
Да, но об этом вспоминаю, только в день Победы	16,0	12,2
Не задумывался никогда об этом	17,7	13,3
Нет, не могу: мне все равно в какой стране я живу	2,9	1,9
Нет, я не вижу оснований для гордости за страну	8,6	9,9
Другой ответ	0,8	0,6
Итого	100,0	100,0

Как свидетельствуют полученные данные, чувство гордости за страну, которая одержала победу в войне, испытывает лишь немногим более половины опрошенных юношей и девушек (53,9%). Еще 16% респондентов вспоминают об этом лишь в день Победы. Суммарно удельный вес данной группы составляет немногим более 2/3 всех опрошенных: 69,9% студентов и 73,2% представителей старшей возрастной группы.

Не может не вызывать тревогу тот факт, что 17,7% юношей и девушек, по их собственному признанию, никогда не задумывались об этом. Среди пожилых удельный вес респондентов, выбравших данный ответ, составил 13,3% всего массива опрошенных. И еще одним заслуживающим внимания фактом служит доля тех, кто указал вариант ответа «не вижу оснований для гордости за страну». Это почти каждый десятый респондент (8,6% опрошенных студентов и 9,9% пожилых белорусов).

Любое общество может быть консолидировано разными идеями и представлениями: идеями настоящего и ожиданием лучшего будущего, своей историей и представлениями о прошлом, исторической памятью. Значительный исследовательский интерес представляет содержание исторической памяти тех слоев общества, у которых такая память формировалась в том числе и в процессе непосредственного общения с участниками Великой Отечественной войны. В данном случае – это категория пожилых белорусов. Предпринятая нами попытка сравнительно анализа содержания исторической памяти представителей разных поколений относительно некоторых ключевых событий прошлого свидетельствует о сохранении общих оценок в части признания значимости таких событий и их роли в социальном самоопределении современных поколений белорусов.

История – это непрерывный диалог прошлого с настоящим. Главный вывод проведенного исследования состоит в том, что по принципиальным вопросам исторической памяти о Великой Отечественной войны у представителей всех поколений сохраняется высокая степень единства мнений и суждений, что позволяет говорить об обеспечении преемственности исторического сознания поколений. Значимые события в истории страны работают на сплочение общества, а знание истории Отечества – необходимый элемент становления самосознания гражданина суверенной Беларуси. Для белорусов такая память священна, а бережное отношение к ней каждого жителя страны является неотъемлемой частью национальной идеи.

Библиографические ссылки

1. Елсуков А. Н. Социологический анализ отечественной истории (роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и формировании белорусской народности) // Социология. 2012. № 3. С.9–19.
2. Ластовский А. А. Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности // Социологический альманах. 2010. Вып. 1. С. 187–195.
3. Лашук И. В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. 2015. Выпуск 6. С. 210-220.
4. Коваленя А. А. Отстаивать правду Великой Отечественной войны // Научно-практический журнал «Проблемы управления». 2015. № 2 (55). С.25-32.
5. Мысливец Н. Л. К вопросу о концептах: историческое сознание и историческая память // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. 2015. № 1(188). С.78–88.
6. Данилов А. Н. Историческая память в культуре современного города// Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т. И. Грабельных. Иркутск, 2021. Издательство : Иркутский государственный университет (Иркутск). С. 24–29.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕИОНИЗИРУЮЩЕГО ИЗЛУЧЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ⁸

Д.В. Назарова

*ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
Ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь
d-v-nazarova@yandex.ru*

В статье представлены социологические аспекты использования достижений научно-технического прогресса. Проблема электромагнитного загрязнения окружающей среды и неионизирующего излучения раскрывается через такие социологические категории, как общественное мнение: доверие, информированность, установки на потребление технических инноваций, интересы различных социальных субъектов; поведение населения: динамику и интенсивность практик потребления, самосохранительное поведение и др. Предложенные социальные аспекты по интерпретации проблем использования научных достижений представляет собой рабочую операциональную схему для конкретного применения в ходе социологических исследований.

***Ключевые слова:** научно-технический прогресс; неионизирующее излучение; безопасность жизнедеятельности; социологические исследования; общественное мнение; поведение населения.*

Современный мир с развитием научно-технического прогресса предоставляет людям новые средства для оптимизации производственных процессов и удовлетворения различных потребностей в повседневной жизни. Вопросы безопасности жизнедеятельности людей и влияние на био- и экосистему от изменений, вызываемых действием неионизирующих излучений, степень риска и оценка суммарной радиобиологической опасности является предметом исследований радиобиологии. К неионизирующему излучению естественнонаучные и медицинские дисциплины относят: электромагнитные излучения (ЭМИ) диапазона радиочастот, постоянные и переменные магнитные поля (ПМП и ПеМП), электромагнитные поля промышленной частоты (ЭМППЧ), электростатические поля (ЭСП), лазерное излучение (ЛИ) и др. Среди специалистов все более активно используется понятие «электромагнитное загрязнение окружающей среды» [1], которое отражает проблему

⁸ Подготовлено в рамках НИР 11 «Разработка методического обеспечения по социально-психологической реабилитации и адаптации населения, к условиям действия ионизирующего и неионизирующего излучения» (н.р. – Барановский Н.А.) ГПНИ 10 «Природные ресурсы и окружающая среда» подпрограммы 10.3 «Радиация и биологические системы» на 2021–2025 гг. в соответствии с заданием 3.05 «Развитие информационного и методического обеспечения мониторинга, аудита, сертификации и реабилитации природно-территориальных комплексов».

безопасности населения в современной урбанизированной среде и способствует разработке средств защиты от различного рода излучений. Междисциплинарность радиобиологии (на стыке различных наук и с использованием комплексных знаний) как научной дисциплины позволяет научно и доказательно обосновывать рекомендации по безопасному использованию технического прогресса на благо людей.

Для социогуманитарных наук такое введение в естественно-научную проблематику чужих дисциплин может показаться непонятным и ненужным. Где здесь социальные проблемы и точки соприкосновения? Технические специалисты совместно с медиками разрабатывают оптимальные варианты технических новшеств, прописывают правила технической эксплуатации оборудования и сетей, определяют нормы и их контролируют в рамках СанПиН⁹. Вместе с тем, поскольку неионизирующее излучение представляет собой результат рациональной деятельности людей, то, на наш взгляд, недостаточно изучена социальная специфика проблемы: поведение людей, социальные процессы и явления, оказывающие непосредственное влияние на динамику подобных рисков, – диктуемые уровнем доверия и ощущением безопасности, информированностью и потребностями людей, модой и общественным мнением. Проблема электромагнитного загрязнения окружающей среды, связанная с производственной сферой, подлежит жесткой регламентации и контролю. Однако повседневная жизнь людей, связанная с использованием научно-технических достижений, остается вне такого жесткого контроля.

Проблематика влияния научных достижений, в том числе их негативных последствий в случае аварий на социум, общественное мнение и повседневную жизнь для белорусской социологии далеко не нова. После аварии на ЧАЭС в Республике Беларусь к работе по устранению ее последствий были также привлечены социологи, в задачу которых входило изучение поведения, социально-психологического состояния, установок на миграцию, уровня информированности людей, оказавшихся в зоне риска. Сотрудниками Института социологии НАН Беларусь по сей день проводятся социологические исследования, направленные на изучение мнения и поведения населения, проживающего на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, в том числе соблюдения ими (людьми) правил радиационной безопасности в своей повседневной

⁹ Санитарные (гигиенические) правила и нормы – государственные стандарты по сохранению здоровья и безопасности жизнедеятельности; обязательны для соблюдения населением, государственными органами, юридическими и должностными лицами независимо от их подчиненности и форм собственности. За нарушения санитарных правил и норм предусматривается административная и уголовная ответственность.

жизни¹⁰. В Республике Беларусь также проводились и социологические исследования, направленные на изучение рынка и условий продажи генно-модифицированных продуктов: этическая восприимчивость групп населения, принятие или отторжение, информированность населения и готовность к потреблению таких товаров. Ведется мониторинг отношения населения к развитию ядерной энергетики и др. Задача социологов при изучении таких аспектов социальной и общественной жизни, как принятие населением достижений научно-технического прогресса также, на наш взгляд, должно включать и исследование уровня информированности и восприятие безопасности жизнедеятельности среди различных социальных и демографических групп населения. Именно вопросы информированности – что люди знают, природа возникновения этого знания, к кому прислушиваются, чье мнение является определяющим и т. д., – лежит в основе формирования общественного мнения, выстраивания доверия на всех его уровнях, установок и поведения людей.

В социальное и общественное пространство проблема безопасности неионизирующего излучения врывается достаточно недавно. И связана, прежде всего, с активными протестами против развития системы связи стандарта 5G в ряде Европейских странах в 2019 году. Далеко не во всех странах внедряется связь G5: в Российской Федерации ее тестируют, в Республике Беларусь она даже не запланирована. Странное поведение протестующих и то, против чего их протест направлен, активизирует в общественном сознании вопрос о безопасности для здоровья людей научно-технических достижений, в том числе электромагнитного и иного неионизирующего облучения. Актуализируются социальные вопросы, связанные с уровнем доверия к общественным институтам: науке, бизнесу, государству, СМИ и др. и их представителям: ученым, военным, частным корпорациям, правительству, журналистам, общественным деятелям. Учеными отмечается наличие определенной специфики в возникновении, проявлении и масштабах уровня доверия различных социальных групп к научно-техническим новшествам. Можно привести как пример социологическое исследование, проведенное в странах Европейского союза в 2013 году в рамках Специального Евробарометра – 401 «Responsible Research and Innovation (RRI), Science and Technology» [2], в рамках которого как раз изучались особенности восприятия научных инноваций, субъекты влияния на общественное мнение. Доклад охватывал

¹⁰ Особо отметим НИР по заданию: «Выявить реальный уровень информированности сельского населения о специфике употребления продуктов питания (собственного подворья, даров леса, рек, водоемов и т.п.) и возможностях выращивания чистой продукции в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 гг. и на период до 2020 г. (н.р. – Мартищенко Е.В.).

28 государств-членов ЕС (опрошено 27 563 респондента) и показал значительные различия в оценках как в разных странах, так и среди социально-демографических групп. Недостатком данного исследования можно назвать лишь то, что в нем не конкретизировались какие-то отдельные сферы, инновации и технологические или медицинские новшества, ведь общими вопросами все же нельзя раскрыть особенности социальных стереотипов и установок различных социальных групп.

Социологический анализ проблемы электромагнитного загрязнения окружающей среды и неионизирующего излучения многоуровневый. Классическая схема социологического исследования подразумевает выявление групп людей с различными мнениями и поведением, и выяснение факторов, влияющих на эти переменные. И уже от профессионализма социолога зависит – будет ли на выходе описание социальной реальности во всем ее многообразии и с четкими причинно-следственными связями или нет. Попробуем представить эти основные исследовательские параметры и логику анализа.

1. Общественное сознание в разных странах формируется с учетом своего уникального коллективного и исторического опыта и, соответственно, реагирует на новые научно-технические возможности и риски по-своему. Это первый фактор, влияние которого необходимо учитывать, поскольку он задает основной фон уже на основе которого люди разных поколений и социальной среды воспринимают новую информацию. Для бывших постсоветских стран в коллективной памяти, сохранены как негативный опыт (неучтенная небезопасность для здоровья людей, аварии), так и позитивный (развитие медицинской помощи, полеты в космос, возможности спутниковой связи, четкий контроль и т.п.). Так в общественном сознании закрепляются определенные стереотипы по отношению к научно-техническим достижениям, которые могут быть непонятны для представителей других государств с другой исторической памятью.

2. Помимо общего фона исторической памяти и принятых стереотипов той или иной группы людей в общественном сознании дополнительно присутствуют социальные стереотипы – это отношение к определенным институтам (государство, органы власти, бизнес, наука и др.), социальным субъектам (представителям власти, ученым, журналистам, бизнесменам), а также к конкретным личностям и персонам. Такая дифференциация субъектов, задающих общественное мнение, формирует разные уровни доверия и к информации, и к конкретным предложениям, связанным с внедрением научно-технического прогресса. Задача социолога выявить этих субъектов влияния на формирование общественного мнения и

проранжировать их «вклад». Неслучайно протесты против внедрения стандарта 5 G в Европейских странах начались именно после того, как публично с недоверием к этому выступили ученые: в начале 2019 года более 180 учёных из 36 стран мира подали обращение к руководителям Евросоюза с пожеланием не эксплуатировать 5 G до того времени, пока реальная безопасность данного стандарта не будет подтверждена официальными документами. В Японии, где довольно устойчива мода на безусловное принятие всех научно-технических новинок, никаких вопросов и тем более протестов против внедрения и использования связи стандарта 5 G не было.

3. Следует учитывать и такие социальные механизмы, как социальное подражание и моду, а также эффекты суггестии (англ. *suggestive* «намекающий, внушающий»). При суггестии, без всякого реального опыта и знания, люди поддаются влиянию мнений других и их воображение начинает интенсивно работать, вызывая яркие эмоциональные переживания. Особенно это касается выстраивания мнения по тем вопросам, которые выходят за рамки повседневной жизни людей и требуют специальных научных знаний. В отличие от социальных стереотипов и формирования мнения на основе выбора субъекта доверия, здесь проявляются иррациональные эффекты. Нет четкого понятия «значимые другие», а распространяются образцы поведения, основанные на сильных эмоциях – паника, восторг и др.

4. Доверие (недоверие) к научно-техническим новшествам формирует в общественном сознании и отдельных его представителях ощущение уровня безопасности жизнедеятельности. Следует особо отметить, что безусловное доверие и принятие научно-технических достижений и технических новшеств также опасно, как и неадекватное опасение за свою безопасность. Если негативная психологическая настроенность, выражаясь в необоснованных страхах и опасениях, ухудшает восприятие жизни, то игнорирование правил безопасности, прописанных специалистами, может реально привести к ухудшению здоровья. В основном это связано с неправильным использованием оборудования и товаров с ионизирующим излучением в быту и в повседневной жизни: медицинской техники, в том числе солярия, установок спутниковых антенн и кондиционеров без учета безопасного расстояния и многое другое. Безопасность жизнедеятельности людей – эта всегда некий «отрезок» на шкале допустимого поведения, а также ограничения при использовании и эксплуатации различных средств. Только нахождение этого правильного баланса позволяет существенно улучшать качество жизни человека и использовать научно-технические достижения во благо. Задача социолога в ходе исследований заключается в

выяснении этих нюансов в восприятии и поведении людей, а также факторов, от которых это зависит: насколько человек информирован о реальном состоянии, как он представляет себе диапазон допустимого поведения, соблюдает ли установленные специалистами рекомендации, правила и нормы. По полученным социологическим данным можно научно-обоснованно рассчитывать риски и принимать соответствующие решения.

5. Заказчиками социологических исследований часто выступают не только органы государственного управления, которым необходимо иметь канал взаимодействия для учета общественного мнения в принятии тех или иных решений. К социологическим исследованиям прибегают и при изучении рынка, выстраивании маркетинга, особенно если продукты и товары являются новинкой. При таком фокусе внимания выясняются установки на потребление технических и иных инноваций или услуг, а также возможная интенсивность практик потребления. Производители товаров и услуг часто ориентированы на проведение успешной рекламной кампании, в основе которой лежит достоверное знание механизмов выстраивания необходимого общественного мнения и отношения к предлагаемым инновационным продуктам.

Библиографические ссылки

1. Григорьев Ю.Г. Принципиально новое электромагнитное загрязнение окружающей среды и отсутствие адекватной нормативной базы к оценке риска (анализ современных отечественных и зарубежных данных)»// Гиена и санитария. 2014 Т. 93 №3 С. 11-16.

2. Responsible Research and Innovation (RRI), Science and Technology // SPECIAL EUROBAROMETER 401 – 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://ab.gov.tr/files/ardb/evt/Responsible_Research_and_Innovation_RRI_Science_and_Technology_2013.pdf (дата обращения 30.09.2021).

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА МОЛОДЕЖЬ

К.П. Нейман

*Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси,
Ул. Радиальная 38 Б, 220070, Минск, Беларусь
info@ipnk.basnet.by*

Научный руководитель: Жилинский М.Г., кандидат исторических наук, доцент

Статья посвящена анализу конструктивных и деструктивных аспектов воздействия средств массовой информации на молодое поколение. С обращением к

базовым зарубежным теориям, доктринам, функциям исследование раскрывает специфику воздействия СМИ, явные и латентные его последствия в изменяющемся мире, акцентирует внимание на проблемных моментах взаимодействия молодежи и СМИ.

Ключевые слова: средства массовой информации; воздействие; молодежь; функции; теории; доктрины.

В век всеобщей информатизации средства массовой информации и старого (телевидение, радио, печать), и нового (Интернет) типа воздействуют на молодое поколение. Они формируют мировоззрение, потребности, сопряженные с ценностями выживания и самовыражения, одобряемые образцы поведения, установки молодежи, смещают личное общение на второстепенный план и выдвигают информационное взаимодействие на передний. Возрастает роль СМИ в социализации, обеспечении возможности получать информацию вне зависимости от места и времени, претворении в явь характерных для средств массовой информации социальных функций, о которых писали многие социологи, в том числе Р.Мертон и П.Лазерсфельд. Обратимся к их воззрениям.

К первой функции СМИ ученые относили присвоение статуса общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям. В идеально-типическом варианте функция запускается следующим образом: сначала объект попадает в поле внимания СМИ, что демонстрирует его отличие от анонимной массы, затем он благоприветно освещается с акцентом на значимости его поведения и мнения для других представителей населения, в том числе молодежи, в конце – объект или предмет приобретает значение в их глазах, его социальный статус признается.

Вторая функция общественного внимания институализирована в деятельности СМИ, освещающих как положительные, так и отрицательные девиации с какой-либо целью, служащие инструментом закрепления социальных норм, акцентирующие внимания реципиентов информации на злободневных проблемах.

В противовес названным функциям выводится наркотизирующая дисфункция СМИ. Её объяснение расположено в информационном поле, доступному рядовому представителю. Попадая в это поле, активность личности может сократиться при большом потоке информации, поскольку времени на организацию социального действия не остается, его хватает лишь на пассивное усвоение знаний. Бесспорное достоинство СМИ – повышение уровня информированности, а недостаток связан с непреднамеренными результатами воздействия увеличивающегося количества информации на состояние личности[1]. К примерам таких

состояний относят утрату аналитических способностей из-за переизбытка информации, синдром аналитической усталости, апатии к значимой информации, более свойственен молодым людям, нервным расстройствам, развивающихся на фоне информационных перегрузок, ускорению темпов психического развития молодежи (акселерации)[2, с.63].

Российский исследователь Зайцева О.М. к функциям, раскрывающим воздействие СМИ на молодых людей, причисляет функцию наблюдения за внешней средой (активизируется, как только происходит получение информации о событиях, явлениях, разворачивающихся в мире, с ракурса, выбранного редакторами телевизионных программ, газет, режиссеров передач и т.д.). Можно сказать, что средства массовой информации задают рамку и фон видения событий, явлений для молодого поколения. А также выполняют функцию связывания воедино фрагментов внешней среды с целью формирования более адекватного представления об окружающем мире. Её выделение вытекает из того, что молодые люди не всегда критически мыслят и могут в полной мере представлять окружающий мир, в чем им и помогают СМИ. Автор пишет и о функциях передачи социальных норм и установлений новым поколениям; развлечения; парасоциального взаимодействия (у зрителя возникает чувство, что он лично знаком с каким-либо теле-киноперсонажем, в виду того, что часто слышит или видит его); бегство от реальности (на время молодой человек забывает о насущных проблемах обыденности, погружаясь в вымышленный мир, сотворенный СМИ); критики и контроля в обществе[3, с.47-49].

На практике выполнение всех конструктивных функций СМИ зачастую выполняется с отклонениями, вследствие коммерциализации средств массовой информации они переходят в разряд деструктивной деятельности, в первую очередь, по отношению к детям, подросткам, молодым людям. Доминировать начинают функции развлечения, удовлетворения интересов аудитории. Происходящие события, факты, явления проходят ступени отбора, сознательного искажения; предвзято объясняются в интересах той или иной социальной группы, партии, административно-управленческого аппарата и др.

В конечном итоге, СМИ начинают оказывать не только позитивное, но и негативное воздействие на молодое поколение, чаще всего описываемое с отсылкой к пропаганде потребительства, гедонистическому образу жизни, демонстрации опасного/катастрофического для жизни мира, деградации молодого поколения (катализатором служит инкорпорация социально неодобряемых, но воспроизводимых на телеэкране, в фильмах, образцов поведения), крайней форме – телевизионному насилию (демонстрации

агрессии, нанесения повреждений, увечий персонажам телепрограмм или фильмов). Опираясь на телевизионное насилие, Данилова Е.А. указывает на наличие прямой обратной связи между интенсивностью трансляции сцен насилия и уровнем самоконтроля и критичности, т.е. с увеличением количества трансляций сцен насилия в фазах отдыха снижается уровень критичности и самоконтроля. К насущной проблеме современности она относит нарастание показа сцен агрессии в ночное время и вытекающего отсюда результата в виде вероятности закрепления девиантных моделей поведения в сновидениях[4].

К тому же, говоря о телевизионном насилии, следует упомянуть и о том, что оно в максимальной мере отражается на представителях мужского пола, обладает минимальным порогом влияния тогда, когда наказание находит агрессора на телеэкране, его амплуа идентифицируется в сознании молодежи как негативно окрашенное, а сам агрессор общественно порицается. Механизмами минимизации влияния телевизионного насилия на сознание молодежи выступают методы социального контроля, гармоничные взаимоотношения в родительской семье[5, с.539].

Следуя далее, отметим, что при детерминации влияния СМИ на индивидуальное и массовое сознание исследователи чаще всего обращаются к двум теориям: теории использования и удовлетворения (Дж. Блюмер, Э.Кац, М.Гуревич), теории зависимости (М.Л. Де Флер, С. Болл-Рокеш). В границах первой теории, человек – активный фильтр информации, который для удовлетворения потребностей того или иного порядка осуществляет селекцию сообщений СМИ. К недостаткам теории использования и удовлетворения причисляют как оставление в стороне негативных аспектов влияния средств массовой информации на общество, так и приписывание человеку чрезмерной рационализации (человек выбирает определенный вид СМИ в зависимости от выгоды, извлекаемой из сделанного выбора). В антиподоле – теории зависимости – каждый реципиент зависим от СМИ, в виду того, что у него есть необходимость удовлетворять потребности и достигать разноплановых целей.

Степень влияния средств массовой информации колеблется как от их количества, соответствия ценностям и нормам социальной группы, на которую воздействуют, так и от стабильного, и нестабильного состояния социума. Проявление медиазависимости чаще всего идентифицируется в кризисный период (например, вывод войск США из Афганистана и приход к власти Талибана), когда аудитория обращается к СМИ как источнику информации, психологического комфорта, и степень зависимости от них возрастает в разы [5, с.523-525].

Помимо названных теорий, следует упомянуть о нескольких моделях эффективных с точки зрения интерпретации воздействия СМИ на аудиторию (их взаимодействия):

1. Психологическая модель Г.Комстока, в границах которой допускается вероятность того, что поведение героев телепередач сказывается на поведении телезрителей. Ключевой довод утверждения – индивид обучается поведению, демонстрируемому на экранах, в дальнейшем перенося это поведение в свою реальную жизнь (при условии принятия, важности нового поведения). Поведение, усваиваемое с телеэкранов, при дальнейшем воспроизводстве сочетается с определенным уровнем волнения или мотивации, между ними существует прямая зависимость (чем реалистичнее медиаобраз, тем выражение психологическое воздействие на телезрителя и тем сильнее вероятное воздействие на его поведение);

2. Модель когнитивной обработки Торсона. Её суть в том, что действия по обработке информации рекламных роликов, непосредственно обусловлены степенью заинтересованностью и вниманием зрителя к доносимому рекламному сообщению, специфических особенностей памяти, языковых предрасположенностей. Например, белорусский зритель, не владеющий казахским языком, с минимальной долей вероятности поймет, запомнит, проанализирует информацию в рекламном ролике на казахском языке, в то время как носитель языка без труда справится с этим[6, с.27-29];

3. Модель ожидания-оценки (П.Палмгрин, Дж.Рейберн) базируется на том, что СМИ используют как искомое и достигнутое удовлетворение, выступающее в качестве придатка к первоначальным ожидаемым результатам их применения. Авторы модели исходили из обусловленности поведения, намерений, установок индивида, ожиданием (вероятности свойственности установкам каких-то характеристик или присутствия поведению индивида неких последствий) и оценкой (интенсивности влияния на установки и последствия поведения). Например, молодой человек смотрит музыкальную программу на YouTube, ожидая, что выиграет его любимый исполнитель, а в итоге он не становится победителем. Отношение к исполнителю или останется прежним, или изменится, после оценки выступления победителя [6, с.150].

Это далеко не полный перечень теорий, моделей, с помощью которых объясняют воздействие средств массовой информации на социально-демографические группы, включая и молодежь, а также взаимодействия между ними, однако представляющие научную значимость с точки зрения ракурсов видения, подчеркиваемого доминантного фактора исследования

среди названных зарубежных авторов, конструируемый на пласте фундаментальной психологической науки.

Функциями и теориями анализ воздействия СМИ не заканчивается, существуют и доктрины. Так французский социолог А.Моль, взяв за основу исследования радио и телевидение, выделил четыре базовые доктрины воздействия на аудиторию массовыми коммуникациями (массовой информации), различающихся по цели:

1 доктрина – демогагическая (возникла с появлением радио). Провозглашает цель распространения рекламной информации на наибольшее число потребителей, по средствам включения индивидов в рекламное поле, формирования стереотипных представлений, потребительских ценностей и дальнейшего их воспроизводства при принятии экономических решений.

2 доктрина – догматическая. Её цель – трансляция идеологической информации, поступающей от таких социальных институтов как политические партии, государство. Данную доктрину автор называет разновидностью первой, выводя на передний план не экономические критерии, а культурные, связанные с провозглашаемой идеологией.

3 доктрина – электическая (культуралистская). Ориентирована на просвещение личности, благодаря приобщению к системе знания, потоку сообщений, отражающих глобальную культуру, «память мира».

4 доктрина – социодинамическая (продолжение электической доктрины). Ставит перед СМК, СМИ необходимость выбора или прогрессивного пути развития, когда их воздействие предполагает формирование активной личности, ускоряющей развитие культуры, или консервативного пути идущего рука об руку с пассивной личностью, тормозящей развитие культуры.

Анализируя эффективность деятельности СМК в западном обществе, А.Моль подчеркивал, что в чистом виде описанные доктрины обнаружить нельзя, поскольку их применяют одновременно, отдавая приоритет над остальными то одной, то другой доктрине. Также отметим, что первоочередной задачей СМИ социолог называл содействие интеллектуальному продвижению социума, сведение к минимуму потреблением широкой аудиторией той информации, к которой она привыкла [7, с.235-252]. Для нас значимо, что из воззрений А.Моля выводится постулат: на культуру, развитие людей СМИ оказывают фундаментальное воздействие, сопряженное с признанием его манипулятивной природы, относимой к глобальным проблемам XXI века. Применительно к исследуемой группе манипулирование через СМИ создает угрозу утраты индивидуальности, проявления отчужденности, в

виду навязывания молодежи каких-либо суждений, установок, чувств, оценок.

Таким образом, на современном этапе имеет место воздействие средств массовой информации на молодежь. Оно обладает широким спектром явного и латентного проявления, последствий (от повышения уровня информированности об окружающем мире, до манипулирования сознанием) идентификация которых предполагает установление преобладающих выполняемых функций, анализ сквозь призму научных теорий (теории использования и удовлетворения, теории зависимости), моделей, доктрин.

Библиографические ссылки

1. Назаров М.М. Массовая коммуникация в обществе: введение в теорию и исследования. М.: «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 46–48.
2. Камнев Д.Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи: фокус на сравнительный анализ роли интернета // PolitBook. 2013. №4. С.61-74.
3. Зайцева О.М. Средства массовой информации как агент социализации молодежи в контексте модернизации Российской Федерации // Сервис PLUS. 2012. №3. С.47-51.
4. Данилова Е.А. Влияние СМИ на социализацию молодежи // Наука. Общество. Государство [Электронный ресурс]. 2017. Т.5. №2(18). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/danilova_ea_17_2_17.pdf (дата обращения: 18.10.2021).
5. Социология. Основы общей теории. М.: Норма, 2008. Гл.13. С.528-550.
6. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: «Вильяме», 2004. 432 с.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М.: ЛКИ, 2008. Глава V. С.230.-264.

ВИДЫ ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИИ ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДА¹¹

Н.С. Орлова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Ул. Смольного, 1/3, 191124, Санкт-Петербург, Российская Федерация
orloka135t@mail.ru*

Научный руководитель: Сизова И. Л., доктор социологических наук, профессор Кафедры прикладной и отраслевой социологии СПбГУ.

Стратегия исследования построена на характеристике содержания и свойств трудовых стратегий лиц старших возрастов в российской социально-трудовой сфере. В данном исследовании количественные цели при изучении стратегий лиц старших возрастов не выдвигаются. Метод исследования – глубинное интервью, данный метод был выбран для содержательного анализа всех аспектов трудовых траекторий работников старших возрастов на современном рынке труда и в системе занятости.

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00011.

Генеральную совокупность составили работающие граждане в возрасте от 40 до 65 лет, проживающие в России. Выборочная совокупность построена по трем основным критериям: пол, возраст, уровень квалификации. Выделенные возрастные градации обусловлены возрастом выхода на пенсию (с учетом гендерных различий) и результатами теоретического анализа. В распределении учитывались полярные случаи (разница в возрасте при наличии одинакового уровня квалификации). Методом поиска доступных случаев были отобраны 10 респондентов. Общее время интервью составило ~ 6 часов, объём транскрибированных слов (за исключением озвучивания вопросов интервьюером) - 23450 единиц.

Ключевые слова: трудовые стратегии; лица старших возрастов; занятость; рынок труда.

Исследованию стратегий в социологии уделено достаточно много внимания, поскольку стратегия определяет поведение человека в социальных условиях. В классической социологической теории можно выделить следующие подходы: неоинституциональный подход [1], в котором предполагается, что социальные институты ограничивают действия людей; постструктуралистское направление [2], в котором стратегия предстает в виде практики, а субъект действует под воздействием габитуса и капитала в пространстве поля; теория социального действия [3;4], позволяющая рассматривать стратегию как рациональное действие, направленное на достижение цели; структурный функционализм [5], в котором акцентируются структурные позиции и их влияние на стратегии. В социологии не существует единого принятого понятия «стратегия». В отечественной и зарубежной социологии в исследованиях стратегий также используются различные подходы для понимания.

Правильный выбор трудовой стратегии особенно важен в условиях изменяющейся экономики и цифровизации общества. Трудовая стратегия есть у каждого работника, она может быть как осознанной, так и не осознанной. Человек определяет вектор своей трудовой деятельности, на который влияют: здоровье, характер, воспитание, образование, социальная среда, институциональная среда [6, с. 90].

Для характеристики трудовых стратегий лиц старших возрастов использовано авторское определение, полученное в ходе теоретического анализа. Будем понимать трудовую стратегию как набор и последовательность целей и ценностей, мотивов, решений и действий, направленных на достижение и/или поддержание искомого социально-трудового статуса актора. Данный набор образуется в пространстве рынка труда и системы занятости (социально-трудовой сфере общества) и предполагает наличие ограничений-факторов индивидуального и коллективного характера. Теоретическое понимание трудовой стратегии

дополнено в ходе эмпирического исследования, в результате чего сформулировано общее определение.

В результате анализа эмпирических данных выявлены следующие трудовые стратегии: Негативные трудовые стратегии, в основе которых лежит пассивность на рынке труда:

1) «Консервация занятости». Данная стратегия проявляется в том, что человек держится за текущее место работы, до момента выхода с рынка труда. Как правило, данная стратегия свойственна более возрастным работникам, уже получающим государственную поддержку в виде пенсии по старости, либо тем, кому до выхода на пенсию осталось немного. Определяющей движущей силой для них является страх потери рабочего места и возвращения на открытый рынок труда, и, если такое происходит, они склонны к завершению трудовой деятельности. Лица, реализующие данную стратегию, не обладают значительным капиталом, что делает их более зависимыми от искажений рынка труда, в частности, от возрастной дискриминации.

2) «Непринятие». В основе данной стратегии лежит непринятие общепринятых ценностей и избегание официальной деятельности. Данную стратегию реализуют лица, составляющие группу «риска» на российском рынке труда. Они мотивированы в большей степени необходимостью обеспечения за счет работы средств к существованию. Как правило, для лиц, придерживающихся данной стратегии, характерен низкий уровень накопленного капитала, который не позволяет им конкурировать на рынке труда. Занятость в данном случае весьма нестабильна, может реализоваться как в теневом секторе экономики, так и в жизни на пособие по безработице.

Позитивные трудовые стратегии, в основе которых лежит развитие на рынке труда:

1) «Развитие карьеры». Основой данной стратегии является нацеленность на карьерный рост, на получение новых формальных статусов (управляющий, начальник и т.д.) или же на увеличение заработка. Такая стратегия в большей степени свойственна мужчинам или работникам более молодой возрастной группы, стремящимся обеспечить себя и семью. Такие работники обладают значительными ресурсами, включающими опыт, образование, квалификацию и связи, что позволяет им игнорировать проявления негативных внешних факторов, таких, например, как возрастная дискриминация.

2) «Профессиональное развитие». Лица, придерживающиеся данной стратегии, стремятся к совершенствованию своих профессиональных знаний. Их стратегии содержат высокий уровень трудовой мотивации. Как правило, это характерно для женщин, включенных в так называемые

«помогающие профессии». Таким образом, работники выделяют, прежде всего, смысловые аспекты, а не получаемый доход. Одним из факторов, делающим данную стратегию возможной, является наличие внешней материальной поддержки со стороны семьи.

3) «Свое дело». Данная стратегия заключается в ведении собственного бизнеса, можно заключить, что она объединяет в себе все вышеперечисленные характеристики. Это означает, что данная стратегия присуща людям с высокой мотивацией, большим профессиональным опытом и капиталом (финансовым, образовательным, квалификационным), стремящимся к финансовому благосостоянию и снятия с себя части внешних принуждений, присущих классическим видам занятости. Такая стратегия, в отличие от остальных, носит долгосрочный характер, она должна реализовываться, начиная с ранних этапов трудовой деятельности.

Кроме указанных, респонденты представляют себе «потенциальные» или запасные стратегии, реализовать которые они могли бы в случае неудачи текущих стратегий:

1) «Поиск». В основу стратегии положено осуществление разнообразных действий, направленных на возвращение к трудовой деятельности. Она может сильно отличаться от человека к человеку, в зависимости от наличного капитала, мотивации, зависимости от тех или иных внешних факторов. В целом, респонденты называют следующие пути возвращения к трудовой деятельности: обращение к личным связям, регистрация в службе занятости, самостоятельный поиск работы. Как правило, в такую ситуацию попадают лица, изначально реализующие стратегии «стабильность» и «профессиональное развитие», которым свойственна большая зависимость поведения от внешних факторов и меньший накопленный капитал.

2) «Выход с рынка труда». Стратегия завершения занятости принимается человеком старшего возраста под давлением внешних факторов или состояния здоровья. В подавляющем большинстве случаев, она свойственна женщинам, которые надеются на помощь государства в виде пенсии или семьи (мужья, дети, родители).

В заключение, можно обобщить наиболее закономерные способы поведения лиц старших возрастов на современном российском рынке труда и в системе занятости населения. В целом, мужчинам свойственно более активное поведение по развитию своего профессионализма или поиску места работы, чем женщинам старших возрастов. Последние ведут себя пассивнее и осторожнее. Это связано с тем, что мужчины накапливают больший капитал в течение своей трудовой жизни, чем женщины. Капитал

как весомый фактор, учитываемый всеми в реализации трудовых стратегий, позволяет реализовать более независимый вариант стратегии. Кроме того, мужчины в целом более ориентированы на рынок труда и занятость. Это означает, что в их планы не входит уход с рынка труда, они продолжают до последнего чувствовать себя основными кормильцами в семье.

Различия также обусловлены следующими факторами, формирующими трудовые стратегии в старших возрастах: пенсионное обеспечение, возрастная дискриминация, государственная поддержка занятости, поведение работодателей, трудовая мотивация и потенциал, здоровье, связи, семья, использование цифровых технологий. В настоящее время фактор возрастной дискриминации со стороны работодателей провоцирует распространение поведения самостигматизации среди лиц старших возрастов, в особенности в отношении возможности использования цифровых технологий в труде. Она проявляется в возрастании их неуверенности в собственных силах и возможностях в социально-трудовой сфере. В свою очередь, ощущения неуверенности и страхи формируют пассивное (по сравнению с более молодыми группами) поведение на рынке труда.

Библиографические ссылки

1. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. №2. С. 69-91.
2. Бурдые П. Начала. Choses dites. М.: SocioLogos, 1994. 288с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Парсонс Т., Чеснокова В. Ф., Белановский С. А. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880с.
5. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // *Социология власти*. 2010. №4. С.212-223.
6. Тореев В. Б. Трудовые стратегии молодежи // *Народонаселение*. 2014. №4. (66). С. 95-103.

ИЗУЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К РАЗВИТИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

С.Н. Островский

*Белорусский государственный экономический университет,
Пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь
ostrova@tut.by*

В современных рыночных условиях возникает необходимость в подготовке конкурентоспособного специалиста. Осуществление такой подготовки невозможно без надлежащего развития предпринимательского потенциала современной белорусской молодежи. Ведущая роль в развитии предпринимательских способностей у студентов при этом отводится белорусским вузам.

***Ключевые слова:** студенты; способности; предпринимательский потенциал личности; образование.*

Профессионально важные качества формируются в ходе учебно-воспитательного процесса под влиянием внешних условий, организационно-бытовой среды и установившегося микроклимата самого учреждения образования, которые могут ускорить этот процесс и сделать его более привлекательным и успешным.

Независимо от специализации и характера будущей профессиональной деятельности любой начинающий специалист должен обладать фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками. Вопрос формирования профессиональных качеств будущих предпринимателей, связанный с современным этапом развития бизнеса, является одним из важнейших в системе высшего образования [1].

В настоящее время в качестве основных параметров социально-профессиональной активности личности выделяются следующие:

социальные и гражданские качества личности (патриотизм, гуманизм, ответственность, долг и пр.);

профессиональная направленность личности (профессионализм, творческая активность, инициативность, уверенность в себе, профессиональная компетентность);

трудовые качества (добросовестность, аккуратность, прилежность, профессиональный долг, самоорганизованность, целеустремленность);

нравственные качества (коллективизм, справедливость, доброжелательность, честность, тактичность, интеллигентность, совестливость);

общекультурные качества (познавательная активность и самостоятельность, культура внешнего вида, речи, развитость нравственных и духовных потребностей, коллективное и индивидуальное творчество) [2].

Предпринимательский потенциал — совокупная способность к изменению (созданию новых предприятий) ресурсных возможностей индивидов, организаций и отраслей, предпринимательской культуры и институциональной среды. Где под ресурсными возможностями индивидов понимается совокупность психофизиологических особенностей, профессионально-квалификационного уровня и креативности населения, способного к предпринимательской деятельности [3].

В связи с этим на базе Белорусского государственного университета в сентябре 2021 года было проведено пилотажное исследование, направленное на изучение предпринимательских способностей студентов, а также оценки испытуемыми сложившегося в стране предпринимательского потенциала белорусской молодежи.

Всего в опросе приняло участие 147 первокурсников (факультета финансов и банковского дела и факультета права), среди которых 23% юношей и 77% девушек в возрасте от 16 до 18 лет.

В ходе исследования студентам было предложено ответить на ряд вопросов, которые помогли выявить следующее: 98% опрошенных не заняты дополнительным заработком и не имеют трудовых доходов, за исключением стипендиальных выплат, и всего 2% заняты дополнительным трудом. Учитывая тот факт, что в выборку были включены студенты первых курсов, вполне закономерен показатель отсутствия их занятости трудовой деятельностью особенно в первый месяц учебы.

На вопрос анкеты об оценке студентами уровня предпринимательского потенциала современной белорусской молодежи были получены следующие данные (см. рисунок 1).

Исходя из полученных данных (см. рисунок 1) видно, что большинство студентов (51%) оценивает предпринимательский потенциал современной белорусской молодежи на среднем уровне, 26% оценивают его как высокий, 22% как умеренный и всего 1% как низкий. В целом полученные ответы на этот вопрос имеют нормальное распределение, что обусловлено скорее всего тем, что большая часть студентов пользуется сферой услуг и бизнеса, в которых задействована именно студенческая молодежь (кафе и рестораны, службы доставки, магазины и т.п.). При этом часть из них (26%) рассматривает предпринимательский потенциал как возможность получения заработка, а другая (22%), возможно, учитывает и саму

направленность этого потенциала – отсутствие труда именно по избранной профессии, сезонность и нестабильность заработка и т. п.

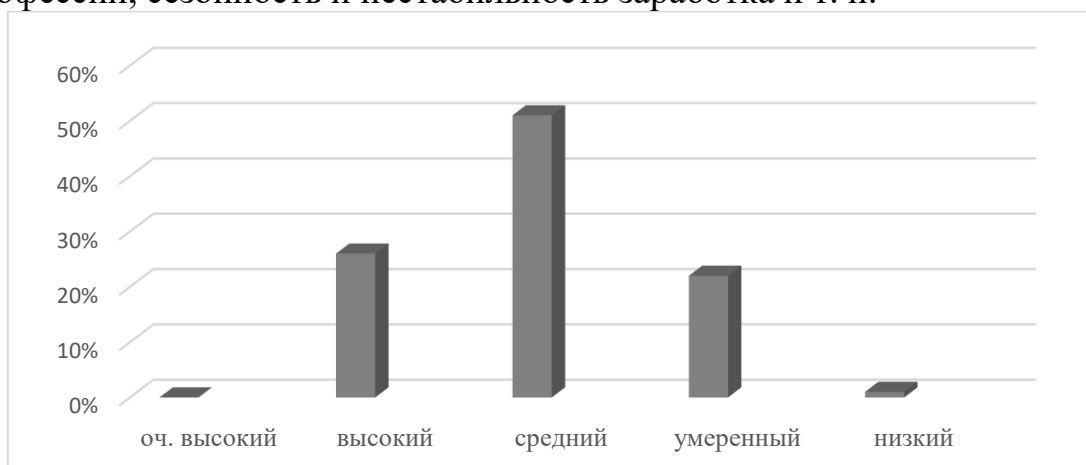

Рис. 1. Оценка студентами-первокурсниками уровня предпринимательского потенциала современной белорусской молодежи

На вопрос о том, какие изменения по мнению опрошенных произошли в уровне предпринимательского потенциала белорусской молодежи за последние 10-15 лет были получены следующие ответы (см. рисунок 2).

Как видно из полученных данных (см. рисунок 2) большинство респондентов (71%) считает, что за последние 10-15 лет предпринимательский потенциал белорусской молодежи вырос, 17% – находит, что остался на прежнем уровне и всего 12% полагает, что предпринимательский потенциал снизился.

Полученные данные подтверждают представления некоторых социологов, полагающих, что наиболее привлекательно занятие бизнесом в молодом возрасте, которое постепенно снижается. Так, например, в исследованиях Т. В. Кузьменко [4] указывается, что установки на занятие бизнесом более выражены в группе 18–29 лет (46,7 %), а со временем предпринимательская активность снижается: в группе 30–49 лет всего 33,8% выразили желание стать предпринимателем, а среди людей старше 50 лет – только 14,2 %.

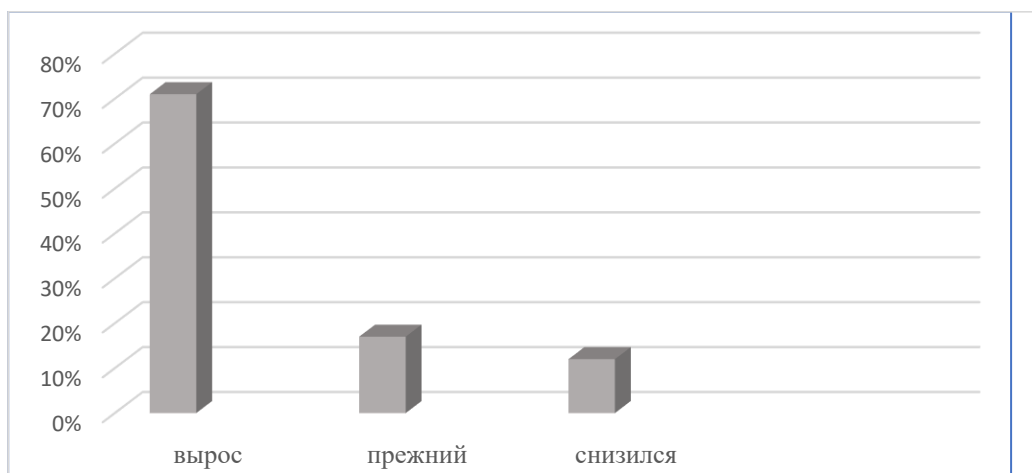

Рис. 2. Оценка студентами-первокурсниками изменения уровня предпринимательского потенциала современной белорусской молодежи за последние 10-15 лет

На вопрос анкеты, чем, по-вашему, в большей мере определяется уровень предпринимательского потенциала молодежи были получены следующие ответы (см. рисунок 3).

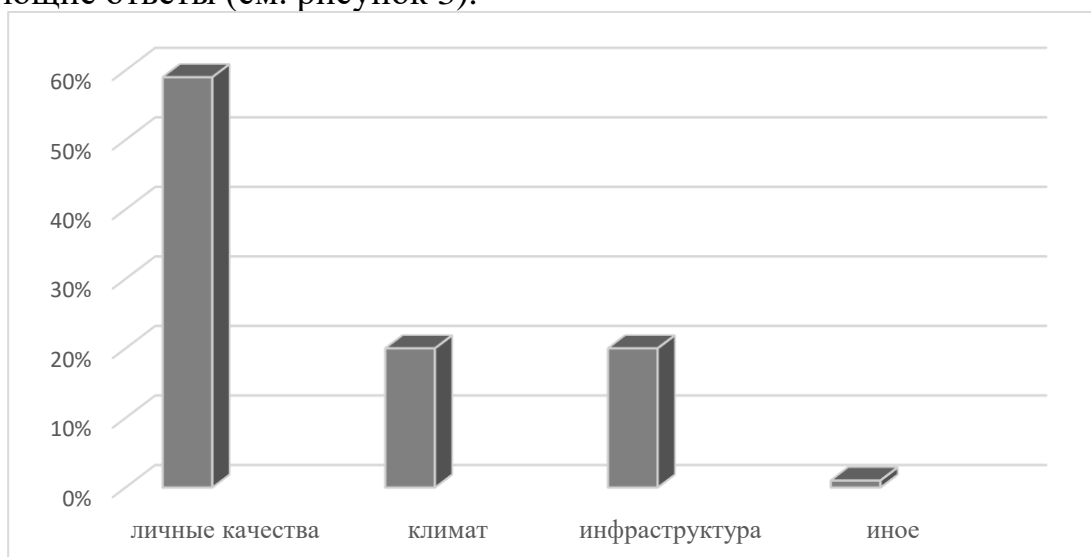

Рис. 3. Условия, определяющие уровень развития предпринимательского потенциала современной белорусской молодежи

Исходя из представленных данных (см рисунок 3) видно, что уровень развития предпринимательского потенциала белорусской молодежи большей частью определяется личными качествами молодых людей (59%), в равной степени (по 30%) по мнению респондентов это связано в целом с предпринимательским климатом имеющимся в стране и степенью развитости предпринимательской инфраструктуры. Всего 1% из числа опрошенных в качестве причины развития предпринимательского

потенциала молодежи выделяют желание саморазвития и самовыражения. По мнению Т. В. Кузьменко [4], возможности осуществления предпринимательской деятельности зависят от наличия инфраструктуры, уровня доходов и плотности населения, проживающего в том или ином населенном пункте.

На вопрос анкеты, в каком возрасте, по Вашему мнению, необходимо начинать выявлять и развивать предпринимательские способности, мнения респондентов распределились следующим образом (см. рисунок 4).

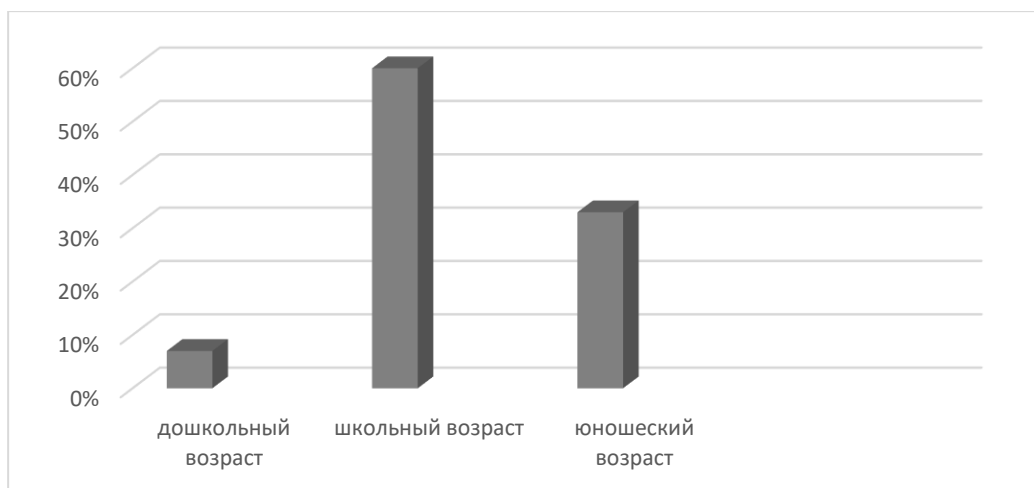

Рис. 4. Возраст, по мнению респондентов, необходимый для выявления и развития предпринимательских способностей

Большинство опрошенных считают, что самый подходящий возраст для выявления и развития предпринимательских способностей – школьный возраст (60%), 33% считает, что это лучше осуществлять после окончания школы, и всего 7% находит наиболее подходящим именно дошкольный возраст.

С представленным мнением большинства трудно не согласиться, ведь именно выявление, а также последующее развитие предпринимательских способностей, способствует развитию интеллектуальной и творческой деятельности обучающегося и оказывает влияние на его дальнейшее становление как специалиста.

Таким образом в ходе исследования было установлено, что большинство студентов (51%) оценивает предпринимательский потенциал современной белорусской молодежи как средний, т.е. находящийся на среднем уровне своего развития. 71% опрошенных считает, что за последние 10-15 лет предпринимательский потенциал белорусской молодежи вырос, при этом, уровень развития предпринимательского потенциала белорусской молодежи, по мнению испытуемых, большей частью определяется

личными качествами молодых людей (59%). Также большинство опрошенных сочли необходимым выявлять и развивать предпринимательские способности в школьный возраст (60%).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что студенческая молодежь в современных рыночных условиях заинтересована в развитии своего предпринимательского потенциала, а также намерена в дальнейшем его реализовывать в своей профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Чопова Н.В. Экспериментальная модель преподавания в системе формирования профессиональных качеств личности будущего специалиста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 105-110.

2. Солонщикова Т.В. Формирование социально-профессиональной активности личности студента в условиях реформирования гражданского общества: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2007. 214 с.

3. Логачёва Е.С., Фияксель Э.А., Шубнякова Н.Г. Эволюция понятия «предпринимательский потенциал» // Инновации. 2016. № 9 (215). С. 42-49.

4. Кузьменко Т.В. Предпринимательский потенциал населения Беларуси: особенности социологического измерения // Социологический альманах: научное издание. 2018. Вып. 9. С. 244—252.

5. Мотивация успеха и боязнь неудач, МУН [Электронный ресурс]. URL: <https://psytests.org/emotional/reanmun.html> (дата обращения: 17.09.2021).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Л.Г. Титаренко

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
larissa@bsu.by*

Цифровизация высшего образования, ускорившаяся в связи с глобальной пандемией, стала источником новых вызовов в данной сфере деятельности: переход на дистанционное обучение, резкое сокращение связей «лицом-к-лицу», необходимость массового освоения информационно-коммуникационных технологий. Как показывают наши социологические исследования, направленные на изучение оценок студентами перехода на дистанционное обучение, студенты в целом весьма позитивно оценивают переход на дистанционные формы и методы обучения, не возражают против сохранения онлайн-лекций и после пандемии, тем самым обесценивают традиционные формы обучения, несмотря на понимание, что качество их знаний может снизиться. Студенты абсолютизируют возможности цифрового общества и связывают с ним надежды на более интересную, творческую самореализацию. Менее половины наших респондентов осознает, что цифровизация может сделать жизнь беспокойной, а многочасовое проведение времени за компьютером - угрожать их здоровью. Другие риски, обусловленные цифровой трансформацией общества и образования, являются

не менее серьезными. Они касаются формирования у студентов фрагментарного сознания, переноса молодежной активности в виртуальную сферу, снижения доверия социальным институтам, увеличения возможностей внешних интернет-воздействий на молодежное сознание. В практическом плане это означает, что необходим пересмотр программ и методик обучения студентов, учет их интересов и приоритетов в формах обучения, но также и поиск новых способов влияния на молодежное сознание, направленное на формирование научного мировоззрения и критического мышления.

Ключевые слова: *высшее образование; дистанционное обучение; цифровизация обучения; пандемия; риски цифровизации; конкурентоспособность.*

Пандемия COVID-19 внезапно и радикально изменила жизнь во всех странах мира. В сфере высшего образования Беларуси приход пандемии стал двигателем быстрой и вынужденной цифровизации обучения, т.е. активного внедрения в этот процесс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Выдвижение на первый план этих технологий означает, что не знание как таковое и не информация, а цифровая по своей технической реализации коммуникация, понимаемая как всеобъемлющий процесс передачи и получения информации, становится приоритетной [1, с.135].

Цифровая трансформация значительно изменила возможности процесса образования, а переход на дистанционные формы обучения в 2020 г. и их сохранение для дальнейшего практического использования позволил белорусским высшим учебным заведениям функционировать без локдауна. С этой точки зрения, роль цифровизации высшего образования может быть оценена позитивно. Более того, активное использование ИКТ способствовало росту знаний и навыков студентов, вовлеченных в обучение с использованием ИКТ. Как показывают данные репрезентативного республиканского социологического исследования, проведенного нами весной 2021 года (n = 1733 студента), по мнению студентов, за последний год выросли их знания и умения работать с персональным компьютером, электронной почтой, облачными технологиями. Судя по результатам опроса, 99% пользуется ИКТ, причем более четверти постоянно используют интернет, еще 48% проводят в интернете от 5 до 7 часов ежедневно, и только 12% — до 3 часов. Однако информационные ресурсы используются ими преимущественно в целях общения и развлечения. Студенты указали, что больше всего любят общаться в социальных сетях (28%), у них популярны информационно-новостные порталы (18%) и развлекательные ресурсы (15%). Учебные порталы заняли только четвертое место в этой иерархии, платформы для самообучения — пятое место [2, с. 103].

Не случайно общая оценка дистанционных методов обучения очень высокая (существенно выше, чем у преподавателей): студенты готовы перевести на этот формат многие формы обучения. Очевидно, что нынешнее поколение студентов значительно отличается от тех, кто обучался только традиционными методами. Не случайно уже несколько лет назад социологи отмечали, что молодое поколение «все больше перемещается из актуальной реальности в виртуальную» [3, с. 102], ориентируется на собственные ценности и интересы, не допускает вмешательства кого бы то ни было в свое собственное пространство. По ряду причин, в том числе под влиянием социальных сетей, студенты потеряли доверие к социальным институтам и свободно общаются только в социальных сетях между собой. Как следствие виртуализации социальных связей, отношение студентов к процессу обучения изменилось. Они не в состоянии слушать длинные лекции, не отвлекаясь на гаджеты и другие интернет-игрушки. Оценки преподавателей в значительной мере стали зависеть от того, насколько они овладели компьютерными технологиями. Студенческие оценки качества образовательного процесса теперь во многом зависят от использования в нем ИКТ. Сами преподаватели отводят технологиям не столь значимую роль, т.к. ИКТ – лишь средство (причем во многом вынужденное), а качество обучения больше зависит от педагогического мастерства педагога, чем от технического средства, используемого в процессе обучения (наряду с соответствием преподаваемых знаний образовательным стандартам, выработанными компетенциями, применимостью знаний к будущей профессиональной деятельности). Цифровые технологии могут повысить эффективность процесса обучения и даже сделать его похожим на игру, но они не заменяют его содержания и не определяют качества знаний.

Абсолютизация значения цифровизации в сфере образования создает реальную угрозу превращения высшего образования в технократическое. Она выхолащивает из сферы образования его гуманистическое содержание. Эти процессы уже происходят в странах, достигших в экономике уровня «индустрии 4.0». Не случайно в юбилейном докладе Римскому клубу, написанном его двумя прежними президентами, Э. Вайцеккером и А. Вийкманом, и опубликованном в 2020 г., отмечались опасности и угрозы неконтролируемого развития технологий и роста возможности их неэтичного использования странами. Как показали авторы, пока человечество не знает, как избежать угроз «темной стороны» бурного развития технологий, и этот факт ставит мир в состояние реальной

опасности уничтожения [4]. Эти перспективы развития мира реальны, но мало кто их серьезно воспринимает, и не только среди молодежи.

Процесс дигитализации привел к резкому росту объема информации в Интернете, качество которой невозможно проверить, и которая создает эффект информационного шума. В такой среде молодежи трудно осуществлять процесс научного познания, тем более учитывая невысокий уровень развития понятийного мышления значительной части молодежи. Мгновенный доступ к любой информации приводит к потреблению самой разной информации. При росте объема информации процесс познания становится фрагментарным, а речевая коммуникация молодых людей, привыкших к общению в сети, обедняется. Результатом подобной цифровизации становится неумение ими излагать свои мысли в письменном тексте, неумение слушать лекцию преподавателя более 15 минут, предпочтение отдается презентациям, а не строгому учебному тексту. Молодежь все меньше стремится самостоятельно думать на сложные темы, развивать свое критическое сознание и логическое мышление. Как отмечает один из российских философов, цифровизация приводит к тому, что «современный мир переполнен знанием, но ему не хватает его осознания» [5, р.5]. Поскольку это знание не упорядочено, то разобраться в нем все сложнее.

Поэтому тот факт, что студенты позитивно оценивают цифровую трансформацию и ее возможности в повседневной жизни, не означает, что они повысили свою цифровую культуру и приобрели цифровые компетенции, которые нужны для эффективного включения в цифровую жизнедеятельность. В лучшем случае, студенты получили знания в отдельных областях цифровой культуры, которые необходимы им для самореализации в виртуальном пространстве. Виртуализация коммуникации и перемещения трансформирует мировосприятие молодого человека и механизмы формирования его самосознания и идентичности. Поэтому ментальность и мировосприятие нынешних студентов отличает их от других, не цифровых поколений. Это проявляется, в частности, в их оценке новых возможностей цифровой реальности. Так, более 93% студентов считают, что цифровые технологии делают жизнь более лёгкой, упрощают процесс обучения и будущую работу. Почти 90% студентов указывают, что благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития. Почти четыре пятых респондентов отмечают, что цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения, и более половины студентов уверены, что цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время.

В этих ответах во многом проявляется абсолютизация роли технологий в жизни общества, непонимание того, что далеко не цифровые технологии решают такие сложные социальные проблемы, как обеспечение свободы и творчества. Техноутопизм может помешать молодым людям понять, что современные проблемы требуют сложных решений, принимаемых людьми, а не техникой. Прослеживается большой интерес студентов к технологиям в связи с новыми возможностями развлечений и самовыражению в виртуальной сфере, возможно, в ущерб самовыражению в реальной социальной деятельности. Что же касается оценки негативных сторон цифровизации, они осознаются значительно меньшим числом студентов. Так, меньше 40% считают, что цифровые технологии повышают уровень сплочённости и доверия между людьми. Четверо из десяти студентов согласились, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым, и почти столько же — что цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды. Наконец, около четверти студентов согласны, что цифровые технологии отнимают много сил и времени, делают жизнь беспокойной [6, с. 63]. Видимо, сфера высшего образования не до конца выполняет свою функцию социализации молодых людей в том обществе, где мы живем, а социальная среда неэффективно формирует у них адекватные представления о социальной реальности и роли разных институтов в ее развитии и функционировании.

Таким образом, результаты нашего исследования демонстрируют высокий уровень адаптации белорусских студентов к условиям пандемии и широкому использованию цифровых технологий в обучении. Эти результаты

подтверждают возможность продолжения цифровизации сферы образования и после пандемии. В исследовании было выявлено, что и студенты и преподаватели склоняются (хотя в разной мере) к признанию необходимости сочетания дистанционных и традиционных форм обучения и в настоящее время, и после пандемии. Такой подход к сфере образования поможет сохранить ее конкурентоспособность и качество высшего образования, будет способствовать росту уровня цифровой грамотности и компетентности студентов и преподавателей. Видимо, необходим пересмотр программ и методик обучения студентов с учетом новых технических возможностей и приоритетов в формах обучения.

В то же время были выявлены риски и угрозы, связанные с цифровизацией и виртуализацией социальной жизни, включая сферу высшего образования. Эти риски проявляются в формировании у студентов, проводящих много времени в интернете, клипового мышления,

появлению фрагментарного сознания, неумению работать с традиционными печатными текстами и вступать в полноценную коммуникацию вне социальных сетей. Есть угроза абсолютизации молодыми людьми новых технологий как средства решения многих социальных проблем, которая требует усиления гуманитарного аспекта в образовании. Необходимо также восстанавливать у молодежи доверие к социальным институтам, искать для этого новые формы работы, приемлемые в нынешних условиях.

В идеале студенты должны не просто научиться эффективно пользоваться ИКТ, но и иметь возможность творческого развития своих способностей. Тогда и в будущей профессиональной деятельности они смогут проявлять креативность, легко адаптироваться к новым запросам на рабочем месте, делая это не в ущерб своему личностному развитию.

Библиографические ссылки

1. Косицын Ф.Г. Цифровые технологии современного общества: pro et contra // Социально-гуманитарные знания. 2021. №5. С. 134-146.
2. Титаренко ЛГ. Цифровая культура молодых специалистов как драйвер сферы труда (с.83-114) // Труд в современной российской экономике: социальное измерение / под ред. В.Н. Миминой, Р.В. Карапетяна, О.В. Вередюк. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 240 с.
3. Пинчук И.В., Дервин А.П. Эффективность вертикальных механизмов социальной регуляции в контексте ценностей и установок молодого поколения // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 98–104.
4. Римский клуб, юбилейный доклад [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ji-magazine.lviv.ua/2020/matvejchev-rimskij-klub.htm> (дата обращения: 28.10.2020).
5. Interview with contemporary Siberian philosopher Fyodor Girenok // Slovo. 2014. Vol. 26. No. 2. P. 2-7.
6. Кузьмин С.В., Савчук А.А. Цифровая трансформация высшего образования в восприятии белорусских студентов // Весці БДПУ. 2021. Сер.2. № 3. С.62-65.

КАНЦЭПЦЫЯ ІНФАРМАЦЫЙНАГА ЭГАЛІТАРЫЗМУ Ў САЦЫЯЛАГІЧНАЙ ТЭОРЫІ

М.А. Філімонаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
Вул.Кальварыйская, 9, 220004, Мінск, Беларусь
fil.psp89@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: Пасталоўскі А.У., кандыдат сацыялагічных навук

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца навукова-тэарэтычны аналіз эвалюцыі меркавання аб узаемадзеянні аўдыторыі і медыя ў сацыялагічнай тэорыі, што адбывалася ва ўмовах развіцця тэхналогій камунікацыі і дыджыталізацыі сацыяму, і

прывялі да фармавання канцэпцыі «інфармацыйнага эгалітарызму» як часткі інфармацыйнага поля і адпаведна даследвальнага поля у сацыяльных навуках.

Ключавыя словы: *інфармацыйнае поле; медыятызацыя; дыджыталізацыя; інфармацыйны эгалітарызм.*

Чалавек, як краевугольны камень, актор любой камунікацыі, як прадукт антрапасацыягенезу, з'яўляецца прадуктам з грандыёзным багажом назапашанага гістарычнага вопыту. Ёмоўна «цывілізаваная частка дадзенага багажу нікчэмна малая ў параўнанні з ёмоўна «дзікай». Асабліва ярка гэта адлюстравана ў працах Зігмунда Фрэйда і яго паслядоўнікаў у псіхааналітычнай тэорыі. Чалавечая свядомасць, як аснова пабудовы ўзаемаадносін з мірам, умоўна падзелена на тры фундаментальных пласта. Ёсць «Супер-Эга», «Звыш-Я» як канцэпцыя ідэальнай прыроды чалавека, у прыватнасці ў грамадскіх патрабаваннях, чаканняў з боку аўтарытэтных асобаў, у прыватнасці бацькоў. Ёсць «Ід», «Яно» - як увесь назапашаны багаж папярэдніх пакаленняў, з усімі традыцыямі, звычаямі, табу, многія з якіх, хоць і ладна састарэлі і непрыдатныя, тым не менш працягваюць ажыццяўляць уплыў, пераважаць над чалавечай свядомасцю. І ёсць «Эга», «Я», тое, чым чалавек з'яўляецца на дадзены момант, велічыня, дэ-факта, нязменна меншая ў параўнанні з «Ід» і «Супер-Эга», якая пастаянна адчувае ціск з іх боку [1, с. 217].

Гэтыя тры складнікі вызначаюць чалавечае ўспрыманне, яго камунікатыўныя ўстаноўкі, кагструююць асноўныя паводніцкія схемы чалавека, праз якія і ажыццяўляецца камунікацыя са знешнім светам і пабудову сацыяльнага свету. З'яўляючыся вынікам антрапасацыягенезу, чалавечая свядомасць, як інструмент, які вызначае характэр сацыяльных узаемаадносін, фарміруецца пад значным уплывам грамадскіх устаноў, абмежаванняў, табу, многія з якіх глыбока ўкаранёныя ў ім з «дацывілізаваных» часоў. З другога боку, на свядомасць будуць уплываць ўяўленні чалавека аб ўмоўным «ідэале», роўна як і грамадскія чакання, чаканні з боку аўтарытэтных прадстаўнікоў грамадства, сям'і.

Такім чынам, вызначыўшы тыя падставы, з дапамогай якіх фармуецца прадстаўленне чалавечага грамадства, як сукупнасці індывідаў, якія ў яго ўваходзяць, пра сацыяльную рэальнасць, можна перайсці да дэтальнага разгляду механізмаў яе фарміравання праз сродкі масавай інфармацыі. Звяртаючыся да непасрэдна ўплыву СМІ на аўдыторыю, адзначым, што калі кажуць пра ўплыў сродкаў масавай інфармацыі на іх аўдыторыю, то вылучаюць тры пункты гледжання:

1) СМІ валодаюць неабмежаваным патэнцыялам ўздзеяння на аўдыторыю, якія трансліююцца вобразы некрытычна прымаюцца індывідамі;

2) Уздзеянне СМІ на аўдыторыю апасродкавана рэферэнтнымі групамі і асаблівасцямі біяграфіі індывіда - атрымальніка інфармацыі;

3) СМІ вызначаюць значнасць паўсядзённых падзей, падказваюць, пра што варта думаць індывідаў, то ёсць СМІ задаюць «вектар» інтэрпрэтацый, а не самі інтэрпрэтацыі.

На першым этапе даследаванняў вызначалася, што СМІ валодаюць нічым не абмежаванымі магчымасцямі ўздзеяння на сваю аўдыторыю. Падобныя ўяўленні панавалі ў 20-30-я гады 20-га стагоддзя і атрымалі сваё распаўсюджванне ў такіх тэорыях як «тэорыя магічнай кулі» або «тэорыя шпрыца». Гэтыя тэорыі звязаны з іменамі Уолтера Ліпмана і Маршала Маклюэна .

Для тагачаных даследчыкаў вобраз аўдыторыі СМІ разглядаўся ў якасці пасіўнага аб'екта для маніпуляцыі, які не зможа супрацьстаяць ўплыву рознага роду прапаганды. З пункту гледжання тэорыі, то галоўнай перадумовай ідэі неабмежаванага ўплыву СМІ сталі погляды прадстаўнікоў біхейвіярызму, для якіх характэрным быў вядомы прынцып: «стымул – рэакцыя». Згодна з ім, эфекты розных з'яў ўяўляюць сабой ні што іншае, як спецыфічную рэакцыю на спецыфічныя стымулы. Таму, згодна з біхэйвіёрысцкіх мадэлі ўзаемадзеяння СМІ і аўдыторыі, варта чакаць цеснай ўзаемасувязі паміж падзеяй, якія трансліруюцца СМІ і рэакцыяй аўдыторыі на дадзеную інфармацыю. Таму ўплыў СМІ лічылася «прамым», якія не маюць пасярэднікаў, і супрацьстаяць яму індывід ніяк не можа [3, с.211].

Аднак хутка дадзеныя погляды былі раскрытыкаваны. Напрыклад, на думку Джозефа Клэппера, уздзеянне СМІ з найбольшай эфектыўнасцю адбываецца ў тых выпадках, калі ідзе апеляцыя да ўжо устояным стэрэатыпам, а новая інфармацыя замацоўвае іх, актуалізуюць пад уплывам новага кантэксту. Ахоўныя механізмы псіхікі адбіраюць ў вялікай плыні тую інфармацыю, якая адпавядае першапачатковым устаноўкам індывіда, тым поглядам, якія ў яго складаць на працягу доўгага перыяду часу. Такім чынам, паводле тэорыі абмежаваных эфектаў, магчымасці СМІ шмат у чым абмежаваныя: магчыма толькі невялікая змена існуючых поглядаў аўдыторыі, у большасці выпадкаў адбываецца толькі толькі «прывязвання існуючых перакананняў ў індывідаў да новых з'яў і аб'ектаў жыцця» [6, с.113].

Разглядаючы эвалюцыю ўяленняў ўздзеяння СМІ на рэцыпіентаў і трансфармацыі камунікацыйных сістэм у сацыюме, мы лічым неабходным звярнуцца да канцэпцыі Нікласа Лумана, які ў сваёй працы «Рэальнасць масмедыя» апелюе да вельмі цікавай фармулёўкі ўяўлення старажытных грэкаў, у прыватнасці, Платона, аб Атлантыдзе. Усё зводзілася да

банальнага «Людзі кажуць то і то-гэта». Іншымі словамі, рэальнасць, сучаснасць, быццё асобы, яго прадстаўлення ў значнай ступені сфарміраваны праз акты вуснай камунікацыі паміж прадстаўнікамі соцыуму. Пры гэтым зусім неабавязкова пісьмовае альбо эмпірычнае пацверджаньне дадзенага факту. Калі расцэньваць тэрмін «людзі кажуць» як адну з часткаў, што фарміруюць камунікацыйную сістэму соцыуму, то можна сцвярджаць, што ўяўленні пра што-небудзь сфармаваныя з дапамогай, па-сутнасці, чутак. У выніку веды, атрыманыя з дадзенага «квазі-масмедыя», самі сабой як бы складаюцца ў замкнёны каркас, элементы якога ўмацоўваюць адзін аднаго. Пры гэтым на месцы ўмоўных сродкаў мас-медыя могуць знаходзіцца асобы, якія маюць у дадзеным грамадстве аўтарытэт, прадстаўнікі сям'і. І хоць чалавек, магчыма, крытычна ставіцца да меркавання «аўтарытэтаў», «лідэраў меркаванняў», магчыма, разумее, што прадстаўнікі яго сям'і не ёсць ісціна ў апошняй інстанцыі, тым не менш у рамках узаемаадносін у буйных сацыяльных групах можна выразна адсочваць, як сродкі масавай інфармацыі паступова канструююць ўяўленне аб аб'ектыўнай рэальнасці ў рамках гэтых сацыяльных груп. Пры гэтым дадзеная рэальнасць, як сістэма камунікацый, існуе па-за прамое кантакту паміж адпраўніком і атрымальнікам паведамлення, паколькі ўдзельнікі камунікацыйнага акта не ўзаемадзейнічаюць найпрост [4, с.262].

Тэхнічная частка сістэмы камунікацый у соцыюме з'яўляецца адным з асноўных фактараў існавання дадзенай сістэмы. Тэхнічныя сродкі робяць магчымым існаванне сістэмы камунікацыі праз масмедыя, пры гэтым самі па сабе яны яны не з'яўляюцца рэлевантнай рэальнасцю. «Цэла» сістэмы ствараюць яе «аперацыі», гэта значыць камунікацыйныя акты. Прычым кажучы аб камунікацыі ў рамках соцыума, варта разумець, што ў дадзеных рамках нельга пэўна сцвярджаць пра пэўнае разуменне, асэнсаванне, рэакцыю рэцэпіента на змест паведамлення, яго можна толькі меркаваць. Такім чынам, **апасродкаваным будзе не толькі ўплыў зместу паведамлення на рэцэпіента, але і зваротная сувязь паміж рэцэпіентам і адпраўніком.**

Акрамя таго, трэба адзначыць, што дадзеных умовах у аб'ектаў сістэмы няма доступу да іншай рэальнасці, акрамя той, якую яны самі канструююць. Іншымі словамі, кожная аперацыя сістэмы адсылае да іншых аперацыях ўнутры самой сістэмы. Пры гэтым адсылка сістэмы на навакольнае асяроддзе аказваецца, пры бліжэйшым разглядзе, рэакцыяй самой сістэмы на знешнія раздражняльнікі. Іншымі словамі, сістэма капіюе і прайгравае ўнутры сябе адрозненні паміж ёй і знешняй асяроддзем. Гэта

і ёсць той асноўны аспект, на базе якога і фармуецца канструяваная праз масмедыя рэальнасць, штодзённасць, сучаснасць [6, с.200].

У сваю чаргу, Мануэль Кастэльс адзначае што той час, калі кантролем над інфармацыйным полем валодалі толькі бізнэс ці палітычныя эліты, якія «адбіралі» інфармацыйныя падставы, скончылася са з'яўленнем інтэрнэту [2]. На яго думку, у сучасным грамадстве ўладныя адносіны ў значнай ступені вызначаны межамі камунікацыйнай прасторы. Гэта адзначае, што глабальныя медыякарпарацыі з'яўляюцца ключавымі актарамі па прычыне таго, што спрыяюць фарміраванню сацыяльнага свету, ствараючы рамкі і кантралюючы іх з дапамогай інфармацыйных фільтраў [5]. І хоць зносіны ў межах камунікацыйнага поля заўсёды гулялі вырашальную ролю на кожным этапе антрапасацыягенезу, толькі у сеткавым грамадстве мультымедыя валодаюць беспрэцэдэнтным уплывам.

Усё вышэйадзначана разам з імклівым рост карыстальнікаў сродкаў камунікацыі [7] прывеў да, свайго рода, умоўнага **інфармацыйнага эгалітарызму**. На наш погляд, дадзены феномен уяўляе сабой ту ступень эвалюцыі зносінаў паміж інтэрнэт-карыстальнікаў і медыяполем, калі карыстальнікі па-за залежнасці ад сацыяльнага становішча маюць кругласутачны доступ да разнастайнай, ў тым ліку грамадска-палітычнай інфармацыі, маюць магчымасць абменьвацца дадзенымі між сабой непасрэдна і маюць магчымасці заставацца на сувязі і быць непасрэдна ўцягнутымі ў падзеі, што адбываюцца ці ўдзельнічаць ў іх абмеркаванні ў рэжыме нон-стоп. Такім чынам, глабалізацыя віртуальнай інфармацыйнай прасторы дазваляе кожнаму інтэрнэт-карыстальніку становіцца суб'ектам камунікацыі і палітычных працэсаў і паступоваму сціранню межаў між непасрэдна карыстальнікамі і медыя.

Такім чынам, улічваючы вышэйпералічанае можна сцвярджаць, што грунтоуючыся на прыродзе чалавека, якая склалася ва ўмовах дзейнасці сацыяльных груп і адносін, сфармаваных у працэсе антрапасацыягенезу, масмедыя не проста удзельнічаюць ў пабудове карціны свету ў рамках соцыяму, адлюстравання сучаснасці, але, у залежнасці ад абставін, **канструююць яе самі пры дапамозе самарэгулявальнай сістэмы**. Пры гэтым, веды удзельнікамі абставінаў працы дадзенай сістэмы блакуе працу самой сістэмы. Гэта значыць удзельнік сістэмы ў ідэале мае права выбіраць, ці давяраць сістэме масмедыя, ці прымаць правілы гульні, альбо ставіць пад сумнеў рэлевантнасць перадаванай інфармацыі, выключаючы сябе такім чынам з працэсу.

Тут важна разумець, што негледзячы на паступовы пераход да ўзаемадзеяння між аудыторыяй і медыяполем у рамках вышэй названага канцэпту інфармацыйнага эгалітарызма, на дадзены момант, паколькі

масмедыя, як у значнай ступені сукупнасць тэхнічных сродкаў, сродкаў вытворчасці і ўзнаўлення, нельга лічыць за незалежную зменную, бо яны як правіла належаць нейкай зацікаўленай асобе або групе асоб. Такім чынам, шмат у чым за парадак дня масмедыя, якія і адпаведна транслююць карціну свету,будзе залежыць ад пазіцыі трымальнікаў асноўных тэхнічных сродкаў масмедыя. Асабліва значна вышэйпералічанае будзе выяўляцца грамадстве з нізкай, несфармаванай культурай спажывання прадукту масмедыя. У якасці прыкладу можна прывесці постсавецкія краіны, дзе масмедыя на працягу доўгага перыяду цалкам кантраляваліся дзяржавай, што ва ўмовах адсутнасці канкурэнцыі не магло не прывесці да агульнай няспеласці і ўразлівасці аўдыторыі да і, пры гэтым, да непасрэднага ўплыву масмедыя і асоб, іх кантралюючых, ўключэнню новых адзінак у сістэму сканструяванай рэальнасці і прыняцце імі яе правілаў. Гэтая ж ўразлівасць і “навязаная бездапаможнасць” значнай часткі аўдыторыі вядзе да таго, што аўдыторыя можа падпаці пад уплыў і быць уключанай у іншую сістэму, каштоўнасці і інтарэсы якой будуць уваходзіць у канфрантацыю з каштоўнасцямі і інтарэсамі сістэмы папярэдняй.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Змановская Е. В. Современный психоанализ. Теория и практика. СПб : Питер, 2011. 288 с.
2. Кастельс М. Галактыка Интернет: Разважанні аб Інтернэце, бізнэсе і грамадстве. Екб : Праксис, 2011. 305 с.
3. Липпман У. Общественное мнение. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 290 с.
4. Луман Н. Реальность массмедиа. М : Праксис, 2005. 256 с.
5. Castells M. The power and identity: the information age: economy, society, and the culture [Electronic resource] //A John Wiley and Sons, Ltd., Publication. URL: http://www.manuelcastells.info/en/invesdoc_index.htm (accessed: 16.10.2021).
6. Klapper T. Joseph, Edition, 6. Publisher, Free Press, 1960. Length, 302 p.
7. World Telecommunication/ICT Indicators database 2017 (21th Edition/June 2017)//ITU (International Telecommunication Union) [Electronic resource]. URL: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/wtid.aspx> (accessed: 16.10.2021)

ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ИДЕИ РОДОВЫХ ПОМЕСТИЙ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Р.В. Чайковская

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
regina_10@inbox.lv*

Научный руководитель: Рубанов А. В., доктор социологических наук, профессор

В публикации автор излагает в сжатом виде полученные результаты проведенного в мае 2021 года социологического исследования по теме родовых поместий в Беларуси. В свете глобальных проблем, которые имеют место в современном обществе, данная тема является достаточно актуальной для изучения с позиции разных наук, так как родовые поместья можно рассматривать как альтернативный способ развития общества, способствующий в том числе решению современных проблем.

Ключевые слова: *устойчивое развитие; современные вызовы и риски; родовое поместье; поселения родовых поместий, альтернативный образ жизни.*

Предсказание, а точнее правильно будет сказать, прогнозирование проблем современного общества было сделано еще в 1972 году группой молодых ученых во главе с Деннисом Медоузом (на сегодняшний день это известный американский ученый, профессор системного управления, бывший директор Института политических и социальных исследований при Университете Нью-Гэмпшира) – они представили свой коллективный труд «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» в Смитсоновском институте Вашингтона. Выводы, сделанные авторами, заставляли задуматься о будущем Земли. По прогнозу Д. Медоуза и его коллег, человечество уверенно шло навстречу катастрофе, избежать которую было невозможно, только приняв меры по ограничению и регулированию роста производства и изменению критериев прогресса. Книга предупреждала о том, что материальный рост не может продолжаться до бесконечности на физически конечной планете, и требовала отказаться от повышения количества (роста) в пользу качества (развития) [1, с. 7].

Глобальные проблемы такие как проблема войны и мира, экологические проблемы, демографические проблемы, энергетические проблемы, а также предотвращение отрицательных последствий научно-технической революции, можно смело отнести к современным вызовам и рискам. Помимо известных проблем современности, эксперты различных аналитических центров и клубов отмечают появление новых проблем, например, таких как рост и эволюция киберугроз, начало новой гонки

вооружений, развертывание полномасштабных торговых войн, пандемия КОВИД-19 и другие проблемы [2, с. 32].

Решением глобальных проблем занимаются международные, государственные и общественные структуры разного уровня: научные организации, правительства различных стран, помощь также оказывают бизнес сообщество и сама общественность.

Всемирная организация ООН в 1987 году разработала концепцию устойчивого развития, которая удовлетворяет потребности настоящего времени и не ставит под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [3, с. 124].

В сентябре 2015 года на Саммите государства-члены ООН приняли Повестку дня в области Устойчивого развития на период до 2030 года, которая включает в себя список из 17 Целей Устойчивого развития, направленных на ликвидацию бедности, борьбу с неравенством и несправедливостью, а также решение проблем, связанных с климатическими изменениями [4].

Учитывая выше перечисленные проблемы, вызывает особый интерес появление поселений, состоящих из родовых поместий.

Родовые поместья, как альтернативное направление развития общества, начали формироваться в России в конце XX века, а на сегодняшний день – являются известными и развивающимися не только в России, но и в таких странах, как США, Франция, Германия, Венгрия, Болгария, Казахстан, Молдова, Польша, Украина, Эстония, а также Беларусь.

По определению, «родовое поместье – земельный участок (земельные участки), с находящимися на нём зданиями, сооружениями, иным имуществом, на котором организуется ведение поместного хозяйства;

поместное хозяйство – форма жизненного уклада, при которой приоритет отдается использованию земли как природному объекту, охраняемому в качестве важнейшей составной части природы, внедряются экологические системы земледелия, осуществляется гармоничное взаимодействие с природой и минимальное негативное влияние на неё, возрождаются исконные народные обряды, праздники и ремёсла, популяризируется здоровый образ жизни;

родовое поселение – объединение граждан, ведущих поместное хозяйство в родовых поместьях, компактно расположенных между собой» [5].

Исследование, проведенное на тему родовых поместий в мае 2021 года среди тех, кто проживает и строит свои родовые поместья в Беларуси, свидетельствует, что все респонденты считают, что такую форму

организации жизни, какой является «родовое поместье», можно рассматривать как перспективную для белорусского общества.

Полученные данные показывают, что суть родовых поместий состоит в том, чтобы создать здоровую среду обитания для своей семьи, где будут рождаться здоровые дети, которые получают правильное воспитание на примере своих же счастливых родителей; среду, где семья сможет полностью обеспечивать себя полноценным питанием из чистых продуктов и воды; среду, где каждый сможет найти труд по душе и реализовать себя в какой-то области, став профессионалом в своём деле. Семья, проживающая в своем родовом поместье, становится полностью самодостаточной счастливой ячейкой общества, что обеспечивает решение многих существующих глобальных проблем в экологической, продовольственной, демографической, трудовой, экономической, образовательной и других сферах.

Результаты исследования свидетельствуют, что респонденты, в основном, приобретают землю на территории вымирающих деревень, преимущественно обустраивают свои дома из экологических материалов, таких как сруб, каркас, камни, соломенные блоки.

Трудовая деятельность имеет достаточно широкий разброс: респонденты являются как наемными сотрудниками по специальностям различного профиля, так есть и те, кто имеет свой малый бизнес в городе, является индивидуальным предпринимателем, развивает ремесленную деятельность, является самозанятым. Сферы, в которых себя реализуют респонденты, очень разносторонние: деревообработка, монтажно-строительные работы, печное дело, изготовление керамики, производство сыродавленных масел, изготовление и продажа различных лекарственных трав и чаев, фитошкола и другие интересные направления.

В сельскохозяйственной деятельности они занимаются выращиванием фруктов, ягод, овощей, бахчевых и зернобобовых культур, также имеет место пчеловодство, садоводство, выращивание цветов и декоративных растений. При выращивании своей продукции респонденты применяют в основном органическое земледелие. Высаживается огромное количество растений, среди которых есть растения из Красной книги Беларуси и Красной книги России.

Детей воспитывают своим примером, привлекая их к повседневной трудовой деятельности – у детей есть свои обязанности, например, уход за младшими детьми, уход за животными, уход за своими грядками, колка дров и др. дела. В родовом поместье создается такая среда, что есть желание рожать здоровых детей – например, в одном развитом поселении,

за все время его 18-летнего существования родилось, приблизительно, 30 детей, которые сейчас там проживают на постоянной основе.

Респонденты считают, что, правильно развивая идею родовых поместий, можно также получить хорошие результаты в достижении Целей устойчивого развития, которые были приняты ООН в 2015 году, см. таблицу 1 (данные приведены в % от числа опрошенных).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, будет ли развитие Родовых поместий способствовать достижению Целей устойчивого развития, которые были приняты ООН в 2015 году?»

Цели устойчивого развития	Да, будет	Нет, не будет	Затрудняюсь ответить
Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте	97,7	1,1	1,1
Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства	92,0	4,5	3,4
Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех	87,5	4,5	8,0
Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах	81,8	10,2	8,0
Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех	75,0	9,1	15,9
Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними	73,9	13,6	12,5
Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех	68,2	11,4	20,5
Обеспечение доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех	68,2	14,8	17,0
Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций	61,4	17,0	21,6
Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек	54,5	26,1	19,3

В исследовании 2016 года (тема: Родовые поместья как альтернативный образ жизни»), значительная часть респондентов-экспертов отметила высокую вероятность (в среднем 69,0%) того, что благодаря развитию и внедрению идеи родовых поместий, будет возможным устранить и существующие проблемы в обществе. Ответы подробнее даны в таблице 2

(данные приведены в % от числа опрошенных) [6, с. 192].

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, создание Родовых поместий будет способствовать устранению таких проблем в обществе как...»

Наименование проблемы	Да, поможет	Нет, не поможет	Затрудняюсь ответить
Экологические проблемы (охрана окружающей среды)	92,3	2,3	5,5
Продовольственные проблемы	91,8	3,2	5,0
Воспитание молодежи	89,0	3,7	7,3
Жилищная проблема	88,7	3,6	7,7
Алкоголизм	87,7	5,5	6,8
Наркомания	86,8	5,5	7,7
Преступность	85,0	6,4	8,6
Безработица	82,8	7,2	10,0
Проблемы в сфере здравоохранения	81,4	6,4	12,3
Демографические проблемы	78,7	5,6	15,7
Низкий уровень культуры населения	71,7	9,6	18,7
Проблемы в сфере образования	71,6	9,6	18,8
Ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ)	71,4	10,6	18,0
Энергетическая безопасность	69,4	11,4	19,2
Угроза террористических актов	62,8	13,8	23,4
Рост цен	62,0	15,7	22,2
Финансово-экономическое положение сельскохозяйственных организаций	59,7	14,8	25,5
Коррупция	58,7	18,8	22,5
Напряжённость на религиозной почве	58,0	18,3	23,7
Снижение реальных доходов	57,1	9,7	33,2
Недостаточная социальная защита граждан	56,7	16,1	27,2
Соблюдение прав граждан	55,5	14,2	30,3
Международная напряжённость	55,3	18,4	26,3
Неэффективность государственного управления	51,8	17,0	31,2
Расслоение общества на бедных и богатых	50,0	24,8	25,2
Политические противоречия внутри страны	47,5	18,4	34,1
Финансово-экономическое положение промышленных организаций	39,2	26,7	34,1

На сегодняшний день необходимо осознать, что будущее человечества и планеты зависит от каждого из нас. Пришло время каждому осуществлять

действия (а не только государству или таким международным организациям как ООН), которые помогут спасти будущее для наших детей, внуков и будущих более дальних родственников, как, например, это уже начали делать создатели родовых поместий.

В своей последней книге известный биофизик, системолог, эколог, журналист и фермер Донелла Медоуз сказала: «... Катастрофа неизбежна, если люди не научатся относиться к себе и другим как к частичкам единой глобальной системы» [7, с. 594].

Библиографические ссылки

1. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. 342 с.
2. Иванов О. Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // ЭТАП: Экономическая теория, Анализ, Практика. 2019. №1 [Электронный ресурс]. URL: http://etap.instet.ru/images/etap/Etap_01_2019.pdf (дата обращения: 25.10.2021).
3. Гизатуллин, Х. Н. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124-130.
4. Цели устойчивого развития // Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <https://un.by/oon/globalnaya-povestka/tseli-ustojchivogo-razvitiya> (дата обращения: 25.10.2021).
5. Закон Белгородской области № 331 от 15.03.2010 г. О родовых усадьбах в Белгородской области. [Электронный ресурс]. URL: https://bel.parliament.gov.ru/document/laws/laws_detail.php?soz=4&god=2010&nom=331 (дата обращения: 25.10.2021).
6. Чайковская Р. В. Родовые поместья как альтернативный образ жизни // Молодежь в науке-2016: сборник материалов Международной конференции молодых ученых (Минск, 22-25 ноября 2016 г.). В 2 ч. Ч. 2. / Нац. Акад. наук Беларуси. Совет молодых ученых; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017. 426 с.
7. Розенберг Г.С. Глобальное моделирование (к 35-летию выхода в свет Пределов роста) // Самарская Лука. 2007. Т. 16. № 3(21). С. 588-598.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТАБАЧНОЙ ПРОДУКЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ю.Г. Черняк, И.В. Мятникова

*Институт социологии НАН Беларуси,
Ул. Сурганова 1, корпус 2, 220072, Минск, Беларусь
sociologist@tut.by, mivmiv84@yandex.ru*

В данной работе рассматриваются предпочтения табачной продукции потребителями Республики Беларусь. Анализируются причины и интенсивность курения, выявляются половозрастные отличия.

Ключевые слова: табакокурение; никотиносодержащий продукт; сигареты промышленного производства; потребитель; причина курения.

Рынок табачных изделий традиционно считается одним из самых консервативных сегментов экономики. В целом, этот рынок формируется путем взаимодействия двух элементов. С одной стороны, это предложение разнообразной по стоимости и качеству табачной продукции, которая находится в той же ценовой категории, что и товары первой необходимости. С другой стороны – это совокупность потребителей, дифференцированных по различным социально-демографическим, территориальным и т.п. характеристикам. При этом потребитель, несмотря на многообразие продуктов на рынке, демонстрирует, как правило, «традиционалистскую» модель поведения, которая остается неизменной при изменении цены на сигареты, ужесточающийся запрет на курение, появление товаров-заменителей и т.д.

Распространенность курения в Беларуси, несмотря на принимаемые профилактические меры, является достаточно высокой. Вместе с этим, социологических исследований, объектом которых являются именно потребители никотиносодержащей продукции, в последнее время не проводилось, несмотря на очевидную ценность и актуальность такого рода информации. С целью изучения потребительского поведения курящего населения Республики Беларусь в отношении табачной продукции и электронных средств доставки никотина, не запрещенных законодательством, Институтом социологии НАН Беларуси в феврале-марте 2021 года был проведен социологический опрос. Выборочную совокупность составляли потребители сигарет промышленного производства и альтернативных никотиносодержащих продуктов, а также потребителей электронных средств доставки никотина (объем выборки – 1503 респондента), проживающих в областных городах и г. Минске.

Результаты проведенного опроса показали, что сигареты промышленного производства курят 81,8 % опрошенных (в том числе и могут совмещать курение сигарет с потреблением электронных средств доставки никотина). В настоящее время не курят, но курили ранее 14,2 % респондентов. Среди курильщиков сигарет практически не наблюдается различий в зависимости от пола: так среди них мужчин практически столько же, сколько и женщин (52,5 % и 47,5 % соответственно). Ежемесячный доход более половины курильщиков (58,1 %) находится в интервале от 450 до 1049 белорусских рублей, до 450 рублей в месяц зарабатывают 19,5 %, а более 1050 рублей – 20,3 %.

Основные причины потребления сигарет прежде всего аффективные. В качестве таковых респонденты называли привычку (63,3 %),

эмоциональное расслабление (37,8 %), получение удовольствия (24,5 %), возможность общения с курящими друзьями и коллегами (13,4 %). При этом обращает на себя внимание различие в причинах табакокурения в зависимости от пола. Так, несмотря на то, что и мужчины, и женщины основной причиной курения называют привычку, женщины чаще указывают в качестве причины курения эмоциональное расслабление и получение удовольствия (см. рисунок 1).

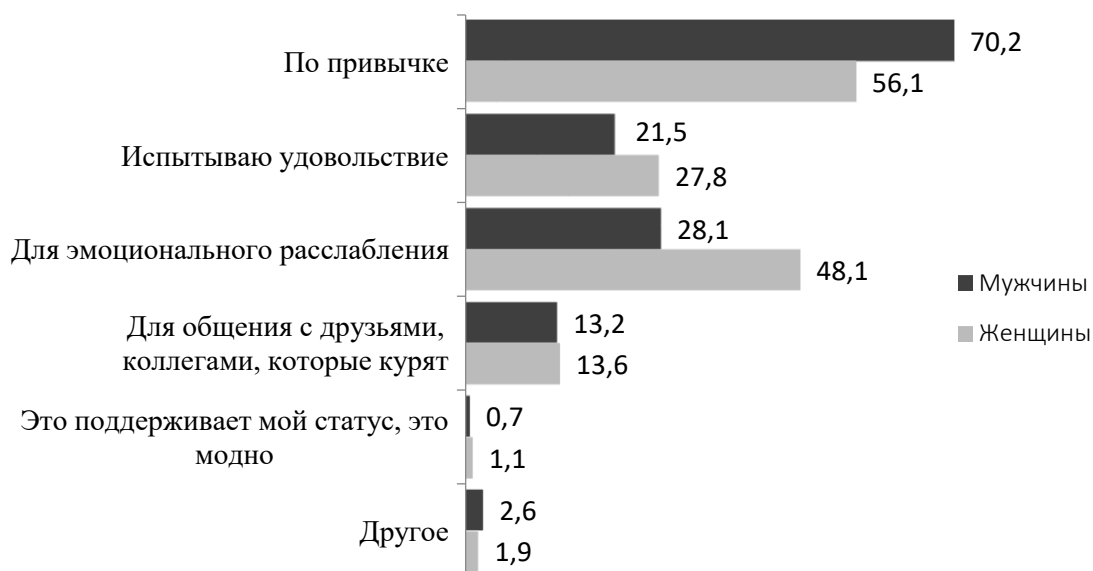

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы курите/курили сигареты?» в зависимости от возраста, в%

Имеются также различия в ответах респондентов разных возрастных групп среди бывших и настоящих курильщиков сигарет. Представители старшей и средней возрастной группы в качестве причин курения указывают прежде всего привычку. Молодежь чаще других в качестве значимых причин курения отмечает эмоциональное расслабление, получение удовольствия, а также социальные мотивы – возможность общения с друзьями и коллегами, которые курят (см. рисунок 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы курите/курили сигареты?» в зависимости от возраста, в %

Как показали результаты опроса, треть курильщиков употребляют 11-20 сигарет (34,2 %), еще треть – 5-10 сигарет (33,8 %) в среднем в день. До 5 сигарет в день выкуривают 17,7 % опрошенных, более 20 сигарет – 14,0 %. Ожидаемой является разница в интенсивности курения сигарет в зависимости от пола. Так, среди женщин-потребителей сигарет промышленного производства 67,1 % предпочитают курить до 10 сигарет в день, среди мужчин таковых 37,4 %. При этом более 11 сигарет в день курят 62,3 % мужчин (39,5 % – 11-20 сигарет, а 22,8 % – более 20 сигарет), тогда как среди женщин – 32,6 % (28,3 % – 11-20 сигарет, а 4,3 % – более 20 сигарет) (см. рисунок 3).

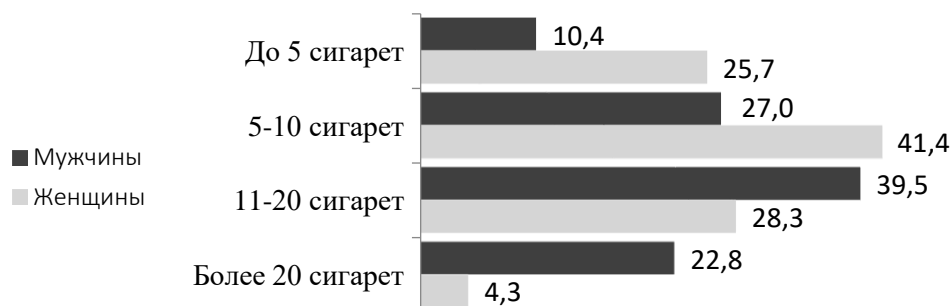

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько сигарет Вы выкуриваете в среднем в день?» в зависимости от пола, в %

Несмотря на консервативность табачного рынка, в последнее время активно продвигаются электронные средства доставки никотина и альтернативные никотиносодержащие продукты. Результаты

проведенного опроса показали, что вейпами/электронными сигаретами (в настоящее время пользуются 20,0 % респондентов, а 15,9 % пользовались ими ранее. Не используют их в настоящее время и никогда не использовали 64,1 % респондентов. Источниками информации об альтернативных никотиносодержащих продуктах чаще всего выступают друзья (в 33,3% случаев), знакомые, коллеги по работе (23 %) и интернет-источники (16 %). Закономерно, что такие продукты пользуются большей популярностью среди респондентов 18-29 лет: в настоящее время их используют 33,9 % молодых людей, а 20,9 % использовали ранее.

Как показали результаты исследования, желание бросить курить возникало у 73,8 % курильщиков сигарет промышленного производства. Среди причин (см. рисунок 4), которые мешают бросить курить сигареты, потреблять электронные средства доставки никотина и средства нагревания табака респондентами прежде всего называются отсутствие силы воли, привычка (52,4 %), отсутствие серьезных противопоказаний (34,3 %).

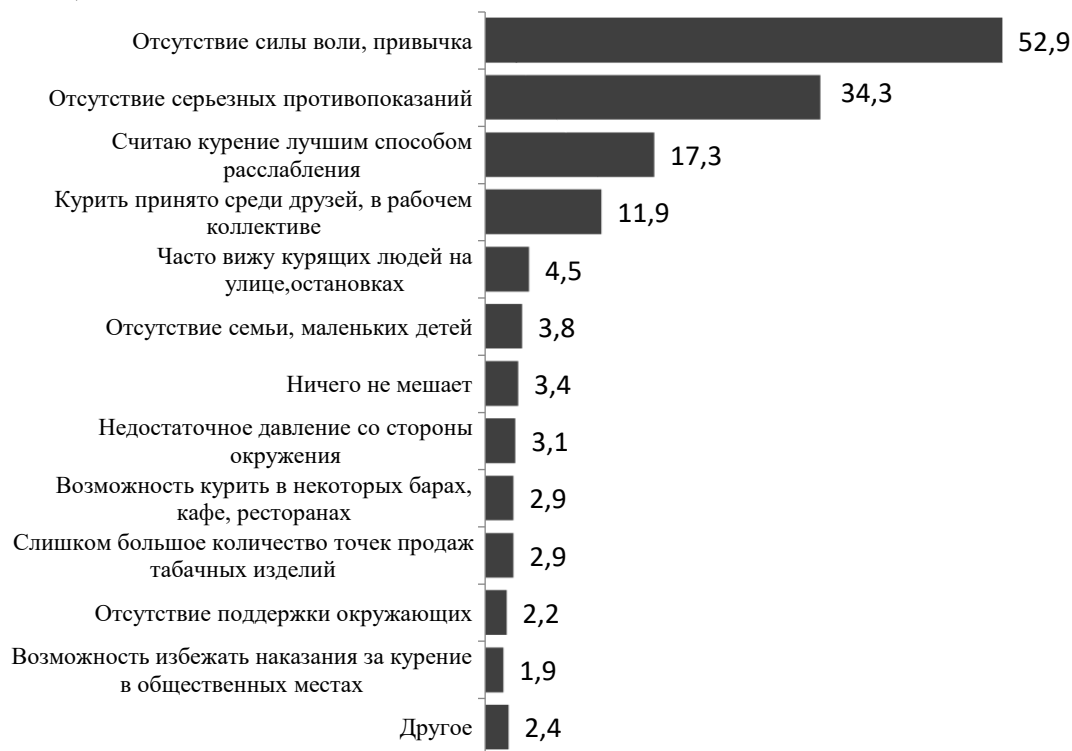

Рис.4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что мешает Вам бросить курить, потреблять вейпы, IQOS?», в %

В заключении необходимо отметить, что профилактика табакокурения должна вестись на основе социологических данных исходя из целей реализуемых программ, затрачиваемых на их выполнение ресурсов,

предполагаемых целевых групп и других ключевых показателей. Вместе с этим, будет достигнута задача по оценке их эффективности и результативности.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Д.О. Шевчик

*Институт социологии НАН Беларуси,
Ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, Минск, Беларусь
isst@socio.bas-net.by*

Научный руководитель: Шкурова Е.В., кандидат социологических наук., доцент

Авторская позиция, касательно определения теоретико–методологических оснований в исследовательской работе, в некотором роде последовательна Харви Саксу, в определении центрального вопроса методологии социальных наук. То есть, автор исходит из того, что для социолога, актуализирующего собственные теоретические основания, «вопрос метода» сводится к вопросу выбора наиболее подходящего языка описания. Все более динамично развивающийся в условиях цифровизации предмет дисциплины, не может не сопровождаться необходимостью столь же динамичного развития подходов к его исследованию. В статье актуализируется вопрос модернизации исследовательской программы Пьера Бурдье в изучении коммуникативных практик и экономических отношений. Рассматриваются теоретико–методологические основания структуралистского конструктивизма и обосновывается актуальность индуктивной логики в изучении и описании соответствующих социальных практик.

Ключевые слова: *структурализм; конструктивизм; габитус; цифровизация.*

В обозначенном предметном поле, наиболее релевантным является подход, который по существу представляет собой попытку синтеза структурализма и феноменологии. Подход был разработан известным французским социологом Пьером Бурдье. Такой подход, по мнению его автора, позволяет социологической теории, с одной стороны, заниматься изучением обстоятельств, оказывающих влияние на индивидов, а с другой – исследовать в рамках герменевтической традиции избирательную способность людей, их предрасположенность в принятии решений, касательно действий, в конкретных социальных полях. Сам Пьер Бурдье называл этот подход структуралистским конструктивизмом, или конструктивистским структурализмом.

Направление объединяет два принципиальных подхода к исследованию и описанию социального. Структурализм, в котором Пьер Бурдье

последователен преимущественно К. Леви-Строссу и Л. Альтюссеру, реализуется им в виде принципа двойного структурирования. Бурдьё отмечает наличие примата над индивидом объективных структур, и в то же время, сами структуры являются следствием социальных практик агентов. Конструктивистская же составляющая направления предполагает, что действия людей обусловлены приобретенными предрасположенностями действовать так или иначе, через опыт и социализацию. Здесь мы обнаруживаем влияние на Бурдьё таких авторов как Э. Гуссерль, А. Шюц и ряда других феноменологов.

Поле экономики представляет собой логически мыслимую структуру, своего рода среду или контекст, в которой осуществляются социальные отношения. В то же время экономика это и реальный социальный институт, однако, вводя понятие поля, Бурдьё делает акцент на том, что его интересуют не институциональные структуры сами по себе, а объективные связи между различными позициями, интересами, задействованных в них людей, их вступление в противоборство или сотрудничество друг с другом за овладение специфическими выгодами поля.

В своих работах, таких, например, как «Различение. Социальная критика суждения» [2], на материалах многих эмпирических исследований, автор демонстрирует связь между положением субъекта в структуре поля, и его предпочтениями, интересами и осуществляемым выбором: от предпочтений в досуговых практиках, спорте и выборе вина, до кандидата или политической партии, за которых конкретный агент готов отдать свой голос.

Из его работ мы можем видеть, что действительно существует соответствие между социальными и ментальными структурами, между объективными подразделениями социального мира и принципами действия и разделения, которые агенты применяют к ним. В частности, экономический интерес агента, определен адекватным набором диспозиций, приобретенных благодаря раннему и продолжительному опыту усвоения требований поля. По мнению автора: «Самые фундаментальные экономические диспозиции, потребности, предпочтения, склонности: к труду, к накоплению, к инвестициям, – являются не экзогенными, т.е. зависящими от универсальной человеческой природы, а эндогенными и зависят от истории, той же самой, что и история экономического универсума, в котором эти диспозиции востребованы и получают подкрепление» [1, с. 137].

Эта связь в социологии Бурдьё обозначена понятием габитус (Habitus). В русскоязычном дискурсе это понятие выступает, по большей части, в качестве логической связки между социальной структурой и способностью

(предопределенностью) субъекта к разумному предвидению в отсутствии какого бы то ни было рационального расчета, представляя для нас в качестве объективистского и редуционистского элемента в мышлении социолога.

В таком виде теория габитуса ограничена фактическим описанием связи между структурой, во всей ее историчности, и тем, что зовется разумным поведением субъекта. Цель же, стоящая перед исследователем, в выявлении роли и места процессов цифровизации в трансформации коммуникативных практик, как формы и условия усвоения требований поля и формирования соответствующей системы диспозиций (габитуса). Постановка проблемы как «процесса», в условиях все более динамично развивающегося социального универсума, требует и соответствующей исследовательской позиции, для которой характерологический подход не может быть релевантным.

В тоже время, попытка проследить интеллектуальное происхождение теории *Habitus*, как показывает Омара Лизардо [3], позволяет представить ее в качестве полезного и гибкого способа концептуализации деятельности и способности трансформировать социальную структуру.

Ряд особенностей, привнесенных в коммуникативные практики с процессами цифровизации, позволяет (в рамках исследовательской перспективы) нивелировать внешний примат структуры в пользу «инкорпорированного социального». Той доли структурного принуждения, которая воспроизводится в практиках как инкорпорированное социальное, или габитус, достаточно, чтобы наш анализ протекал в соответствующем контексте примата социальной структуры.

Эти особенности в первую очередь связаны с преодолением перцептивных (пространственно - временных) ограничений, с одной стороны, и все более увеличивающейся долей опосредованного (технологически редуцированного) социального опыта субъекта, с другой. По мере хабитуализации обращения к цифровым носителям, этот технологически редуцированный опыт, приобретает все большее значение в текстурировании содержания и отношения между конечными областями значений, о конкретных социальных полях.

В то же время, непреложным следствием тех преимуществ, которые дал нам технологический прогресс, определяющий нашу исследовательскую позицию, является возможность должным образом репрезентировать результаты феноменологических исследований, и выявить связь между процессами цифровизации, и практиками воспроизводства структуры различных полей.

Мы можем обнаружить последствия процессов цифровой хабиитуализации проследив происхождение некоторых элементов когнитивной структуры габитуса. В свою очередь, технологически редуцированный (опосредованный) опыт социального, может быть обнаружен в системе диспозиций, относящейся к конкретным социальным полям. Обозначенный двусторонний подход к анализу процессов цифровизации на усвоение требований, эффектов и структуры принуждений поля, соответствует когнитивным и ментальным структурам *Habitus*, – его двойственной природе.

Смещение акцента в сторону конструктивистской составляющей подхода Бурдьё, и его углубление, вплоть до описательного феноменологического метода Альфреда Шюца и социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана, позволяет преодолеть психологизм, к которому довлел Лизардо, раскрывая когнитивное происхождение *Habitus* через психологию развития Жана Пиаже. При этом структуралистская составляющая, раскрывается через концепцию инкорпорированного социального, сохраняя преимущества соответствующей исследовательской перспективы, хоть и отходя при этом на второй план.

Библиографические ссылки

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. 576с.
2. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 680 с.
3. Lizardo O. The Cognitive Origins of Bourdieu's Habitus // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2004. 34(4), P. 375 – 401.

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ШУМЫ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Д.А. Ярмош

*Гродненский государственный университет им. Я.Купалы,
Ул. Октябрьская, 5, 230023, Гродно, Беларусь
dariayarmosh127@gmail.com*

Научный руководитель: Богущ Т.А. , доцент, кандидат социологических наук.

Шум определяется как нежелательный звук или сочетание звуков, которые оказывают неблагоприятное воздействие на здоровье. Эти эффекты могут проявляться в виде физиологического ущерба или психологического вреда через различные механизмы. Хроническое воздействие шума может вызвать необратимые пороговые сдвиги и потерю слуха в определенных диапазонах частот. Шумоиндуцированная потеря слуха считается одной из основных причин предотвратимой потери слуха. Примерно 10 миллионов взрослых и 5,2 миллиона детей

в США уже страдают от необратимых нарушений слуха, вызванных шумом, а еще тридцать миллионов ежедневно подвергаются воздействию опасных уровней шума. Механизмы возникновения еще не до конца определены, но многие исследования позволили углубить наше понимание этого процесса. Роль окислительного стресса изучена очень подробно. Имеются убедительные данные, свидетельствующие о том, что этот ущерб может быть уменьшен путем реализации нескольких стратегий. Социо-психологическое воздействие шума обычно недостаточно хорошо охарактеризовано и часто игнорируется. Однако их влияние может быть не менее разрушительным и может включать гипертонию, тахикардию, физиологический стресс и другие заболевания. В совокупности эти эффекты могут иметь серьезные негативные последствия для повседневной жизни и в глобальном масштабе для экономического производства. В этой статье мы рассмотрим физиологические и социо-психологические последствия шума и его влияние на качество жизни.

Ключевые слова: *урбанистический шум; качество жизни; шум и неслуховое здоровье.*

Шум обычно определяется как нежелательный звук или сочетание звуков, которые могут негативно влиять на человека. Шум может проявляться в виде физиологического ущерба или психологического вреда. Механизм физиологического ущерба от шума еще не до конца изучен, но исследования показали, что за него может отвечать множество факторов, включая повышенный стресс, сосудистые изменения, механические травмы и др. Психологический вред от воздействия шума может проявляться в виде повышенной физиологической стрессовой реакции, неблагоприятных социальных последствий, нарушения сна и пагубных экономических последствий [1, p.75-77]. Шумоиндуцированная потеря слуха имеет глобальные последствия: 10 миллионов взрослых и 5,2 миллиона детей в США, а также 250 миллионов человек во всем мире имеют более 25 дБ, что является клинически значимой потерей слуха [2, p.81-101]. Кроме того, профессиональный шум является причиной 16% случаев потери слуха у взрослых во всем мире, что приводит к снижению экономического производства [3, p.504-508]. В настоящее время вооруженные силы сталкиваются с серьезной инвалидностью, вызванной шумом. Было показано, что два основных вида инвалидности, с которыми сталкиваются американские военные, - это потеря слуха и шум в ушах. По прогнозам, в этом году правительство США потратит почти 1,6 миллиарда долларов на реабилитацию мужчин и женщин, получивших травмы от воздействия шума. Целью данной статьи является обзор современной литературы о физиологических и социо-психологических последствиях шума и его взаимосвязи с качеством жизни. Шумоиндуцированная тугоухость обычно определяется как потеря слуха, которая медленно развивается в течение длительного периода времени в результате

воздействия постоянного или периодического громкого шума [4]. Роль генетики в последнее время вызывает интерес в раскрытии причинно-следственных механизмов. Существуют анекдотические данные, указывающие на возможную генетическую роль. Было продемонстрировано, что некоторые пациенты более восприимчивы к постоянным пороговым сдвигам, основанным на измерении порога слухового ответа ствола мозга, когда подвергаются аналогичному воздействию шума [5, р.322-325].

Потеря слуха при отологической травме, которая определяется как внезапное изменение слуха в результате воздействия внезапного всплеска звука, может быть обусловлена другим механизмом действия и должна рассматриваться как отдельное явление. Шум может оказывать более глобальное влияние на физиологию человека и воздействовать на множество неслуховых систем, таких как сердечно-сосудистая, нейроэндокринная и социо-психологическая [6, р. 19-40]. Количественная оценка неслуховых эффектов шума может быть затруднена из-за отсутствия убедительных научных данных, не имеющих статистического подтверждения, поскольку часто существуют правдоподобные альтернативные объяснения результатов. В этих исследованиях часто присутствуют сбивающие с толку переменные, особенно предвзятость отбора.

Было проведено множество исследований, в которых изучалась взаимосвязь между шумом, артериальным давлением. В комплексном мета-анализе, проведенном ван Кемпеном и др. [7, р.146-150], были рассмотрены 43 эпидемиологических исследования, изучавших взаимосвязь между воздействием шума и повышением артериального давления и ишемической болезнью сердца в период с 1970 по 1999 год. Они обнаружили, что существует значительная связь между воздействием шума на рабочем месте и в воздушном транспорте и гипертонией. Доказательства того, что воздействие шума вызывает ишемическую болезнь сердца, были неубедительными, так как не было выявлено точной взаимосвязи.

В другом исследовании изучалась взаимосвязь шума и артериального давления, а также реакция на стресс, включавшая опрос о качестве жизни испытуемых, подвергшихся воздействию шума. Эванс и др. [9, р. 135-142] изучали детей, которые жили в шумном районе «аэропорта» и в тихом районе. Они измерили систолическое и диастолическое артериальное давление, а также получили результаты опросника качества жизни KINDL. Они обнаружили, что в шумных сообществах наблюдалось повышение артериального давления. Опросник KINDL представляет собой оценку

качества жизни у детей и, как было доказано, дает надежные результаты [8, р. 22-43]. Этот опросник использовался в данном исследовании и показал, что качество жизни детей, живущих в шумном сообществе, значительно снизилось за 18 месяцев исследования [14, с.543].

Шум может вызвать нарушения сна и последующие пагубные последствия для здоровья и ощутимое снижение качества жизни. Шум может вызывать непосредственные или вторичные внеслуховые эффекты. Количество и продолжительность ночных пробуждений могут количественно оценить непосредственное влияние шума на сон. Ночные пробуждения обычно происходят при уровне шума более 55 дБ. Время, необходимое для засыпания, может увеличиться до 20 минут при пиковых уровнях шума 45 дБ [10, р.331-338]. Вторичные эффекты шума на сон - это субъективное ощущение снижения качества сна, тахикардия, повышение уровня гормонов стресса (как обсуждалось ранее) и усиление когнитивных нарушений. Воспринимаемое качество сна может быть оценено количественно с помощью любого количества объективных опросников, некоторые из которых включают Ноттингемский профиль здоровья или Функциональный опросник результатов сна. Влияние шума на процесс сна может также способствовать ухудшению когнитивных задач и общей работоспособности [11, р. 243-257].

Шум может вызывать когнитивные нарушения по целому ряду причин. Более ранние исследования показали, что у детей, находящихся в шумной среде, снижено внимание при выполнении заданий и они хуже справляются с когнитивными заданиями по сравнению с детьми, находящимися в тихой среде [13, с.462-478]. Более позднее исследование, проведенное Люнгом и др. показало, что дорожный шум значительно ухудшает способность к чтению и пониманию, а также базовые математические показатели у детей [12, р.231-243]. Предыдущие гипотезы предполагали, что ухудшение когнитивных способностей из-за шума связано с когнитивным копингом, когда дети «отключаются» от чрезмерной стимуляции и имеют общее ослабленное внимание. Другая гипотеза заключалась в том, что шум вызывает высокий уровень возбуждения и приводит к неспособности сосредоточиться. Эти социально-психологические и физиологические неслуховые эффекты шума приводят к пагубным последствиям для здоровья и снижению качества жизни.

Это лишь некоторые из доказательств того, что шум является нежелательным загрязнителем окружающей среды, имеющим глобальные последствия. В нашем промышленно развитом обществе значительная часть населения ежедневно подвергается воздействию шума с вытекающими из этого последствиями для здоровья и последующим

значительным экономическим бременем. Было проведено множество исследований, посвященных механизму возникновения потери слуха. Роль окислительного стресса была подробно изучена и остается вероятной причиной потери слуха. Это приводит к значительному ухудшению качества жизни, поскольку нарушает сон, вызывает когнитивные нарушения и имеет множество неслуховых пагубных последствий для здоровья.

Библиографические ссылки

1. Evans G, Bullinger M, Hygge S. Chronic noise exposure and physiological response: A prospective study of children living under environmental stress. *Psychol. Sci.* 1998;9:75–77.
2. Simpson M, Bruce R. Noise in America: Extent of the Noise Problem. EPA; Washington, DC, USA: 1981. Report No 550/9-81-101;
3. Yamane H, Nakai Y, Takayama M, Iguchi H, Nakagawa T, Kojima A. Appearance of free radicals in the guinea pig inner ear after noise-induced acoustic trauma. *Eur. Arch. Otorhinolaryngol.* 1995;252:504–508.
4. Henderson D. The role of oxidative stress in noise-induced hearing loss. *Ear Hear.* 2006;27:1.
5. Quirk WS, Seidman MD. Cochlear vascular changes in response to loud noise. *Am. J. Otol.* 1995;16:322–325.
6. Evans P, Halliwell B. Free radicals and hearing: Cause, consequence, and criteria. *Ann. NY Acad. Sci.* 1999;884:19–40.
7. Samson J, Wiktorek-Smagur A, Politanski P, Rajkowska E, Pawlaczyk-Luszczynska M, Dudarewicz A, Sha H, Schacht J, Sliwinska-Kowalski M. Noise-induced time-dependent changes in oxidative stress in the mouse cochlea and attenuation by D-methionine. *Neuroscience.* 2008;152:146–150.
8. Le Prell CG, Yamashita D, Minami S, Yamasoba T, Miller J. Mechanisms of noise-induced hearing loss indicate multiple methods of prevention. *Hear. Res.* 2007;226:22–43.
9. Muzet A. Environmental noise, sleep and health. *Sleep Med. Rev.* 2007;11:135–142.
10. Ohrstrom E. Research on Noise and Sleep since 1988: Present State. Noise as a Public Health Problem. *INRETS.* 1993;3:331–338.
11. Stansfeld S, Matheson M. Noise pollution: Non-auditory effects on health. *British Med. Bull.* 2003;68:243–257.
12. Cohen S, Evans G, Krantz D, Stokolos D. Physiological, motivational, and cognitive effects of aircraft noise on children: Moving from the laboratory to the field. *Am. Psychol.* 1980;35:231–243.
13. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. //Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренъкова. М.: Изд-во МГУ, 1996. 462-478 с.
14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной памяти профессора Г. П. Давидюка**

Минск, 10 ноября 2021 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. А. Похомова*
Дизайн обложки *А. А. Скалабан*

Подписано в печать 18.11.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л.16,14.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика